

ДЕВУШКА. КОШКА. ПТИЦА

КУКОЛЬНАЯ КОРОЛЕВА

ЕВГЕНИЯ
САФОНОВА

Евгения Сафонова
Кукольная королева
Серия «Охотники за мирами»
Серия «Темные игры Лиара», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63954707
Евгения Сафонова Кукольная королева: Эксмо;
ISBN 978-5-04-119323-2

Аннотация

Три ипостаси есть у оборотней. Одна ловкая – для детства, одна крылатая – для юности, и ещё одна, самая сильная, – для поры защищать себя.

Три личины есть у неё. Птица. Кошка. Королева, у которой нет и не будет короны: только ниточки, за которые удобно дёргать кукловодам.

Две тайны есть у неё – и два проклятия, ибо за раскрытие каждой – смерть. И никто не спросит, хочет ли она приключений и дальних странствий, когда незнакомцы придут в её дом. Потому что кто-то давно решил это за неё.

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	14
Глава вторая	56
Глава третья	108
Глава четвёртая	155
Глава пятая	192
Конец ознакомительного фрагмента.	223

Евгения Сафонова

Кукольная королева

Иллюстрация на переплете Анны Лужецкой

Дизайн обложки и внутреннее оформление Кати Тинмей

© Сафонова Е. С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается
моей маме и Анне Полянской,
а также всем, кто ушёл слишком рано,
и всем, кому хочется шагнуть вслед за ними.*

*Мам, мне жаль, что ты
не возьмёшь эту книжку в руки.*

*Лию, мне жаль, что мы
не смогли поработать над ней вместе.*

Книга первая Зеркала и дороги

Книга первая

Зеркала
и
дороги

Сказки – больше, чем правда, не потому, что в них рассказывается о существовании драконов, а потому, что они говорят нам: драконов можно победить.

Г. К. Честертон

Он пришёл на закате, когда умирающий свет патокой переливался через горы.

Он спешил у плетня, и подошвы его сапог коснулись дорожной пыли без единого звука.

Он оглянулся: деревенские улочки вымерли. Даже если б стрелки часов не приближались ко времени вечернего чая – здесь, на окраине, всегда было безлюдно.

Он положил руку на калитку, толкнул легонько. Скользнув в щель, ступил на мощённую камнем дорожку и бросил через плечо:

– Я позову.

Двое наёмников уже прыгнули наземь. Держа руки на эфесах клинков, они косились за плетень, на деревенский дом с белёными стенами – светлый островок в зелёном море яблоневых крон. А он поднимался на дощатую террасу по невысоким ступеням крыльца, и ветер нёс ему в спину обрывки шёпота:

– Те самые Фаргори...

– ...так самоуверен...

– ...знает, что никто не увидит?

– Если и увидит, то пожалеет...

Он коротко стукнул в дверь.

Шагов хозяйки дома он не услышал. Не мог услышать. Но скоро его стук удостоили настороженным откликом.

– Кто там?

В вопросе звенели нежные переливы альвийских флейт.

– Боюсь, мой ответ вам не понравится, – он улыбнулся, – Ваше Высочество.

Тишина за дверью обернулась полной противоположностью звука.

– Ваше Высочество... – Он прижался щекой к некрашеной двери; дерево было тёплым и сухим, оно грело, словно стынувшая печь. – Обойдёмся без шума. Мне нужна ваша дочь. Отдайте её, и вас никто не тронет.

– Принцесс в этом доме нет, – её голосом можно было колоть лёд. – Я из семьи сидроделов Фаргори, что живут здесь испокон веков. Убирайтесь, пока я не...

– Ваша выдержка достойна восхищения, но в этой игре вам выпали плохие карты. Никто не выйдет из дома, пока я того не захочу. Если не откроете дверь, я открою её сам.

– Вы угрожать явились? Я громко кричу, и стоит мне крикнуть...

– Даже если вас услышат, это изменит лишь то, что сегодня умрёт парой человек больше. Или десятком. Какая разница. – Он отступил на шаг. – Я не шутить явился, Ваше Высочество. Чем скорее вы это поймёте, тем лучше.

Когда она заговорила вновь, голос её звучал глухо.

– Оставь мою дочь, и я пойду с тобой. Куда угодно. Тебе нужна я, не она. Таша ничего не знает, клянусь, она...

– Таша? О, нет, я пришёл не за ней. Речь идёт о младшей. Лив.

– Лив? Но...

Она запнулась, и его улыбка стала шире.

– Неожиданно, правда? – сказал он, когда молчание затянулось. – Отдайте нежеланную дочь – будете жить. Вы бы и сами хотели, чтобы она исчезла, признайтесь.

– Кто ты? – она почти шипела. – Откуда знаешь...

– Я знаю больше, чем вы думаете, Ваше Высочество. Все ваши большие и маленькие тайны. Но ваши вопросы останутся без ответов.

– Зачем тебе Лив?

– Что я говорил насчёт вопросов? Впрочем, одно исключение могу сделать... из уважения к вам. Скажем так, я задумал одну забавную игру, и вашей дочери в ней отведена весьма почётная роль. – Он подал знак двоим за плетнем. – Так откроете?

Две тени прочеканили шаги по каменной дорожке, прохрустели по разохшимся ступенькам, чтобы встать за его спиной.

– Нет.

Яблони шелестом взволновались на ветру.

– Благодарю, Ваше Высочество. – Он склонил голову. – Вы меня не разочаровали.

Он не шепнул таинственные слова. Рука его не взметнулась в замысловатом пассе. Казалось, он не сделал ровным счётом ничего, но дверной засов с той стороны поднялся вверх.

Когда дверь распахнулась под порывом неошутимого ветра, за ней никого не было.

Он шагнул в пустую прихожую: коврик на дощатом полу, рогатая вешалка у бревенчатой стены, три двери в жилые комнаты. Взглянул под ноги. Мыском сапога поворошил серый ком сброшенного платья.

– Перекинулась... значит, в прятки играем? – Он кивнул на дальнюю дверь. – Она там.

Клинок выскользнул из ножен почти беззвучно. На серебряном покрытии блеснула закатным багрянцем тонкая рунная вязь.

Две тени скользнули вперёд одновременно с тем, как дверная ручка провернулась невидимой ладонью.

Всё случилось быстро – разговоры и предупреждения остались позади. Она просто атаковала, они просто защитились; когда чёрная волчица упала к ногам наёмников, с лезвий ртутными шариками скатилась кровь.

Ни визжать, ни скулить она не стала. Даже от ран, нанесённых «нечестивыми» клинками.

Вместо неё завизжал кто-то другой.

– *Мама!..*

Когда девчонка, метнувшись из-под кровати, кинулась на наёмников с кулаками, с его губ сорвался смешок.

Смелая девочка. Глупая девочка. Ведь не оборотень, не маг: просто маленький человечек, которому мать велела спрятаться и сидеть тихо...

Хотя толку-то.

...а за много вёрст от светлого дома и яблоневых садов, по облитой закатной глазурью дороге бежала рысью каурая кобылка.

Безлюдный тракт убегал в пылающий горизонт, и компанию всаднику составляла лишь тихая песня цикад. Мужчина, сгорбившийся в седле, казался дремлющим – до мгновения, когда цветущая лебеда на обочине тихо всколыхнулась. Очень странно всколыхнулась: двумя полосами, которые на миг пролегли и тут же сгладились в травяном море.

Лошадь повела мордой по ветру. Встревоженно стригнула ушами воздух. Всадник не встрепенулся, даже не выпрямился – лишь чуть повернул голову.

Вглядевшись в заросли лебеды, вымахавшей в человеческий рост, он медленно протянул руку за спину, к ножнам с мечом.

Лебеда глухо, бесконечно злобно зарычала в ответ.

Лошадь понесла в миг, когда трава выплонула две мохнатые тени. Лошадь понесла, когда звери уже взвились в прыжке. Лошадь понесла безнадёжно поздно...

...но всё это было далеко.

А здесь и сейчас в доме смолк детский крик.

Вскоре трое всадников пустили коней галопом: по ниточке просёлочной дороги к ленте тракта, уползавшей за кром-

ку пшеничных холмов, прочь от яблонь, шепчущихся вокруг мёртвого дома.

Он не оглядывался. Он смотрел в небо. И хотя разглядеть в вышине маленькую белую птичку не представлялось возможным – знал, что она там.

Скоро птичка по имени Таша вернётся домой...

– Что ж... – он улыбнулся своим мыслям, – до встречи, девочка моя.

Новая игра началась.

Глава первая

Книжные дети

За один неполный оборот часовой стрелки до момента, разделившего их жизнь на «до» и «после», в канун дня, на исходе которого незнакомцы явились в их дом, Таша и Лив лежали в саду и трясли небо.

Вечер был прозрачным и сладким, как леденец: липы на заднем дворе только вчера обсыпало медовыми звёздочками цветов. Росистую траву на полянке между яблонями примял лоскутный плед. Листва шептала колыбельные двум девочкам, что смотрели на звёзды, смешно вздёргнув ноги к небу – словно хотели подошвами мягких туфель коснуться двух лун, в этот час висевших почти рядышком.

– Ещё одна! – Лив довольно указала туда, где в черноте исчез росчерк упавшей звезды.

– Успела загадать? – улыбнулась Таша.

– Ага!

– И сколько желаний осталось?

Лив смешно наморщила нос, припоминая свой немаленький список:

– Шесть.

Таша посмотрела на дом. Свет с террасы просеивался сквозь яблоневые кроны, разливался по каменной дорожке до калитки, лизал золотыми лучами край тропы, уводившей к их любимой поляне.

Отсюда маму не видно, но наверняка она уже готовит им травяной чай на сон грядущий.

– Придётся постараться, если хотим сегодня управиться, – сказала старшая из сестёр Фаргори.

Поёрзав на пледе, Лив старательно засучила ногами в воздухе. Как и Таша. Со стороны могло показаться, что они пинают звёзды, и догадки эти были бы недалеки от истины.

Увидев их впервые, немногие могли предположить, что они родня. Старшая дочь Мариэль Фаргори уже прожила свою шестнадцатую весну, а младшей едва исполнилось девять, но и при такой разнице от сестёр ожидаешь большего сходства. В чертах их лиц не было ничего общего. Лив унаследовала вишнёвые глаза матери, её худенькая косичка отливала той же обсидиановой чернотой, что и локоны Мариэль, а светловолосая сероглазая Таша пошла в бабушку (так говорили, во всяком случае). Однако все сомнения отпадали, стоило хоть раз увидеть, как Таша возится с малыш-

кой, которую многие считали ребёнком совершенно невыносимым.

Такое мнение имело под собой основания. Но крошка Лив слишком любила маму и старшую сестру, чтобы изводить ещё и их.

Приближение Гаста Таша слышала задолго до того, как его шаги зашуршали по тропинке.

– Что-то ты припозднился, – сказала она, когда друг застыл на краю полянки.

– Ну прости. Сперва у кузницы старика Лира долго торчал, потом дядя нравоучительствовал. – Краем глаза Таша видела, как Гаст недоумённо следит за их пятками. – Что вы делаете?

– Трясём небо, – поведала Лив со всей серьёзностью ребёнка, который едва способен усидеть на одном месте хотя бы пять моментов¹, а обычные полчаса школьного урока считал изощрённой пыткой.

Гаст посмотрел вверх, туда, где по небесному шёлку рассыпалась колкая звёздная шелуха.

– Мы загадываем желания на звёзды, – пояснила Таша невозмутимо. – Но их падает куда меньше, чем Лив хочется. Зато если небо потрясти, они точно на местах не удержатся.

Смеяться Гаст не стал. За десять лет дружбы – с момента, когда они случайно сели за одну школьную парту, – он давно привык к её выдумкам.

¹ Единица измерения времени, равная 90 секундам (*аллигранское*).

– Твоя идея? – просто спросил он.

– Чья ещё.

– Я не такая умная, как Таша, – грустно сказала Лив. – А то сама бы придума... ай, ну вот, ещё одна упала, а я не успела ничего загадать! Ты меня отвлѣк, дурак!

– Чай готов!

Мамин голос глухо прозвенел в синей темноте, приглушённый яблоневыми просторами, отделявшими полянку от дома.

Четыре пятки, облитые тонким шевретом летних туфель, одновременно ударились о плед.

– Не обзывайся. – Сев, Таша легонько щѣлкнула сестру по носу. – Завтра ещё по крайней мере пару звѣзд свалим, стрекоза.

Та не утешилась, и всё время, пока Таша сворачивала лоскутное покрывало, стояла надувшись.

– Гаст-балласт, – буркнула Лив.

– Я кому сказала?

– Наш Гаст патласт, ушаст, бородаст...

– Лив!

– Не вижу ничего плохого в бороде, – сказал Гаст, смущённо почесав слегка щетинистую щѣку: зимой на ней впервые показались редкие светлые волоски, пока не знакомые с бритвой.

– Борода может быть красивой, а вот твои поросѣночьи шерстинки – точно нет!

Отряхивая плед от земли и травы, Таша не видела лица друга. Зато прекрасно слышала, как тот скрежещет зубами.

К детям нужно быть снисходительным (особенно когда тебе восемнадцать, ты уже почти закончил школу и, выходит, почти что взрослый), но порой это дамнарски сложно.

– Мелкая ты ещё, чтоб в мужской красоте разбираться, – процедил Гаст наконец.

– Будь я мальчиком, ты бы мне сейчас врезал, да? – проныцательно заметила Лив.

– Таша б мне не дала. Но на подзатыльник ты напрашиваешься.

Хихикнув, довольная Лив уцепилась за руку сестры; Таша только вздохнула стоически.

– Лучше скажи, ты брался за задание по истории? – спросила она, направившись к дому, одной рукой прижав покрывало к груди.

– Неа. – Гаст на ходу сорвал с ближайшей ветви недозрелое яблоко. – Всё равно одна добренькая отличница даст мне списать.

– На этот раз – не дам.

– Кажется, я это слышал уже примерно... сто раз?

Выпустив ладошку Лив, Таша ткнула нерадивого друга под рёбра – судя по громкому ответному «ай», плотный лён рубашки не смягчил удар.

После она не раз вспоминала тот вечер. Детские препиательства, детские проблемы, казавшиеся тогда такими важ-

ными. Незагаданные желания. Невыученные уроки. Незначительные, трогательные пустяки, ничем не предвещавшие грядущего.

Самое страшное в жизни редко предупреждает о себе. Оно приходит без приглашения, в самый обычный день, когда ты не успеваешь и даже не собирался прибраться к его визиту. И никогда не спрашивает, готов ли ты его принять.

К такому невозможно быть готовым.

– Кажется, я не раз высказывала своё отношение к тому, что кто-то обрывает яблони без спроса, – сказала мама, когда они поднялись по деревянным ступенькам на террасу. Гаст как раз дожёвывал огрызок вместе с косточками, неведь каким образом не морщась от невыносимой кислоты. – Добрый вечер, Гаст.

Обе стрелки настольных часов приближались к двенадцатому делению из шестнадцати. Многие отправляли детей спать в одиннадцать, как только темнело, но Мариэль Фаргори придерживалась иных взглядов на воспитание. На террасе ночь расступалась, развеянная магическим светильником посреди стола: шарик ровного золотистого света в резной меди ажурной оправы. Вокруг дымились чаем глиняные кружки и тлели в курильнице травы, отпугивая назойливую мошкарку. Пахло дымом, мёдом и майским днём – Таша не помнила точный состав смеси, но туда входила бузина.

– Да ладно, тётя Мариэль. – Гаст ответил той обезоруживающей улыбкой, что сводила с ума большую часть деревен-

ских девчонок. – Всего одно яблочко. Таша разрешила.

Мама тоже улыбнулась – только глаза остались холодными.

– Пейте. – Скользнув по лицу старшей дочери, её взгляд потеплел. – Не буду вам мешать.

– Золото, а не мать, – сказал Гаст, когда Мариэль ускользнула в дом, а они расселись по соломенным креслам вокруг стола. – Моя в жизни не ушла бы. Как же так, дать сыну спокойно поболтать, а она не узнает, о чём... – друг отхлебнул из своей кружки: Мариэль, осведомлённая о грядущем визите, накрыла на троих. – Видно, деликатность у вас в голубой крови. К некоторым маленьким врединам не относится.

– Просто тебя подозревают в чём-то нехорошем, – умудрённо заявила Лив. – Нас подозревать не в чем, а твои грязные секреты нашей маме неинтересны.

Таша промолчала. Взяв печенье из плетёной корзинки, откинулась на спинку кресла и посмотрела на море яблоневого тьмы, шелестевшее вокруг островка магического света.

Даже днём отсюда виднелись только зелёные кроны да крохотный кусок дороги за калиткой. Сады Фаргори являлись главной достопримечательностью уездной деревеньки Прадмунт, в остальном совершенно заурядной; и если обычно достопримечательности украшали собой центральную площадь, то здесь знаменитые сады раскинулись почти на отшибе. В детстве Таша представляла, что это заповедные альвийские леса, и нет вокруг ни деревни, ни сенокосных

полей, а их белёный каменный дом на самом деле – дворец Королевы Лесной: мама ведь так похожа на королеву...

В одном соседи бы с ней согласились – аристократическо-го высокомерия Мариэль Фаргори было не занимать. Аристократической красоты, впрочем, тоже. Многие находили, что бывшая королевская фрейлина странно смотрелась в семье деревенских сидроделов, но восстание шестнадцатилетней давности причудливо перетасовало придворные судьбы.

Тот факт, что Мариэль только рада жить в стороне от сельской жизни, никого не удивлял. И почти не вызывал неприязни. У обитателей Прадмунта было немного причин гордиться своей малой родиной – помимо той, что сидр Фаргори вот уже полвека пили при дворе, и даже новый король не отказался от привычки, заложенной предыдущей династией. Причуда судьбы, закинувшая к ним настоящую столичную аристократку, добавляла к этим причинам ещё одну. Фрейлина – это, конечно, не королева, но всё равно голубая кровь; и ей прямо-таки положено быть высокомерной, иначе какая ж она аристократка?..

– Что ты сегодня забыл у кузницы? – спросила Таша, отряхнув штаны от крошек.

Гаст безмятежно хрустнул ореховой печенюшкой:

– Выкраивал момент, чтоб испортить мехи старика Лира.

– Зачем?!

– А нечего было рожу кривить, когда я просил себе гвоздь на удачу выковать. Что ему, жалко один паршивый гвоздь?

А мне б перед выпускными экзаменами так пригодился!

– Не жалко, если б его сын не ходил с синяком под глазом, который там возник не без твоего участия.

– Лир-младший сам напросился. Нечего было язык распускать.

– Лир тебя обидел? – полюбопытствовала Лив, болтая ногами под столом.

– Если б меня. – Гаст покосился на Ташу. – Он твою сестру назвал... нехорошим словом, в общем.

– А чем Таша его обидела?

– Тем, что больно хороша для безмозглого страшили вроде кузнецкого сына.

Подумав над этими словами, Лив серьёзно кивнула.

– Ты его правильно стукнул. Таша не виновата. Хотя даже если б была виновата, его всё равно надо было стукнуть, – подумав, резюмировала она.

– Вот и я о чём.

– А дядя чем докучал в этот раз? – Таша решила сменить тему, от которой щёки расцветали сердитым румянцем.

Запустив пятерню в свою непослушную русую шевелюру, Гаст взъерошил вихры на затылке.

– Как обычно. Безобразничаю, учусь спустя рукава, на кого ж отец деревню оставит, когда Пресветлая приберёт... – он неподвижно смотрел на тёмное чайное зеркальце, обрамлённое жжёной глиной. – Так тошно иногда, Таш. Всё уже за меня решили.

– Как будто тебе плохо. Станешь старостой, как твой отец. Будешь всеми здесь командовать. Если кое-кто не прекратит вредничать, отомстишь за детские обиды и заставишь кое-кого стричь свою роскошную длинную бороду.

Лив, от которой намёк не укрылся, скорчила рожицу.

– Отец никем не командует. Это дядюшкина прерогатива. – Гаст рассеянно сжал кружку в ладонях. – Может, мне и правда плохо. Может, я не хочу всю жизнь в Прадмунте провести. Сколько родители на своём веку в город выбирались – на пальцах пересчитать можно... А я хочу мир повидать. И приключений.

Тёмные глаза на родном добродушном лице – орех, мох и сумрачная болотная зелень – смотрели так тоскливо, что Таше сделалось не по себе. Она слишком привыкла видеть в них безалаберную беспечность.

– Приключения ему подавай...

– Как будто ты от них отказалась бы. – Когда Гаст поднял взгляд, в него уже вернулся привычный шальной огонёк. – Скажешь, не мечтала победить какое-нибудь чудище, как в сказке – по-настоящему? Мне можешь не врать, я сам с тобой в колдунов и паладинов в этом саду играл. И в великие деяния Ликбера тоже.

Таша вспомнила, как они увлечённо фехтовали палками на заднем дворе. Тайком от мамы. Та одобряла разве что игры, где Таша изображала пленённую в башне принцессу, но самой Таше это казалось ужасно скучным. Сидеть без дела,

пока кому-то достаётся всё веселье? Уж лучше она сама сразит злого колдуна. Благо Гасту нравилось заматываться в занавеску (ткань была тёмно-серой, но они притворялись, что она чёрная) и зловеще хохотать.

Нет, Таша не отказалась бы от приключений, если б те преподнесли ей на блюдечке – красиво сервированными и с приправой в виде обязательного счастливого конца. Пуститься в дальние странствия. Сразиться с коварными злодеями за правое дело. Побывать в альвийских лесах и Подгорном королевстве, станцевать со Звёздными Людьми и выпить с цвергами (в конце концов, ей уже шестнадцать, можно разок позволить себе что-то покрепче чая). А потом, совершив славный подвиг во имя спасения Долины, выслушать благодарность от самого Его Величества – на балу при столичном дворе, в окружении сиятельных особ всех четырёх провинций...

Мечты вновь завели её туда, куда ход ей был категорически заказан, – и, виновато моргнув, Таша повернула голову.

Через кухонное окно видно было, как мама сидит над расчётными книгами. Тёмные кудри оттеняют благородную бледность кожи, морщинки у рта и меж бровей не портят строгой красоты точёного лица, простое хлопковое платье не скрывает безупречную осанку, не сломленную ни годами деревенской жизни, ни ударами рока.

– По-моему, про приключения куда лучше читать, чем проживать их самому, – сказала Таша, заканчивая мгновен-

ный спор с самой собой. Потянулась за книгой, ждавшей своего часа в ящике дубового комода, лак с которого слез ещё до её рождения. — К слову об этом. Мы остановились на том, как Рикон победил виспа, но угодил в плен злых прислужников магистра Ларнека, и...

— Я тут вообще-то тоскую о своей незавидной судьбе.

— Поэтому я решила напомнить, что у любителей приключений судьба бывает куда более незавидной. — Таша открыла страницу, отмеченную тонкой латунной закладкой. Разгладила плотную бумагу, по которой ровными печатными строчками струились странствия и испытания, победы и поражения, любовь и ненависть, облечённые в текст. — *«Рикон открыл глаза. Он лежал ничком на холодных камнях. В темнице не было окон, и трудно было сказать, день сейчас или ночь. Как давно он здесь? Как сюда попал? Последнее, что он помнил — жуткая боль, когда заклинание врага достигло цели...»*

Боковым зрением она видела, как с каждым словом лицо друга разглаживается.

Спустя пару страниц Гаст снова пил чай — вместо того, чтобы мрачно греть руки о глину, — и с неподдельным интересом слушал о страданиях пленного паладина вместе с притихшей Лив.

Сказкам лучше оставаться сказками. Хотя бы потому, что в сказках про борцов с чудовищами обычно не рассказывают о крови чудовищ на клинках. Или крови неосторожных

героев.

Они разошлись две главы спустя, в час, когда спали не только дети – многие взрослые. Впрочем, бояться в Прадмунте было нечего, а Гасту, как и сёстрам Фаргори, позволяли многое из того, что не позволяли другим. Поэтому Таша проводила друга до калитки и какое-то время смотрела, как он не торопясь бредёт прочь по просёлочной дороге, залитой лунами и ночной синью: голубая Никадора уже вошла, золотая Аерин лишь начинала убывать, и их смешанный свет рассеивал черноту прохладными льдистыми лучами.

К дому Таша возвращалась, думая о своём. Например, что её судьба и так напоминает сказку. Во всяком случае, начало одной из них. Этот сюжет Таша встречала в книжках не раз; только вот жизнь и книжки – разные вещи, и её история – по очень многим причинам – не закончится тем, чего от подобной истории она сама бы наверняка ждала...

В спальне, натянув ночную рубашку, Таша села на несуразно большой кровати. Обняв руками колени, уставилась в окно – за стеклом звала, манила звёздная высота.

...она проживёт в этой деревне всю свою жизнь. Спокойную, долгую жизнь. Будет выбираться в город пару раз в год по делам, как мама. Не увидит даже хвост тех приключений, которые пережила Мариэль, прежде чем стала Фаргори. Унаследует семейное дело, станет делать сидр, выйдет замуж (куда же без этого?) – и, конечно, за одного из местных...

Будущее представилось отчётливее, чем когда-либо, взяв

за горло холодной лапой удушающей тоски.

Крылья... расправить бы крылья, прямо сейчас, сбегать в небо – от непрошеного страха, от непрошенных мыслей, от странной жажды, даже нет – знания, что где-то ждёт тебя нечто иное, новое, большее...

Тихий стук предварил миг, когда мама скользнула в дверь.

– Грустишь? – она подошла к постели: как всегда, бесшумно, как всегда, безошибочно угадав её настроение.

– Немного, – сказала Таша глухо и честно.

– Из-за этих разговоров о приключениях?

Конечно, маминому слуху не могла помешать какая-то там стена и закрытое окно.

– Не нужны мне приключения, – откликнулась Таша после секундной заминки. Снова честно. – Я... я просто по небу соскучилась.

Не нужны ей ни балы, ни подвиги. У неё свои маленькие приключения, с ветром в крыльях и травой под мягкими лапами.

Мама кинула за окно оценивающий взгляд, словно взвешивала на глаз лунный свет:

– Уже поздно. Я буду волноваться. Давай завтра, до вечернего чая, ладно?

Таша кивнула – и была благодарна уже за то, что мама всерьёз подумала, не отпустить ли её сейчас. Несмотря на все опасности ночи.

Кому как не Мариэль Фаргори понимать желание ощутить

себя крылатой.

– Я была бы счастлива, если бы ты увидела больше, чем эту деревню, – сказала мама вдруг. – Если бы познала другую жизнь. Ту, которой я сама для тебя желаю. – В том, как она обняла дочь, скользнула та же печаль, что полутонем окрасила её голос. – Наверное, втайне я надеюсь, что ты ещё её увидишь... однажды.

Таша прекрасно знала, какой жизни желала для неё мать. Как знала истинную причину, почему Мариэль Фаргори никогда не пьёт с ними чай, если в дом заглядывает Гаст, и то, почему в глубине души она против этих чаепитий – но, любя дочь, скрепя сердце впустила в их жизнь её единственного друга. Знала даже то, почему перед сном мама всегда сперва заходит к старшей дочери; знала – вот уже третий год.

Ни Гаст, ни Лив ничего не замечали. А Таша никогда не сможет открыть им глаза. И не хочет.

– Даже если не увижу, мне всё равно. Мне и здесь хорошо, с вами.

Мама улыбнулась; теперь – без тени холода. Коснувшись губами макушки дочери, пожелала добрых снов.

Когда она ушла, привычно оставив светильник на тумбочке включенным, Таша зарылась лицом в подушку: спать без света она не могла, но засыпать лампа слегка мешала. Накрылась лёгким одеялом – в каменном доме было прохладно даже летом.

Она ещё ворочалась, когда в коридоре слышались зна-

комые семенящие шажки. И ничуть не удивилась тому, что дверь вновь отворилась.

Лив влезла на кровать бесцеремонно, не удосужившись проверить, спит ли сестра.

– Та-аш...

Повернув голову набок, Таша сонно приоткрыла один глаз.

– Таш, ты злишься, что я Гаста обижаю?

Сестра тоже была в ночной рубашке – старой, Ташиной. Та оказалась ей чуть великовата, и маленькие детские ладошки тонули в дутых рукавах. Распущенные волосы струились по белой ткани чернильными струйками, огромные глаза на курносом личике сейчас отливали не вишней даже – черносливом.

По уму Таше следовало отвернуться, преподав урок, который Лив заслужила. Но лицо сестры, с ногами забравшейся на постель, было неожиданно несчастным.

– Немножко.

Иногда она думала, что всему причиной неизбывное чувство вины за свою ложь, третий год окутывавшую Лив счастливым неведением. Как бы там ни было, сестра вила из неё не то что верёвки – канатные лестницы: Таша просто не могла на неё сердиться. Если и сердилась, то куда реже, чем следовало.

– Я больше не буду, – серьёзно сказала Лив.

– С чего это?

– Не хочу, чтобы ты решила, что я слишком вредная, и меня разлюбила.

Таша фыркнула и, вытянув одеяло из-под коленок сестры, приподняла его край в знак примирения: Лив охотно заползла внутрь.

– Я тебя никогда не разлюблю, стрекоза. Но если будешь вредничать поменьше, очень меня порадуешь. – Когда Лив улеглась рядом, Таша обняла её, как обнимала потрёпанного плюшевого зайца, лишь пару месяцев назад отправленного в сундук под кроватью. – Спи давай.

Они так и уснули вместе. Не в первый раз.

Но на очень долгое время – в последний.

* * *

– Быстрее, – бросает Герланд, пока они бегут – вниз, вниз, вниз, по бесконечной лестнице, белой, как всё в королевском дворце.

Эхо дробит и перекачивает их шаги, как и отзвуки криков, пробивающиеся сквозь стену: потайную лестницу специально строили так, чтобы с неё можно было подслушивать, папа говорил. Джесси очень старается не отставать, но маленькие ноги всё равно перебирают ступеньки слишком медленно. Как пятилетке угнаться за взрослым? Его бы взяли на руки, будь здесь мама с папой, но они остались наверху, защищать королевскую семью – долг рыцарей выше родителей.

тельского, а дядя Герланд несёт брата – хнычущий комок в ворохе пелёнок. Один Герланд спустился бы быстрее, гораздо быстрее, а так... младенец в одной руке, холодные пальцы другой сжимают ладошку Джеми, за плащ судорожно цепляется Берри: ей уже девять, почти взрослая, но бежит она немногим быстрее...

Когда лестница наконец заканчивается дверью, крики уже не слышны. Один Герланд просто прошёл бы сквозь неё, но он не один, и поэтому пихает дверь ногой.

Огромный холл освещён слабо, совсем не как обычно – когда он встречает высокородных гостей, но Джеми этого хватает, чтобы узнать папу. Папа почему-то здесь, а не наверху, и стоит посреди зала, рядом с кем-то в чёрном. Кто-то в чёрном резко дёргает рукой, и папа падает. Тут Джеми понимает, что кто-то держит меч, который только что выскользнул из папиной груди.

Джеми смотрит, как папа падает – к другим, что уже лежат на полу. Мужчины, девушки и старики, гвардейцы и простые придворные; кто в мундирах, кто в платьях, кто в ночных рубашках. Кто-то на лестнице, кто-то у самых дверей, в тёмных лужах на белом мраморе.

Джеми смотрит, как папа падает – к маме. Она тоже на полу: отсюда плохо видно, но маму Джеми узнаёт всегда.

Когда папа наконец падает, кто-то в чёрном уже рядом, прямо перед Джеми – тенью, метнувшейся к ним быстрее, чем может любой человек. Тень – девушка, она в чёрном, и

лицо её тоже в чёрном: волосы, глаза, странные потёки на лице, будто от краски, такого же цвета, как то, что вязко капает с её меча. Только кожа белая, и звёзды, сияющие на дне зрачков, совсем как у Герланда.

Тень заносит клинок для нового удара, и Джеми не знает, почему тот до сих пор не опустился – наверное, потому, что каждое мгновение кажется ему вечностью.

Тень – девушка, мятежница, убийца родителей – смотрит на него, белые звёзды горят в её чёрных, чёрных глазах...

Чей-то возглас вырвал его из холла, погрузив во тьму, какая обычно царит под закрытыми веками.

Кошмар нехотя выпустил Джеми из цепкой ледяной глубины.

Он уставился на лампу, мерцавшую на чайном столике. Осознал, что он там, где и должен быть: в тканевом кресле посреди тёплой гостиной, с книжкой в руках, на затянувшемся вечернем чае.

– ...да, я уверен, – говорил Герланд – сидевший напротив, а не тащивший трёх перепуганных детей из залитого кровью дворца, – потому что мне несвойственно выражать вслух то, в чём я не уверен, и к этому моменту ты мог бы это уже...

Джеми посмотрел на книгу – во сне ослабшие пальцы упали на колени вместе с ней.

Надо же. Заснул. На самом интересном месте (утренние тренировки и ночная зубрёжка не прошли бесследно). И

опять во сне отправился в чужую память, – хотя Джеми она каждый раз казалась очень даже своей.

Алексас не уставал шутить, что младший брат нагло посягает на его личное пространство, но при том, что их связывало, обмен воспоминаниями был неизбежным побочным эффектом.

– ...я не понимаю, зачем сперва созывать узкий круг, – настаивал Найдж. Его голос и вырвал Джеми из сна: из троицы Основателей – альва и двух колдунов, которых чаепитие собрало за одним столом, рассадив по соседним креслам, – лишь Найдж повышал тон в спорах. – Ты не хуже меня понимаешь, что нас вряд ли предал кто-то из...

Свыкнувшись с тем, что холод королевского дворца остался за гранью сна и пропастью минувших лет, Джеми поёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

Сам он восстание не помнил. Это Джеми был розовым комком, хныкавшим в ворохе пелёнок, пока его брат бежал с Герландом от мятежников, а в дворцовых коридорах вырезали придворных, ещё вчера даривших маленькому Алекса-су улыбки и сласти. И предпочёл бы не помнить, – поэтому поспешил вернуться к чтению, где Рикон как раз повстречался с виспом, стражем болот.

«...тварь, державшая в руке зелёный фонарь, улыбнулась ему. Чудовищная ухмылка жутко смотрелась на лице, что Рикон привык видеть в зеркале.

– Я знаю, чего ты боишься, Рикон, – сказал монстр, при-

нявший его облик. – Псы магистра Ларнека уже идут за тобой, но самый большой твой страх – стать таким же, как он...»

– ...Джеми!

Он уже привык пропускать беседы старших мимо ушей, но зов Герланда был не той вещью, которую можно игнорировать.

Пришлось неохотно выныривать из манящей реальности книжных страниц в окружающую действительность.

– Я понимаю, что сказочные небеса предпочтительнее, – когда воспитанник удостоил его безраздельным вниманием, сказал Герланд, и серебристые альвийские искры блеснули в его зрачках призраками далёких звёзд, – однако порой полезно спускаться на нашу бренную землю.

Джеми непроизвольно вжал голову в плечи.

Пылающий камин жарко натопил маленькую гостиную, полную гобеленовой ткани и резного дерева, но холодок зимней ночи, сквозивший в голосе альва, кого угодно заставил бы поёжиться.

– Особенно уместно здесь слово «наша», – скептически подметил Алексас. – Не припоминаю, чтобы альвы считали Подгорное королевство своей землёй.

Джеми удержался от ответа, – в который раз порадовавшись, что брата больше никто не слышит.

– Повторяю. – На миг за спиной Герланда нетерпеливо дрогнули огромные прозрачные крылья и тут же вновь скры-

лись за кромкой зримого, будто слившись с белёной стеной. – Через три дня собираем очередной совет. Ваше с Алексасом присутствие желательно.

В книжках Джеми встречал выражение «мраморные черты», но лицо Герланда точили даже не из мрамора – из белого льда. В глазах альва темнело сумеречное небо, пронзительно-холодное, а чёрные кудри словно выткали из красок ночи: странная, нечеловеческая, почти пугающая красота Звёздных Людей. Джеми гордился, что их с Алексасом спас и воспитал один из них, но иногда...

Иногда они с братом всерьёз опасались опекуна. Не без причин.

Прикрыв книгу, дабы не было соблазна отвлечься (только страницу пальцем заложив), Джеми посмотрел в окно – просто чтобы оттянуть момент истины.

Из окон особняка открывался прекрасный вид на главную улицу округа Хёх: единственного «людного» округа Камнестольного, великого града цвергов. Сами цверги именовали свою столицу Хапстаддэрштайн, но Джеми предпочитал распространённый аллигранский перевод. Фонари цветного стекла на высоких ножках, светлая брусчатка, по которой звенели копытами железные кони, дома серого камня в два-три этажа и пёстрые витрины лавок; где-то над курящими дымоходами смыкались каменные своды гигантской пещеры – так высоко, что подгорная тьма скрадывала их, маскируя под мглу ночного неба. Там же пряталась хитрая си-

стема воздуховодов, позволявшая жителям подземья не задохнуться.

Здесь селились все люди, по какой-то причине задержавшиеся в Подгорном королевстве, и от наземных городов Хёх отличала разве что вечная темнота. Другие округа щеголяли типичной архитектурой цвергов с затейливой резьбой по стенам невысоких домишек... но туда людям лучше было не соваться.

– Пора всерьёз участвовать в делах сообщества, – сумеречный взгляд Герланда резал той же непреклонностью, что и слова. – Даже если ты считаешь, что не готов.

– Но я готов! – выпалил Джеми. – Готов участвовать! Правда!

Подумав, честно добавил:

– Наверное...

День Джеми Сэмпера, колдуна-недоучки шестнадцати лет от роду, не задался с самого начала.

На утренней тренировке ему удалось лишь шесть боевых каскадов из семи. Учителя могли сколько угодно уверять, что в его возрасте и это освоить – гениально, а заклятия выше пятой ступени просто истощат его магический резерв: Джеми подобное не утешало. Если ты за что-то взялся, делай всё, что требуется, без всяких скидок. Не можешь сделать – не берись. Никаких отговорок в духе «не дорос», «болен» или «устал».

Джеми предпочитал брать пример с солнца. Солнце, мо-

жет, тоже человек. Может, ему тоже бывает плохо. Может, ему тоже иногда вставать не хочется. Только солнце никто никогда не спрашивал, может ли оно светить: для него не существует «хочу» или «могу», есть одно лишь «нужно». Вот оно и светит вопреки всему...

После настало время уроков литературы и языкознания, а потом Алексасу, любимому до зубовного скрежета старшему братцу, пришла пора отправляться на тренировку по фехтованию. Джеми не оставалось ничего, кроме как два часа наблюдать за его потугами.

У Алексаса дело тоже не особо спорилось. Нет, он мог побить, пожалуй, любого смертного, причём вне зависимости от возраста, умения и весовой категории... но сражаться с альвом – дело неблагодарное, а щадить их Герланд никогда не собирался, даром что был их опекуном. Так что по завершении тренировки Алексас в который раз зализал раны с помощью баночки целительной мази, после чего выразил желание прошвырнуться в город.

Джеми согласился. Он уже третий день мечтал добратся до книжной лавки (порой считал себя достойным немного отвлечься от магических трактатов за развлекательной литературой), а потому следующие полдня братья самым бесстыдным образом отдыхали. И если поход за новым томом «Правил паладина» Джорданесса занял около получаса, львиную долю оставшегося досуга отняло общение Алексаса с премиленькой девушкой, которую он встретил по пути в

таверну. Вот что в нём только девушки находят?.. Казалось бы, смазливый самоуверенный щёголь. Долговязый. Вечно растрёпанный. Ещё и веснушчатый... Но девушки странно смотрели на многое – это Джеми давно уяснил.

Понять их он даже не пытался, просто принял какие-то вещи, как факт.

Прогулка с очередной красоткой завершилась сговором об очередном свидании под балконом; и на этом Алексас, весьма довольный собой, продолжил путь к кружке крепкого цвергского пива и приятной застольной компании, где и провёл оставшийся час до вечернего чая. На взгляд Джеми, совершенно бездарно.

– Какой энтузиазм. – Найдж, развалившийся в кресле слева, спрятал ухмылку за чашкой. А может, и улыбку, – не понять: она с губ колдуна почти никогда не сходила, из-за этого молодое лицо под ёжиком растрёпанных русых волос казалось ещё моложе, и даже тёмно-серые радужки делались светлее. – Видишь, Герланд, а ты ребёнка попрекаешь.

– Сам ты ребёнок, – буркнул Джеми. – По магическим меркам.

– Сначала до бакалавра дорасти, там и поговорим, кто ребёнок.

Джеми на подколку не обиделся. Хотя сам Найдж, уже лет пять игравший роль его второго наставника, звание бакалавра магических наук защитил не так давно – куда позже, чем той же цели обещал достичь Джеми.

– Если бы этот ребёнок проявлял на собраниях сотую часть того интереса, что он выказывает к вашим урокам и этим... *сказкам*, – брезгливость, с какой Герланд посмотрел на «Правила паладина», была куда красноречивее паузы перед словом, – сейчас у меня было бы одной головной болью меньше. К счастью, я привык работать с тем, что есть.

Джеми снова не обиделся. Будь Герланд *действительно* против «этих сказок», ему бы просто запретили походы в книжную лавку – и, скорее всего, Джеми бы не осмелился бунтовать. Альв и к походам мальчишек в город относился неодобрительно, но понимал: запирать воспитанников в четырёх стенах немилосердно и невозможно. Так что лишь регулярно проверял ментальные барьеры, защищавшие их разум – без этого случайная встреча с чтецом сознаний могла обернуться неприятными последствиями (дар проникать в чужие мысли среди магов встречался редко, но всё же встречался), – и не менее регулярно наказывал держать язык за зубами – по поводу и без.

Повод был. И немалый. Для окружающих Алексас и Джеми Сэмперы звались Алексасом и Джеми Торнори, и воспитывал их вовсе не Герланд, а небезызвестный магистр Торнори, отставной придворный маг Короля Подгорного. В принципе, почти так всё и было: их дом действительно принадлежал магистру, они действительно в нём воспитывались, а Джеми действительно учился у старого колдуна.

Не так было то, что официально братья были мертвы. По-

гибли вместе с родителями, королевскими рыцарями, – которые пали, защищая своего короля.

Когда шестнадцать лет назад в королевский дворец ворвались мятежники, уцелели немногие его обитатели. Король Ралендон Бьорк Девятый был убит – вместе с женой, дочерью, советниками и придворными. Новым королём провозгласили Шейлиреара Дарфулла, бывшего Советника Его Величества по финансовым делам, по совместительству недурного колдуна. Шепотки о том, что из него выйдет отличный правитель, ходили задолго до восстания; оно вошло в историю под названием «Кровеснежная ночь», ибо наутро снег столицы был багряным от крови.

От безжалостной толпы, ворвавшейся во дворец, Джеми и Алексаса спасло чудо. Чудо звали Герландом, и оно было альвом, некогда изгнанным из родных лесов. Став чужим для своего народа, Герланд присягнул на верность владыке людей, и до самой резни он служил убитому монарху, сражаясь с родителями мальчишек бок о бок. Потому и спас братьев Сэмперов, спрятав их в Подгорном королевстве, и воспитал, заменив им отца.

Отца, которого Алексас почти не помнил, а Джеми почти не знал...

– Нам всем известно, Гер, как ты любишь одаривать своих сынов похвалами, но предлагаю вернуться к тому, что острее всего требует вынести себя на суд, – устало проговорил магистр Торнори, тонкими руками поправив плед. Хозяин

дома не так давно разменял третью сотню лет, и никто не удивлялся как тому, что он подозрительно легко зяб, так и мудрёным оборотам его речей: не все маги могли приспособиться к смене веков. – Всё же я настаиваю на том, чтобы сперва собрать узкий круг. Вероятность того, что мы обнаружим среди нас... то, чего опасаемся, ничтожна, но я хотел бы успокоить свою душу хоть на этот счёт.

– А в чём, собственно, суть грядущего собрания? – стыдливо осведомился Джеми.

– К нам пожалует новый спонсор, дабы обсудить условия союза с глазу на глаз. – Едва ли магистру нравилось повторять то, что Джеми пропустил за книгой и сном, но он не выказал этого ничем. Старый маг вообще умел прятать эмоции за гривой седых волос, что могли так кстати упасть на глаза, пушистой бородой и дежурным благолепием. – Нашим застоявшимся жилам не помешает свежая кровь.

– Ещё выслушаем доклад шпиона в Торговой Гильдии, – добавил Найдж, – кое-какие новости из столицы...

– В общем, ничего интересного, – зевнул Алексас.

– ...а ещё попытаемся поймать крысу.

Джеми недоумённо вскинул голову.

– Какую крысу?

– Предателя, дурачок! – голос брата с головой выдал его азарт. – А вот *это* уже интересно...

Если возвращаться к тому, что с братьями Сэмперами было не так, определённо стоило упомянуть, что в доме ма-

гистра Торнори располагалась штаб-квартира некоего тайного общества. Основали его Герланд, магистр и Найдж, тогда ещё юный ассистент прославленного Торнори-энтаро²; они дали своему детищу благозвучное название «Тёмный венец» – и с тех пор это общество плело заговоры с целью свержения душегуба и узурпатора Шейлиреара Дарфулла Первого.

Подрывной деятельностью «Тёмный венец» с переменным успехом занимался уже шестнадцать лет. Почти с самого восстания. За эти годы они привлекли под свои знамёна немало людей, цвергов и колдунов, и даже другие сообщества – помельче: многие соглашались, что дробить оппозицию королевской власти глупо, разумнее объединить усилия. Единственная загвоздка заключалась в том, что для свержения узурпатора требовался кто-то, кого можно возвести на престол по праву. Так что главной целью общества был поиск подходящего представителя сверженной династии Бьорков.

Проблема была ещё и в том, что после Кровеснежной ночи Бьорков осталось немного. Все они либо находились одной ногой в могиле – по причине глубокой старости, – либо были вполне довольны жизнью под пятой узурпатора и все без исключения пребывали под пристальнейшим наблюдением новой власти. Вот лже-Бьорков за шестнадцать лет объявлялось немало; заканчивали они обычно ласковым вы-

² Приставка, употребляемая при уважительном обращении к юноше или мужчине (*алл.*).

говором от стражи, позором да скромной заметкой в новостном листке об очередном самозванце и Венец не интересовали. Вывести их на чистую воду для магов труда не составляло, а возводить на трон фальшивку сторонники свергнутой династии не имели ни малейшего желания. Кто-то другой на их месте давно бы сдался, но ведь наверняка тела последних Бьорков сожгли даром! Узурпатор уважил память предшественников и обеспечил убитым погребение рядом с предками, но вместо тел в королевскую усыпальницу отнесли лишь урны с прахом. Конечно: тело-то, в отличие от праха, опознать не составит труда...

– Видите ли, не столь давно мы обнаружили, что кто-то внёс ничтожные, но злонравные изменения в защитные чары штаб-квартиры. – Магистр рассеянно обводил указательным пальцем костяшки другой руки. – Благодарить следует Найджа, он задумал внести в защиту коррективы, что открыл в минувшем месяце... и обнаружил *это*.

– Что ещё за изменения?

– Убрали запрет на несанкционированные переговоры. – Найдж хмуро глотнул из своей чашки; лучи светильника на столе просвечивали сквозь тонкий фарфор. – Как ты знаешь, только Основат... только мы трое в этом доме можем пользоваться зеркалами или открывать другие магические каналы для дальней связи. Раньше могли.

– А теперь...

– А теперь, спасибо нашему неизвестному другу, с этим

справится кто угодно. Бери зеркало и болтай с кем-нибудь в столице – ни я, ни Герланд, ни учитель этого не заметим.

Пальцы Джеми непроизвольно вцепились в книжный корешок.

– То есть... кто-то в штаб-квартире...

– Выходит на связь с внешним миром. Тайком от нас. Совершенно верно.

Новость Джеми не понравилась. Даже *очень* не понравилась.

Насколько ему было известно, последние дела сообщников проворачивались вполне успешно, но изложенные факты неизбежно вели к одному: некто из штаб-квартиры докладывает о делах Венца кому-то, кто о них знать не должен.

– Посему мы устраиваем облаву. В ближайшие дни будем отслеживать всю магическую активность в здании. – Герланд отставил чашку на стол. – Если после собрания крыска побежит к хозяину – это кто-то из узкого круга. В противном случае через шестидневку собирается совет для широкого...

– И в моих интересах, чтобы подлеца поймали там, – добавил Найдж, – а то ваш прекрасный опекун до конца жизни будет величать меня не иначе как «наивным желторотиком».

– Рад, что твоему чувству юмора не вредит даже угроза тюремных застенков.

– Если кому-то они и грозят, то не мне. Хотя, подозреваю, между тобой и королевскими палачами наша крыска выбрала бы второе, но такой подарок ты ей не сделаешь.

Джеми подумал.

Ещё раз подумал.

– А... наш провал год назад, – сказал он тихо, – то, что в Прэкильской тюрьме ждала засада... не может быть с этим связан?

Казалось, в гостиной стало темнее – так помрачнели двое колдунов, с которыми Джеми делил чай за круглым столом. Лицо Герланда осталось бесстрастным, но для альва то была привычная маска, прятавшая любое проявление чего-то, хоть отдалённо похожего на чувства.

Тот провал был больной темой не только для Джеми. Из пяти человек, отправившихся тогда на задание, в штаб-квартиру вернулись двое, – и при виде одного из них целители лишь руками развели.

– Всё может быть. – Сухие пальцы магистра сомкнулись, сплетаясь в судорожный замок. – Я не устану возносить благодарности судьбе за то, что Алексас всё ещё с нами, но...

– Но я надеюсь, что крыска не причастна к тому, что он с нами не во плоти, – невыразительно закончил Найдж. – Иначе о свидании с королевскими палачами она будет молиться.

– Всецело одобряю.

В мурлыкающий голос Алексаса примешались нехорошие нотки, и голос этот – как всегда – звучал лишь в Джеминой голове.

Если в последний раз возвращаться к тому, что же было не так с братьями Сэмперами, не стоило забывать, что год

назад Алексас отправился вызволять кое-кого из тюрьмы – и вернулся с ранами, после которых не выжил бы никто. Год назад Алексасу предложили выбор: либо смерть, либо существование на правах... фактически призрака, но заключённого в чужое тело. Тело человека, что согласится всю оставшуюся жизнь терпеть в своей голове постороннюю личность. А на треть суток Алексас даже сможет брать контроль над этим телом: дышать чужой грудью, говорить чужими устами, фехтовать чужими руками. Жить, пусть каждый момент этой жизни ему великодушно дарил другой.

С тех самых пор Джеми с Алексасом и делили одно тело на двоих – и, пожалуй, это всё же было самым не таким из всего, что было с ними не так.

– Засим объявляю вечер завершённым, – резюмировал Герланд, поднимаясь с кресла. Даже это простое движение в исполнении альва завораживало стремительной текучестью. – Отбой.

Выслушав указ «не распускаться», Джеми следил, как опекун покидает гостиную, без единого звука ступая по гулкому паркету (на самом деле не совсем *по* нему). Затем и магистр, напомнив про завтрашний урок, с кряхтением встал, чтобы опереться на Найджа; шаги хозяина дома сопровождало приглушённое ворчание про дрянные старые кости.

– Кому отбой, а кому читать, – пожал плечами Джеми, когда комната опустела.

В ответ его руки небрежно отбросили книгу на стол – не

по его воле.

– Кому читать, а кому под чужой балкон, – уточнил Алексас.

Теперь – наконец-то – вслух.

* * *

Последний день привычной жизни Таша скоротала не лучше и не хуже обычного. Завтрак, чтение, прятки с Лив. Полуденный чай, чтение. Обед, чтение, уроки. Впереди ждала целая шестидневка каникул по случаю сенокоса, но завтра Таше предстояло почти весь день провести на лугу, а домашнее задание она предпочитала делать, пока время не поджидает.

Мудрость, непостижимая для оболтусов вроде Гаста.

Потом Лив убежала в деревню, играть с однокашниками (в отличие от старшей сестры, её в компанию деревенских отпускали без проблем), а сама Таша отправилась в конюшню. Принц, любимый льфэльский жеребец снежно-белого окраса, встретил хозяйку радостным фырчанием.

– Сегодня никуда не поедем. Сам погуляешь, – сказала Таша ласково, пока конь тёрся мягкой мордой о её щёку в знак приветствия. Скормив ему пару кусочков сахара, девушка полезла за щёткой: та ждала своего часа в сундуке, как и другие коноводские принадлежности вроде расчёски и скребницы. – А пока поухаживаем за твоей породистой шкуркой.

Она почистила Принца и, выпустив его в сад, принялась прибирать денник, когда её окликнули:

– Лэй закончила в доме. Может и здесь закончить за тебя.

Сгрузив в садовую тележку очередную порцию мокрой соломой, Таша уткнула острие лопаты в деревянный пол. Оглянулась на маму – та стояла в дверях конюшни, прислонясь плечом к проёму открытых ворот.

– Обычно ты против того, чтобы кто-то за меня ухаживал за моим питомцем, – напомнила Таша.

– Я обещала отпустить тебя полетать. Лучше сделать это, пока Лив не вернулась.

– А Принца...

– Я сама в денник заведу. И корм дам. – Мама качнула головой. – Иди, до вечернего чая всего пара часов. И так опоздаешь, знаю я тебя.

Прислонив лопату к стене, Таша стянула холщовый халат, который накинула поверх домашнего платья, и без возражений проследовала к выходу.

Она не поцеловала маму, проходя мимо. Даже не обняла – руки были грязные. Просто не видела необходимости прощаться.

Ещё одна вещь, которую после она не могла себе простить.

На садовой дорожке, вызолоченной светом медленно гаснущего дня, она разминулась с тётёй Лэй: та жила неподалёку и за умеренную плату прибиралась в их доме. Заодно и готовила – мама, конечно, освоила кулинарию, но хлопо-

тать над очагом предпочитала в исключительных случаях. Для односельчан не считалось зазорным прислуживать в домах соседей побогаче. Всё лучше, чем уезжать из деревни и искать работу на стороне, в недружелюбном городе.

Минимальный порядок женщины семейства Фаргори поддерживали сами – подметали, складывали разбросанные вещи, убирали книги и игрушки. Но Мариэль никогда не позволила бы своим девочкам ползать по полу с грязной тряпкой, не говоря уже о том, чтобы ползать самой.

Кивнув соседке, слушая, как удаляются её грузные шаги, Таша прошла в дом. Смыв грязь, заперлась в спальне. Убедившись, что за окном никого нет, настежь распахнула деревянную раму. Разувшись, через голову стянула платье.

Никто не увидел, как из опустевшей комнаты вылетела птичка ланден, с торжествующим клёкотом взвившись в блёклую небесную лазурь. Небольшая и быстрая птица, похожая на белую ласточку, только перья с золотистыми кончиками – словно в солнечный свет обмакнули.

...три ипостаси есть у оборотней. Одна ловкая – для детства, одна крылатая – для юности и ещё одна, самая сильная, для поры защищать себя...

Строки из старинного трактата о нечисти Таша в своё время заучила наизусть и вспоминала их сейчас, ловя крыльями ветер.

Крылья были первой из двух тайн, которые Таша хранила ото всех, кроме мамы. Даже от Лив – сестра едва ли суме-

ла бы молчать. И если опальную аристократку прадмунтцы могли приветить, то семейку оборотней они не приветили бы точно.

Две тайны, два дара, два проклятия...

Таша долго парила над реками, поросшими лесом по пологим берегам, и лугами, по которым катились малахитовые волны высоких трав. Парила, наслаждаясь ветром в перьях, пока сумерки не рассыпали по небу осколки звёздного света. Время вечернего чая давно миновало, как и время её возвращения, но домой она не торопилась – как всегда. Мама была права: слишком неважным всё казалось здесь, в этой спокойной, бескрайней выси. И тайны, и проблемы, на земле не дававшие покоя – всё казалось далёким, мелким, как и сама земля, и люди, ждущие где-то внизу, и...

...близость к грани Таша ощутила безошибочно. Грани, когда птица в голове готова взять верх над человеком.

Главная, проклятая, извечная проблема любого оборотня.

Взрезав крылом воздушный поток, Таша нехотя повернула обратно.

Когда дикие луга внизу сменили скошенные, а впереди показались игрушечные кубики домов, неровным овалом разбросанные вокруг центральной площади, ланден сложила крылья и устремилась вниз. Прадмунт сиял во тьме разноцветьем светящихся окон; пронзительная синева небес в зените оборачивалась пастельно-розовой кромкой у горизонта. Поймав ветер у шпиля водонапорной башни, Таша вновь

взмыла над черепичными крышами, устремившись к деревенской околице.

Вскоре под крыльями её зашелестели яблоневые сады.

Таша не надеялась увидеть Лив с мамой на террасе. В конце концов, стынувший чай не будет вечно ждать, пока его выпьют. Но когда она подлетела к дому, то не увидела даже света в окнах, – хотя поздний час определённо располагал к тому, чтобы зажечь лампы.

Тогда Таша ещё не знала, что это значит.

Понимала лишь, что ничего хорошего это предвещать не могло.

Она стремительно облетела дом; спикировав в открытое окно, приземлилась на пол. Спустя три удара сердца вскинула голову – уже не птичью.

Поднявшись с пола, Таша шагнула к двери непослушными ещё ногами. Одеться она не потрудилась: мысль об одежде в тот миг просто не пришла ей в голову.

– Мама? – провернув ключ, Таша вышла в прихожую. Зрачки расширились, вбирая малейшие проблески света в недружелюбной темноте. – Лив?

Ответная тишина завораживала безмолвием.

Почему никого нет? Только эта тишина и... запах? Сладкий, тёплый...

...тошнотворный...

Кровью тянуло из-под приоткрытой двери в детскую – и, приблизившись, Таша наконец расслышала то единственное,

что нарушало тишину помимо бешеного стука её собственного сердца. Мерные хрипящие отзвуки, очень похожие на те, с которыми кто-то пытается дышать.

Медленно-медленно Таша потянула дверь на себя.

Деревянные пальцы не почувствовали ручку.

Открывать дверь не хотелось – хотелось бежать, бежать из этого дома, а лучше снова улететь; а потом вернуться и понять, что в окнах светло, а сердитая мама ждёт заблудшую дочь на кухне. Убедиться, что тёмная тишина ей привиделась, что в действительности всё так, как и должно быть, что всё это просто...

...пожалуйста, пусть это будет просто сон, пожалуйста, пожалуй...

Когда Таша увидела, что ждало её за дверью, стук крови в висках затих. Наверное, потому, что наяву этого точно быть не могло.

Чёрная волчица лежала у постели с прозрачным пологом. Светлый ковёр впитал кровь, окрасившись багровым; в кремовой комнате с резной кукольной мебелью кровь казалась такой неуместной, такой странной, такой...

Таша сама не заметила, как оказалась рядом.

Присев на корточки, она с недоверчивым, отрицающим недоумением коснулась кончиками пальцев жёсткой слипшейся шерсти.

– Мам...

Глаза волчицы приоткрылись, блеснув блёклыми вишня-

ми.

Мир поплыл, расползся, уступил место чужим воспоминаниям и мыслям о...

– *Может, всё-таки её...*

– *Нет. Ей и так не выкарабкаться.*

Их трое. Двое обтирают «нечестивые», посерёбренные поверх стали клинки. Третий, главный, просто наблюдает – не опустил до того, чтобы руки марасть: рубленые черты бледного лица, шрам на щеке – три рваные полосы – и серые, очень светлые глаза.

– Мне жаль, что так вышло, Ваше Высочество. Но иного пути не было, – в голосе убийцы звучит искреннее сожаление. Безвольную Лив он прижимает к себе с отеческой бережностью – дочь рухнула без сознания, так и не успев добежать до тех, кого хотела ударить. – Идёмте.

Она знала, что ничего не сможет сделать. Знала это, как только он окликнул её из-за двери – призрак прошлого, пришедший забрать всё, что у неё осталось. Она может лишь наблюдать, как уносят её дочь, чувствовать, как с каждой секундой притупляется боль, как с каждым ударом сердца по капле уходит жизнь. Даже на то, чтобы вернуть человеческий облик, сил нет.

Она видит, как удаляется, тает во тьме синяя ленточка в волосах Лив, которую Мариэль этим утром вплела ей в косу.

Только бы Таша не вернулась сейчас...

Странный ветерок холодом взъерошил волосы – и сосущая чернота вытолкнула Ташу в реальность.

Хрипы стихли. Волчица лежала, не шевелясь.

Кажется, потом Таша говорила что-то: происходящее она осознавала слишком смутно, чтобы быть уверенной. Звала, кричала, трясла маму-волчицу за плечо, пачкая пальцы в крови – пусть смутное понимание того, что этот кошмар слишком реален, чтобы быть сном, лишало голоса, скручивало всё внутри в узел, перехватывало дыхание, сбивая его в судорожные, почти икающие вдохи. Когда голоса уже не осталось, просто сидела рядом, надеясь, что кто-то из них двоих всё же проснётся.

Когда не осталось и надежды, – глядя прямо перед собой остекленевшим взглядом, закрыла мёртвые волчьи глаза.

Безуспешно попытавшись приподнять тело, Таша за передние лапы поволокла волчицу наружу.

Могилу она копала на заднем дворе, рядом с конюшней. Там, где недавно разрыхляли землю: Лив упростила, хотела сама вырастить горох. Когда яма показалась достаточно глубокой, Таша выбралась и столкнула тело вниз. Механическими движениями засыпав могилу, уронила лопату – словно кукла, у которой кончился завод.

Отойдя к яблоням, она сорвала три тонкие ветви. Перевязав их травинкой, добавила ещё одну, образовавшую круг;

вернувшись к могиле, положила на мягкую землю своими руками сделанный крест.

Какое-то время Таша просто стояла, глядя куда-то вперёд. Её тонкая прямая фигурка терялась в яблоневой тьме, густевшей под двумя лунами.

Потом перегнулась пополам, упала на колени, скрючилась на земле и зарыдала – до кашля, до боли в горле, кусая руки. Почти без слёз.

Глава вторая

Точка невозврата

– Таша, домой!

– Мам, ну ещё чуть-чуть!

Сиреневые сумерки ласкают сонные шершавые стволы; на прощание черёмушник³ раскрасил сад яблоневым цветом, и ветер сыпет лепестки на каменную дорожку, по которой трусит изящный снежный жеребец с юной всадницей. Таша упрямо направляет коня на тропу, тот с не меньшим упрямством норовит свернуть на травяной ковёр, зеленеющий под яблонями.

С террасы дома за ними наблюдают две женщины.

– Балуешь девчонку, Мариэль. – Лэй качает головой: на контрасте с бледным, почти измождённым лицом собеседницы лампа на столе будто ярче высвечивает её румянец. –

³ Третий месяц весны (алл.).

Мои мелкие носы из дома не кажут, как солнце зайдёт.

— В наших садах ей ничего не грозит. — Ложечка Мариэль методично, без единого звука кружит по полной чашке. — Лэй, чай стынет.

— Детям в одиннадцать спать положено.

— Кем положено?

Что ответить, соседка не находит — но, опуская чашку, досадливо стучит доньшком о столешницу.

Они странно смотрятся за одним столом: дородная селянка и беглая аристократка в простом льняном платье. И обе сидят так, словно не совсем понимают, что собрало их вместе. Но время от времени Мариэль предлагает соседке выпить чаю после уборки, а та никогда не отказывается.

В Прадмунте шепчутся, что при дворе аристократы иногда приглашали слуг на чай — великодушный жест в знак признательности за хорошую службу. Та же милостыня, подачка. Лэй твердит, что для соседей дружеские чаепития — это нормально, даже когда один сосед прислуживает другому.

Её не разубеждают.

— Вообще рано ей на коня. Ладно, ты ей пони купила — приспичило, чтоб дочурка лихой наездницей была. Но в девять на льфэльского жеребца пересаживать...

— Таша берёт барьеры в полтора мана⁴. Выше пони прыгнуть трудно. — Свой чай Мариэль пригубливает, словно ви-

⁴ Единица длины, равная примерно 0,7 метра (алл.).

но вековой выдержки, словно вместо глины рта её касается фарфор. — Если в настоящих условиях не можешь добиться большего, значит, настала пора двигаться вперёд.

Лэй лишь хмыкает, прежде чем сменить тему:

— Как младшенькая?

— Спит.

— А вообще как?

— Прекрасно, — в голосе Мариэль сквозит прохладца осеннего утра. — Таша, всё, домой!

Та не возражает и, ловко соскользнув с седла, ведёт жеребца в конюшню.

— Сама рассёдлывает?

— И чистит, и кормит. — Мариэль всматривается в белоцветную яблоневую даль: с террасы границ сада не разглядеть. — Хорошее нынче лето. Думаю, урожай выйдет неплохой.

— У Фаргори и в скверные лета дивные яблоки вызревали. Что им будет, альвийским яблоням-то? И сидр всегда хорош, недаром к королевскому двору везут.

Мариэль молчит — лишь морищинки у сжатых губ проступают отчётливее.

— А ты всё злишься, смотрю. — Лэй прекрасно слышит ненависть, звенящую в этом молчании. — Не любишь ты наше величество, ой не любишь...

— У меня есть на то основания.

— Ты ж не помнишь, кем до восстания была. И кого у тебя

в ту ночь убили.

Голос Лэй звучит простодушно, только блекло-голубые глаза делаются цепкими и колючими, словно чертополох. Мариэль не смущается – или совершенно прячет смущение за отстранённым взглядом и чашкой у губ, скрывающей даже морищинки.

– Я знаю, что до восстания у меня была другая жизнь. И знаю, что потеряла в тот день... кого-то. Мне этого достаточно.

За этой отстранённостью блестит сталь, но лицо Лэй смягчается.

– Тебе бы век Богиню благодарить, что тебя тогда Фаргори приютили, – слова ласкают сочувствием, как густые сливки обволакивают упавший в них нож. – Жива, доченок родила, мужа отхватила всем на зависть. Ещё и дело семейное теперь твоё. В Кровеснежную ночь столько благородных из столицы бежало, вон как ты, а выжило много, думаешь? По мне так Бьоркам с их прихвостнями по заслугам воздали... к тебе не относится – ни ты, ни семья твоя страной не правила. – Лэй прихлёбывает стынувший чай; взгляд её тускнеет, устремившись к тому, что осталось за гранью бывшего. – Я-то помню то время, Эль. Ты во дворце была, а я здесь. У меня мать умерла, потому что последние крошки хлеба нам с братьями отдавала. Я Шейлиреа-ру по гроб жизни благодарна буду, что мои дети голода не знают, и плюну в рожу каждому, кто его узурпатором об-

зовёт. Незаконный король, тоже мне... – Она дёргает плечом так резко, что по глиняной стенке взвивается бежевый всплеск: не будь чашка почти пуста, по столу разметалась бы чайная клякса. – По мне так на ком корона, тот и законный.

– Не лучшая тема для разговора за вечерним чаем.

Мариэль спокойна. Спокойнее даже, чем прежде, когда она говорила о своих забытых мертвецах.

Это спокойствие нервирует так, что последние глотки Лэй допивает залпом.

– Да мне так-то домой пора. – Ножки кресла скользят по полу – резкий звук лишь подчёркивает неловкость, с которой закругляется беседа. – Ещё топать от ваших садов...

– Не так и далеко.

Мариэль улыбается, но не пытается остановить соседку, когда та поднимается из-за стола. Просто слушает, как жалобно скрипит крылечко под её весом.

Уже ступив на мощённую камнем дорожку до калитки, Лэй оборачивается:

– Ты Таише про отца так и не сказала, да?

Улыбка сходит с губ Мариэль – это поразительно мало меняет выражение, стынувшее на её лице.

– Нет.

– А что скажешь?

Взгляд хозяйки дома бесстрастен: свет не отражается в затенённых ресницами глазах, теряется в чёрной глубине с

едва заметным вишинёвым оттенком.

— Скажу, что нам досталось всё имущество, без лишнего рта заживём только лучшие, да к тому же... — Мариэль осекается. То ли вспоминает о чём-то, то ли замечает вытянутое лицо Лэй. — Имеешь что-то против?

Соседка опускает взгляд, рассматривая свои потрёпанные башмаки.

— Это... жестоко.

— Зато плакать долго не будет. — Вместо прощания Мариэль отворачивается, чтобы улыбнуться дочери: та уже бежит к крыльцу. — Хорошо покаталась, малыши?

— Ох, мам! — Таша птичкой взлетает по ступенькам. Кудри светлым шлейфом летят следом, серые глаза сияют серебром. — Принц такой... такой... и почти уже меня слушается!

— Не сомневалась, что вы поладите. — Скользя взглядом по удаляющейся спине Лэй, Мариэль касается медной оправы светильника. Шар золотистого света гаснет, погружая террасу во тьму. — Теперь мыться, пить чай и спать.

— А я хотела на ночь краеведение поучить... Мам, можно я карту расстелю, можно?

Мариэль смотрит на дочь, молитвенно сложившую тонкие ладошки.

Когда она кивает, за показной неохотой прячется удовлетворение — слишком хорошо, чтобы его разглядел ребёнок.

Таша упрыгивает в дом, воинственно и радостно кри-

ча что-то про цвергов, которые сегодня своё получают. Сад шепчет Мариэль то, что слышит она одна, перешагивая порог следом за дочерью: то, что у неё входит в дурную привычку покупать счастье ложью.

Щелчок двери сменяет скрежет засова, оставляя сад наедине с двумя лунами, льющими бледный свет на звёздочки белых цветов, – и что бы ни шептали яблони, Аерин и Никадора тоже оставляют это без ответа.

** * **

Когда Таша открыла глаза, небо уже выкрасили блеклые краски предрассветья.

Спросонья она не сразу поняла, что делает на заднем дворе. Без одежды. И почему ладони стёрты в кровь? Почему...

Осознание навалилось в момент – беспощадно, безжалостно. Осознание скрутило её в комок, скрючило рыданиями там же, на росистой холодной земле, заныло в сердце, разрывая его глухой безысходностью.

Мама там, под землей. Мама там – мертва. А Лив...

...Лив...

Другое осознание – непростительно запоздалое – само распахнуло слепленные слезами глаза.

Они увезли Лив.

Трясущиеся руки оперлись о землю, прошив тело отрезвляющей болью.

Кое-как поднявшись, на подкашивающихся ногах Таша побежала в дом.

Догнать, найти, найти, догнать, мерным молоточком стучало в висках, когда она, почти задыхаясь, ворвалась в детскую: убий... *похитители*, лучше думать «похитители»... должны были оставить что-то, за что можно уцепиться. Она жадно втянула носом воздух – нюх оборотня разложил спектр запахов на компоненты, как парфюмер уловил бы отдельные ноты в мелодии духов. Кровь, пот, промасленная кожа... табак, хмель, лошади – самую капельку...

Нелепыми семенящими шажками обогнув кровавое пятно на полу, Таша тронула лампу на тумбочке.

Странный отблеск, которым темнота под кроватью откликнулась на вспыхнувший свет, заставил девушку рухнуть на колени.

Пальцы на миг скрылись в темноте под деревянным бортиком, чтобы вытянуть оттуда прохладный золотой круг на длинной цепочке. Кулон легко умещался на ладони; Таша решила было, что это часы, но, откинув крышку, вместо циферблата увидела отражение своих безумных глаз. Слева от зеркала, под выпуклой крышкой притаился педантично сложенный бумажный клочок – Таша сама не знала, как дрожащие руки сумели вытащить и развернуть его, не порвав на конфетти.

«Встретимся в Пвилле. Л.»

Записку вывели аккуратным сухим почерком, столь же ла-

коничным, как содержание. Записка заставила Ташу неверяще уставиться на буквы, прыгающие перед глазами, словно их заколдовали.

Удачно. Невероятно. Зеркальце... судя по рунной филиграни на крышке, для связи... и место. Карта Равнинной провинции сама всплыла в памяти; точка с нужной подписью, за которой скрывался небольшой городок на востоке Долины, подтвердила, что Таша не зря учила краеведение.

Кто бы ни назначил похитителям эту встречу, их ждут в Пвилле.

Ташу там не ждут, но она там будет.

Сборы много времени не заняли. Сперва наспех перевязать руки, смазав ладони целебной мазью. Потом надеть первое, что попадётся в шкафу. Выгрести из тайника на кухне кошель с деньгами и украшениями. Покидать в сумку всю снедь, что найдётся. Навесив замок на входную дверь, со всех ног рвануть к конюшне, пока кровь снова выстукивает в ушах *«догнать, найти»*. Думать ни о чём другом – особенно о могиле на заднем дворе – Таша себе не позволяла. С этого момента она потеряла право плакать.

Оседлав и выведя за калитку сонного Принца, Таша вспрыгнула на коня. Мельком оглянувшись на дом, в котором она выросла и который видела, возможно, в последний раз, хлопнула Принца по боку – тот порысил вперёд, мимо лиственного моря, зелёных волн беспокойной листвы и сер-

дечек незрелых яблок.

Хорошо, что нет у них ни коров, ни кур – могут себе позволить покупать еду у соседей, – и живность не останется взаперти, голодная...

Тропинка меж лугов, уводившая к Долгому тракту, встретила сумрачной тишиной. Осадив коня перед развилкой, Таша посмотрела на улицу, убегавшую к центральной площади: крышу дома Гаста она видела даже отсюда. Дым над трубой не вился – в этот час, когда в небе ещё не проявилась Аерин, рождавшаяся и умиравшая каждый день, спали даже самые трудолюбивые.

Повернуть или нет?..

Принц недовольно топтал дорожную пыль, пока Таша смотрела на черепичный скат, рыжевший над древесными кронами – дом Гаста вместо яблонь окружали вишни, ирга и бузина.

Повернуть. Постучаться. Рассказать всё старосте и пас-тырю, попросить помощи, поплакать на плече Гаста... Или просто тихо разбудить друга и предложить отправиться с ней – навстречу приключениям, о которых он так мечтал...

Хотелось бы ей, чтобы хоть одна из этих дорог была ей открыта.

Направляя Принца на тропинку, убегавшую прочь из Прадмунта, Таша почти до крови закусил губу.

У неё нет права втягивать в это Гаста. Ни Гаста, ни ко-го-либо ещё. Хотя бы потому, что убийцы знали то, о чём не

должна знать ни одна живая душа, и кто бы ни отправился с ней, рано или поздно он тоже об этом узнает. Никто не может разделить с ней ту единственную дорогу, по которой теперь Таша могла – и должна – идти. Чтобы у них с Лив остался хотя бы шанс выжить, она должна справиться сама. Одна.

Одна, без мамы, одна, совсем...

Рыдания снова сжали горло, но так и не вырвались.

На тракт Принц выбежал рысью: даже сейчас Таша не решилась с ходу срывать коня в галоп, дав ему размяться и разогреться. Фыркнул, когда Таша осадила его, снова колеблясь.

А если записка не имеет отношения к Лив?..

Таша смотрела на тракт, выющийся за горизонт среди туманных лугов с редкими перелесками и пятнами мелких озёр. Оглянулась через плечо, словно грунтовая дорога могла подсказать, в какую сторону ей ехать.

Если сейчас Лив везут вовсе не в Пвилл...

...если, отправившись туда, она только потеряет бесценные дни...

Чувствуя, как её начинает трясти, Таша судорожно дёрнула головой, снова посмотрев на дорогу перед собой. Разглядев зорким глазом оборотня среди дорожной пыли что-то чересчур синее, чтобы оно могло быть органичной частью пейзажа, подвела Принца ближе.

Ленточка. Синяя ленточка, выпавшая из чьей-то худенькой косички. Слишком далеко, чтобы её могло отнести туда

ветром.

Особенно в безветренный день.

Когда Таша всё же направила Принца на юг, в сторону Равнинной, тот припустил по тракту ровной мягкой иноходью, которой славились льфэльские жеребцы.

Иных зацепок у неё в любом случае нет. Даже если Лив не в Пвилле, там должен быть кто-то, кто знает наёмников. Видел. Слышал. О том, что будет дальше, Таша пока не задумывалась, но почему-то была уверена, что выход найдётся.

В конце концов, иного выхода, кроме как найти его, у неё нет.

Таша скакала сквозь свежий летний сумрак, пока по её левую руку медленно разгорался рассвет.

Всё просто: текущая цель – доехать до Пвилла. И гнать мысли, что эта погоня – глупость, что выследить похитителей невозможно, что даже если она их выследит... нет, сказано же, гнать. Вместо того, чтобы видеть проблемы в задачах, лучше видеть задачи в проблемах. Задачи эти надо решить, одну за другой, по мере поступления – и всё будет хорошо. Пусть пока непонятно, как, но будет. Не может же мир быть устроен так странно, бессмысленно и несправедливо, чтобы вышло иначе.

О прочих несправедливостях – уже свершённых и доказанных – она подумает потом.

– Вижу, ты так и не усвоил второй блок Норлори, – констатировал Герланд, пока Алексас поднимался с дощатого пола.

– Просто вы сегодня на редкость быстры, – буркнул юноша, пытаясь оценить размеры будущего синяка на скуле.

– Не всё же тебя щадить. – Альв вскинул клинок, и зеркала по стенам фехтовального зала повторили его движение. – Раз ты забыл, то второй блок Норлори защищает от высоких ударов, если те следуют за рубящей атакой в корпус. Каким был мой, который ты пропустил. Итак, встаёшь в «нисходящий смычок»... нет, руку с мечом поднимаешь вот так... да, вот так. Теперь смотри: я бью поверх твоей руки – запястье в пронации⁵, удар горизонтальный, проходит слева. Чтобы защититься, подними руку...

– Я знаю, – огрызнулся Алексас, приняв клинок учителя на лезвие ближе к эфесу.

– Ты это будешь говорить противнику, когда тебя зарубят? Вспыхнув, Алексас безукоризненно провёл удар в верхнюю часть лица, но меч прошёл сквозь голову альва, словно вместо неё встретил один лишь воздух. Альвийские штучки, чтоб их!.. Звёздные Люди и привычные законы материальности были понятиями не то чтобы несовместимыми, но

⁵ Положение руки в фехтовании, когда кисть руки повернута пальцами вниз.

совместимыми скверно.

– Неплохо. Да, этот удар является оптимальным ответом: из такой позиции противнику сложно быстро вернуться в защиту. – Отступив на шаг, Герланд бесстрастно откинул кудри с гладкого лба. – На сегодня всё. Чтобы до завтра отработал Норлори, я проверю.

Алексас смотрел, как учитель покидает зал. Подошёл к одной из зеркальных стен и смерил мрачным взглядом собственное отражение.

Сплюнув в сторону, вернул тренировочный меч на стойку.

– *Сила и разум*, – произнёс он, закрывая глаза, – *ключи от всех дверей*.

Никаких завихрений пространства. Никаких полётов и провалов в сияющие порталы. Но когда Алексас посмотрел перед собой, вместо фехтовального зала его окружали светлые стены гостиной, в которой они так часто пили вечерний чай.

Штаб-квартиру «Тёмного венца» защищали филигранно сложные чары, в народе известные как «феномен разделённых пространств». Суть их заключалась в том, что в одном особняке мирно сосуществовали два разных здания: словно в одну коробку вложили другую, лишь немногим меньше по размеру, но неведомым образом не занимавшую ни капли того пространства, куда её поместили. В итоге обе коробки можно было наполнять и использовать по своему усмотрению, так, будто они просто стояли рядом. Даже проберись в

дом посторонние, они оказались бы в домашней обители магистра Торнори: в штаб-квартиру могли попасть только избранные, знавшие пароль. Пароль, в свою очередь, позволял перемещаться между зданиями, даже находясь внутри одного из них.

Надо сказать, братьям Сэмперам повезло, что они находились в городе на легальном положении. По законам Подгорного королевства политических преступников не выдавали властям Срединного, но при опознании шпионами, коих в Камнестольном хватало, преступников вполне могли захватить тайно. Иные члены Венца все годы, минувшие с Кровеснежной ночи, провели преимущественно в штаб-квартире, ибо лишь туда королевским ищейкам вход был гарантированно заказан.

– Всё-таки ты невыносимый гордец, – высказался Джеми, пока Алексас шёл по узкому коридору, расписанному пейзажами лесов и холмов: магистр Торнори в своё время обустроил дом с уютом. Гулкий каменный пол чуть слышно отвечал его шагам. – На уроках ведёшь себя абсолютно несносно.

– У меня плохое настроение.

– А, ну да. Уже две ночи убил на медовые речи, а на балкон тебя так и не пустили...

Алексас, не ответив, хлопнул дверью спальни, которую последний год они снова делили на двоих – как в детстве. Достав из шкафа баночку с лекарством, подошёл к зеркалу

на стене, чтобы щедро натереть скулу прозрачной мазью.

– Однажды я его одолею, – сказал Алексас, когда по комнате поплыл острый аромат пронзительно-пряных трав.

– Одолеть альва может разве что амадэй какой-нибудь. Герланд сам говорил.

– Я помню. И я всё равно его одолею.

– Когда-нибудь и я магистра одолею. Может быть, – добавил Джеми с сомнением. – Ничего, тяжелее всего в учении!

Алексас промолчал, наблюдая в зеркале, как свежая ссадина подживает на глазах. Когда от наглядной оценки за урок осталась лёгкая краснота, перевёл взгляд выше, на отражение портрета рядом с кроватью.

Нарисованные лица родителей одобрительно посмотрели на него в ответ.

До того, как тело Алексаса погребли в фамильном склепе Торнори, он поразительно походил на отца. Высокий, широкоплечий, даже глаза одинаковые – пронзительно-синие, с жёлтым ободком вокруг зрачка, похожим на крохотную золотую корону. Отец носил усы и бородку, Алексас от них отказался – по мнению Джеми, зря: с усами и бородой выходил вылитый паладин со старинных гравюр. Зато младший Сэмпер уродился в мать, получив в наследство кудри, веснушки, светлые васильки в глазах и невыносимую женственность черт. Хоть рост ему достался отцовский, но эта материнская тонкая кость...

Иногда Джеми с отвращением думал, что обряды его в

платье, и из него вышла бы симпатичная девочка. Тем хуже, что симпатичная.

Не считая воспоминаний брата, родителей Джеми знал только по портрету. Зато Алексас помнил и отца, и мать, и их убийцу: девушку с окровавленным мечом, не альвийку, но с альвийскими искрами в бесстрастных тёмных глазах. Он постоянно её вспоминал – чтобы не забыть до поры, когда сможет найти. Что найдёт, Алексас не сомневался: убийца могла быть только полуальвом, а таковых по Срединному разгуливало совсем немного.

Именно поэтому Алексас так стремился одолеть Герланда, а Джеми силился освоить все боевые каскады. Пусть младший Сэмпер убийцу родителей не помнил, зато прекрасно знал, кто повинен в Кровеснежной ночи – и на чьих руках в конечном счёте вся кровь, что пролилась тогда во дворце.

– Ладно. К сегодняшней ночи готов, – когда Алексас отвёл взгляд от портрета, в голосе его не было и тени сентиментальности. – А тебе пора на урок.

– Ты опять под тот балкон собрался?!

– Пристрастия друг у друга мы пока не позаимствовали. Если тебя погружение в новую книгу приводит в экстаз, мне для этого требуется погружение несколько иного рода.

Фыркнув, Джеми перехватил контроль над телом и побрёл в кабинет магистра.

Учитель дремал в кресле, окружённый книжными стелла-

жами, ароматом бумажной пыли и косыми тенями: они тянулись к стенам, точно хотели уползти от тёплого света в центре комнаты. Когда Джеми аккуратно затворил дверь, магистр Торнори открыл глаза – одновременно с тем, как щёлкнул замок.

– А, Джеми. – Магистр давно научился отличать ученика от его соседа по телу. Если верить Найджу, перепутать их с Алексасом было сложно; Джеми это не удивляло. – Садись.

Другое кресло само собой выдвинулось из-за письменного стола, чтобы дорогой воспитанник мог занять место напротив. Учитель для этого лишь едва пальцами шевельнул – Джеми завистливо шмыгнул носом.

Ничего, однажды и он так сможет. А пока...

– Слышал я, что вчера ты едва не лишился сознания, – сказал магистр, пока зелёные, как яблонева кожура, глаза изучали лицо ученика. Взгляд, слишком цепкий для добродушного старика, многих заставлял робеть. Джеми и сам когда-то его побаивался, пока не понял, что эта цепкость никогда не прячет недобрый интерес; не с ним, во всяком случае. – На вашем уроке с Найджем.

Джеми понуро кивнул.

– И случилось это, когда ты дерзнул сотворить каскад Шелмори-Дэлура, твой интерес к коему я давно заметил, но настоятельно просил тебя не...

– Я бы справился! Честно! Просто это был седьмой каскад подряд, и Найдж меня уже час гонял, и...

– Я не собирался тебя журить. Давно убедился в тщетности любых попыток. – В яблоневых глазах, обрамлённых подёрнутыми сединой ресницами, мелькнула улыбка – там разглядеть её было проще, чем в бороде. – Но дабы в другой раз тебя не пришлось отпаивать зельями и срочно восстанавливать твой резерв, сегодняшний урок мы посвятим тому, как заимствовать магическую энергию извне.

Джеми заинтересованно следил, как учитель складывает ладони ковшиком, чтобы над ними вспыхнуло весёлое рыжее пламя.

– Напомни мне, – сказал магистр, – что такое магия.

– Дарованная нам сила, с помощью которой маг изменяет мир так, как требуется ему.

Ответ Джеми отчеканил, не задумываясь. Учитель слишком часто это повторял, чтобы можно было не запомнить, даже будь он куда менее старательным учеником.

– Верно. – Огонь растёкся вширь, приняв форму диска, чтобы следом превратиться в идеальный шар – с поправкой на всплески беспокойных язычков. – Мы находим нужные слова, дабы мир нас услышал, и нужные руны, дабы присвоить предметам особые свойства. Мы отдаём свою силу, дабы зачаровать артефакты или придать форму той энергии, что разлита вокруг нас. Вот почему, если энергия эта не достигает цели, отражённые заклятия проявляются огнём, льдом или водой... мы сплетаем свою силу с силой стихий, одной или нескольких, и результат этого плетения – то, что мы зо-

вём чарами. Они влияют на мир и заставляют происходить то, что без магии было бы невозможным. Сотворить огонь из воздуха – лишь простейший из трюков. – Магистр коснулся огня ладонью, словно перед ним парил мяч для детской игры. – Как ты знаешь, порой наших сил недостаточно. Порой мы отдаём всё, что у нас есть, и этого не хватает, чтобы переплести ткань мироздания по нашей прихоти, ибо ткань эта отчаянно сопротивляется...

– Десять ступеней, – нетерпеливо кивнул Джеми.

За годы, проведённые под этой крышей, он почти привык, что опекун повторяет и растолковывает давно известное. Таким был его подход: разжевать информацию и положить в рот, затем вынуть и прожевать ещё раз, чтобы повторить процедуру при необходимости и без. Не лениться в десятый раз напомнить базовые свойства боевых каскадов, прежде чем рассказать о новом (вдруг успели забыть). Объяснить, зачем при выходе на поверхность зимой надо непременно надеть шапку. Это делало его превосходным учителем для любого малыша – и слишком скучным для ребёнка выросшего, с хорошей памятью, голодного до новых знаний. Потому Джеми стыдливо радовался, что в последний год Найдж занимается с ним не в пример чаще: магистр души не чаял в младшем ученике, но дела сообщества требовали времени и сил, которых у старого мага становилось всё меньше.

– Да, потому заклатья и поделили условно на десять ступеней. Согласно мощи, с коей они воздействуют на мир. Со-

гласно могуществу, коим требуется обладать, дабы они возымели действие. Дабы отроки вроде тебя не выжигали себя дотла, пытаясь сотворить чары, что подвластны лишь могущественнейшим. – Магистр ожидаемо не воспользовался возможностью сократить лекцию. – Мы не можем творить заклятия сильнее, чем дозволено резервом наших сил. Ты пока не сумеешь открыть портал. Я не сумею обратить горы над нами в прах. Но если мы доберём требуемые для сей цели силы извне, добавив к собственным...

– Вы ведь не о жертвоприношении говорите, надеюсь, – сказал Джеми тихо.

Учитель, осекшись, посмотрел на него пристальнее прежнего.

– Как подобное взбрело тебе в голову?

– Человеческие жертвы помогают расширить магический резерв. Перескочить на следующую ступень. Эффект перманентный. Я читал.

Под острым, словно оценивающим взглядом ему всё же сделалось почти неудобно.

– Нет, Джеми, – сказал учитель наконец. – То, что я покажу тебе, обладает лишь сиюмоментным эффектом. Но, полагаю, ты, как и я, предпочтёшь это эффекту перманентному... с его страшной ценой. – Он аккуратно переложил огненную сферу из руки в руку. – Творя заклятие, маг выплескивает в мир собственную силу. Концентрирует энергию стихий в одной точке. Если тебе ведомо, как, ты можешь забрать эту

силу и эту энергию себе.

– Силу чужого заклѣтия?

– Взгляни на магический эфир моего огня.

Джеми сощурился. К тому, что видел человеческий глаз, добавился ещё один слой – вокруг оранжевого шара задрожал ореол размытого фиолетового сияния, рождѣнного сплетением алых и синих стихийных нитей, союзом воздуха и огня.

– Теперь забери часть эфира себе.

Джеми поднял растерянные глаза.

– Как?

– В том вся соль и сложность. Способ у каждого свой. – Никто бы не прочёл в морщинистом лице любопытство, но Джеми знал своего наставника слишком хорошо. – Я черпаю эфир, словно ложкой, и глотаю, если это можно описать столь простым словом. Ты можешь сделать то же... попробовать, по крайней мере... но каждому скорее подходит его единоличная метода. Прежде всего очисти сознание, а далее...

Джеми зажмурился, недослушав.

Огонь, магистр, кабинет исчезли. Лишь фиолетовый шар продолжил сиять во тьме перед смежѣнными веками: эфир, как и потоки силы, маг скорее чувствовал, чем видел, – особым шестым чувством, недоступным простым смертным. Некоторым магам даже удобнее было рассмотреть эфир с закрытыми глазами, исключительно внутренним взором. Дже-

ми пока легче концентрировался на видимом объекте, хоть это и было не совсем правильным: редкие чары позволяли разглядеть себя обычным зрением.

Забрать часть себе. Черпать, словно ложкой.

Сказать проще, чем сделать.

Он представил, как тянет руку к шару, чтобы оторвать от него кусочек, но настоящая рука слишком отчётливо напоминала уму, что на деле она мёртвым грузом лежит на колене. Не то... Вдыхая на счёт два, Джеми позволил спокойной пустоте заполнить сознание. Раз, два – вдох. Раз, два – выдох.

Вот так.

Не сбиваясь с мерного дыхания, он вернул мысли к текущей задаче. «Единоличная метода»... А что, если попробовать *вообще* другой подход? Ведь забирать в любом случае тяжелее, чем принимать. Если представить, как эфир сам тянется навстречу, протягивает от шара тоненькую ниточку – к нему, как эта ниточка обвивается петлёй вокруг руки, стягивается, впитываясь в кожу...

Странное ощущение, будто он вдруг глотнул горного воздуха, вскружило голову. Одновременно с тем, как шар погас, оставляя его в черноте.

Когда Джеми открыл глаза, магистр улыбался: впервые за долгое время так, что разглядеть эту улыбку можно было не только во взгляде.

– Невероятно, – проговорил он. – На первом же уроке – то, что Найдж так и не освоил.

Едва зародившееся чувство триумфа, подкреплённое лёгким опьянением, с каким разливалась в крови чужая сила, тут же сменилось стыдом.

– Вы этого не сказали, – сказал Джеми, сам не понимая, зачем оправдывается. – Что это так трудно.

– Ты не ведал о возможности поражения и не проиграл, ибо не страшился его. Твоя сильнейшая сторона. Ты твёрдо веришь, что при благоприятных обстоятельствах тебе под силу едва ли не всё, что угодно, а если не под силу сейчас, ты всяко овладеешь этим в будущем. Эта вера – то, без чего не может обойтись истинный маг. То, что помогает топить ткань мироздания, словно воск, и лепить из неё всё, что вздумается. – Учитель откинулся в кресле, улыбаясь так, что даже зелень его глаз сделалась ярче. – Ох, Джеми... надеюсь, что проживу ещё столько, сколько требуется, чтобы увидеть твой расцвет. Лучшего ученика, что я взрастил за три сотни лет. Истинного моего преемника.

– Найдж – ваш преемник.

Он сказал это очень тихо. Скорее пробормотал. И магистр, естественно, всё равно услышал.

– Найдж – мой лучший ассистент, он мне как сын, но я не могу передать ему всего, что могу передать тебе. – Он пожал плечами так отстранённо и задумчиво, что Джеми сделалось почти больно. – Он усерден, он умен, он хорош в теории магии, анализе и совершенствовании чар, и это не отменяет того, что многие вещи ему попросту неподвластны. Всё одно

что лепить скульптуру из неподатливой глины.

– Вы же не просто так сделали его своим ассистентом.

– Вернейший ученик и лучший ученик не всегда едины. Помощник – это одно, тот же, кого ты хочешь и сможешь однажды назвать равным себе – другое. Каждый на склоне лет задумывается, что он подарил миру после себя, и я за жизнь совершил немало, но что из этого меня переживёт? Что останется под лунами такого, на что я смогу указать Богине при встрече и ответить «вот то, ради чего мне стоило появляться на свет»?

– Сообщество. Венец.

Это Джеми сказал ещё тише: внезапные откровения, к угрызениям совести добавившие мысли о том, о чём Джеми думать совершенно не хотелось, совершенно сбивали с толку.

– Венец – детище Герланда. Я лишь его сподвижник. Я буду рад, коли моё скромное участие поможет сместить узурпатора и вернуть на престол наследников Ликбера, но... – магистр качнул головой, и длинная борода пощекотала его сцепленные руки, – всякий учитель мечтает оставить после себя того, кто превзойдёт его. Я рад, что на закате дней мне выдался этот шанс.

Джеми, вконец стушевавшись, угрюмо потупился.

О смерти кого бы то ни было из Основателей он предпочитал не думать. И в смерть их категорически не верил – не в ближайшие лет двадцать, во всяком случае. Колдуны и аль-

вы живут куда дольше людей, а что до насильственной смерти... Ха. Попробуйте сладить с великим магистром Торнори и Найджем, прекрасным колдуном, что бы там магистр ни говорил. Или с одним из Звёздных Людей...

Правда, подобные мысли Джеми держал при себе. Основателям они не нравились. Особенно Герланду, который в ответ на них всегда плевался чем-нибудь в духе «наивный недоносок».

– Возвращаясь к уроку, – сказал магистр, когда в тишине стало слышно, как на улице грохочут по брусчатке колёса. – Мы не можем забирать силу напрямую у стихий, окружающих нас, или у противника, хотя это решило бы немало проблем. Мы не можем нейтрализовать заклятие, «выпив» его силу досуха. Впрочем, чем сильнее заклятие, тем больше сил выплёскивает маг, тем ярче стихийная энергия и тем больше ты можешь почерпнуть. В бою для этого далеко не всегда выдаётся время и возможность – брать силы из огня проще всего, но не все чары действуют так долго. Однако...

– А можно я попробую открыть портал? Зачерпнув вашу силу?

Краем глаза (он всё ещё не решился поднять головы) Джеми заметил, как учитель в замешательстве теребит бороду.

– Для этого мне надобно сотворить нечто помощнее простого огонька. Умолчу уже о том, что перемещения в пространстве опасны даже для тех, кому хватает резерва на заклятия шестой ступени, ведь...

– Я читал теорию. *Учил* теорию.

Чувство «что-то не так» пришло не сразу. Сперва Джеми решил, что отсутствие ответа и повисшее меж двумя креслами молчание – напоминание, что перебивать невежливо.

Лишь потом заметил, что морщинистые пальцы сжались в кулак, стиснув бороду, как спасительную соломинку.

Когда Джеми посмотрел учителю в лицо, яблоневые глаза глядели чуть выше его плеча: куда-то – и в никуда, расширенными зрачками, делавшими их почти чёрными.

– Учитель?..

– Дар, – хрипло выдохнул тот. – Мой дар... дал о себе знать.

Джеми ощутил, как его ногти нервно пытаются прорвать штаны на коленках.

У магистра Торнори был особый дар: он предчувствовал как радости, так и беды тех, кто близок к нему. Правда, если в молодости придворный маг Короля Подгорного безошибочно угадывал, с чем связано то или иное предчувствие, к старости восприимчивость его несколько угасла.

К примеру, год назад магистр ощутил смутное беспокойство за Алекса, однако не отсоветовал ему рейд в Прэкильскую тюрьму.

– И... что он говорит?

– Грядёт что-то ужасное.

Тени, таившиеся по углам, выплеснули в кабинет зловещую тишину.

– Конечно, – пробормотал Алексас. – Хотя бы раз на моей памяти посулил, что в нашу нелёгкую жизнь наконец-то прольётся бочка мёда. Например, Его Величество очень кстати подавится костью и сдохнет в расцвете лет.

По обоюдной договорённости тот, кто не управлял телом, старался не комментировать происходящее, если только к нему не обращались напрямую. Чтобы не мешать другому жить. Но сейчас непрощеный сарказм пришёлся как нельзя кстати – помог сбросить оцепенение, которым сковала тело холодная жуть.

– И кто... в опасности?

– Все. – Прикрыть глаза, пытавшиеся разглядеть, что таит зубастая тьма грядущего, удалось учителю не без труда. – Ты. Алексас. Найдж, Герланд, Бэрри...

– Вы уверены?

Джеми сам понимал, что это звучит жалко. Оскорбительная ниточка, за которую он пытался ухватиться для самоуспокоения.

Только вот учитель и сам жаждал бы ошибиться.

– Нет. В последние годы я не могу быть в нём уверен. Но будь осторожен... будьте – оба. – Наконец разжав пальцы, магистр позволил руке устало упасть на колени. Следом за ней на тёмный лён домашней мантии упали несколько серебряных волосков. – Ступай, я... мне надобно обдумать всё это. Не говори пока никому.

Пояснять, что именно не говорить, не требовалось. Как и

то, что урок окончен.

Прежде чем Джеми взялся за дверную ручку, та провернулась сама собой, и колдовство здесь было ни при чём.

— Простите, что вторгаюсь во время урока, — жизнерадостно начал Найдж вместо приветствия, — но я тут смешивал кое-какие компоненты для бальзама и получил неожиданную реакцию, так что решил проконсультироваться, прежде чем... Джеми? — едва не врезавшись в ученика, колдун озадаченно замер на пороге. — Уже уходишь?

— Мы сегодня закончили раньше, чем думалось. — Ответ из кресла был таким непринуждённым, что даже Джеми с трудом вспомнил, сколько боли и страха звучало в словах хозяина дома момент назад. — Представь себе, с первой попытки позаимствовал эфир моего заклятия.

Секундное замешательство, отделившее это известие от улыбки Найджа, от Джеми не укрылось.

Едва ли ассистент магистра мог забыть, что ему заимствование эфира не удалось ни с первой, ни с сотой попытки. Едва ли ему могла понравиться горделивая бесцеремонность, с которой об этом напомнили. Но...

— Ничего себе. — Когда Найдж потрепал Джеми по кудрявой макушке, в голосе его звучала одна лишь гордость. — Ребёнок, а твоё имя точно Джеми? Может, тебя на самом деле звать Ликбер Великий Второй, а я и не знаю?

Таков он был. Никакой зависти. Никакой ревности. Никогда. Хотя Джеми понимал, что Найдж, мальчик-сиротка, ко-

торому магистр заменил отца, не мог не ревновать к другому мальчику-сиротке. Более достойному, более талантливому, гордость за которого даже не пробовали скрывать. Тогда как тебе гордиться только именем учителя да званием бакалавра, полученным незадолго до сорока, когда иные уже лицензиаты или даже доминусы...

– Куда мне до Ликбера, – буркнул Джеми, поднырнув под рукой Найджа к выходу, просто чтобы спрятать пылающие от стыда щёки.

Проклятье. Чего он стыдится? Дара, полученного от Богини? Того, что ревности Найдж предпочёл любовь? Того, что его второй учитель слишком хороший, чтобы давать волю нехорошим чувствам? Особенно направленным на дорогого сердцу наставника, который ни в чём не виноват, и дорогого сердцу ученика, который тоже не виноват, что его ценят и любят больше...

– Для начала поздравляю, – сказал Алексас, пока Джеми понуро брёл обратно в спальню, а по его правую руку уплывали за спину рисованные горы. – В очередной раз заставил меня утереть скупую горделивую слезу.

– Можем обойтись без предварительных комплиментов. Что думаешь?

– Однажды, братишка, ты дорастёшь до принятия простой истины: предварительные ласки облегчают любое дело. Чужое самолюбие само себя не погладит. Другие части себя гладить проще, не спорю, но ведь приятнее, когда...

– Ты отвратителен, и я надеюсь, что умру раньше, чем стану таким же. – Джеми пожалел, что зачарованные мётлы убивают дом слишком хорошо, и под ногами не отыщешь ничего, что можно было бы смачно пнуть. – Ты тоже думаешь, что это... что-то ужасное... связано с «крысой»?

– Наверняка. – Старший из братьев Сэмперов помолчал. – Знаешь, я тут подумал... защита штаб-квартиры безупречна. Заклятие замкнуто на жизнях Основателей. Его собственноручно творили Герланд и магистр Торнори. А потом кто-то берёт и так просто меняет альвийские чары...

– На что ты намекаешь?

– «Крыса» наверняка посвящена в секреты охранной системы.

Джеми застыл, уже занеся ногу, чтобы переступить порог спальни.

Это едва не стоило ему расквашенного носа.

– Ты серьёзно? – кое-как удержав равновесие, он шмыгнул в комнату, хлопнув дверью так, словно за ним гнались. – Считаешь, кто-то из Основателей?..

– Да, я тоже не хочу об этом думать, но...

– Да не могут это быть они! В сообществе помимо Найджа с магистром ещё пятнадцать колдунов, кому-то из них в чарах разобраться наверняка под силу!

Старший из братьев Сэмперов снова помолчал.

– Иди читай своего Джорданесса, – сказал Алексас наконец. – Скоро всё узнаем. Надеюсь.

Джеми не стал спорить. Он предпочитал думать о Риконе, которому предстояла финальная схватка с коварным магистром, нежели о том, что один из его близких может оказаться...

Да нет, даже в мыслях звучит абсурдно.

Устало плюхнувшись на кровать, Джеми потянулся за книгой – та ждала своего часа на тумбочке, как и другие. Книги оккупировали примерно все поверхности, куда только может уместиться стопка томов, смешавшая в себе магические трактаты с приключенческими романами.

Подозрительно осведомился:

– И ты не хочешь вернуть себе контроль?

– Предпочту оставить время на вечер.

– Он же поход под чужой балкон.

– Именно.

– А как же «будьте осторожны»? Опасность грядёт, всё такое?

– Опасностей бояться – заговорщиком не становиться.

– Понятно. Сластолюбец паршивый.

– Я тоже тебя люблю.

* * *

Когда тракт уткнулся в дубовые ворота с расползавшимся от них высоким частоколом, ночь уже присыпала небо звёздной пылью.

Завидев впереди жилые огни, Таша заблаговременно перевела коня на шаг. Когда тот восстановил дыхание, она прыгнула наземь; морщась, стянула замшевые перчатки – мазь подживила руки, но не до конца.

Одежда, которую Таша выдернула из шкафа, оказалась не самой практичной. Практичной одежды там вообще было не так много. Она редко жалела, что мама одевает её не покрестьянски, но сейчас предпочла бы путешествовать не в плаще тёмного бархата поверх длинного платья из плотного хлопка, не говоря уже об атласных туфлях. Днём солнце палило вовсю, а море разнотравных лугов по обе стороны тракта застыло в безветрии; по пыльной дороге плыло тягучее жаркое марево, скапливаясь в низинах, смеясь над ней миражами отражённого неба, так похожего на лужи. Хорошо хоть Озёрную провинцию испещряли реки и речушки, соединяя друг с другом озёра и озерца. Таша несколько раз сворачивала к ним с тракта: дать Принцу отдохнуть, остыть и глотнуть воды, а заодно выкупаться самой. Первый раз – смывая с кожи землю и кровь, потом – дорожную пыль и усталость.

Льфэльские кони сполна стоили своих денег. Таша не знала, выдержала бы обычная лошадь подобную гонку, а Принц даже не взмылился особо...

По пути им часто пришлось обгонять длинные воловьы обозы: сцепленные друг с другом повозки, где меланхолично посвистывали возницы, скучали нанятые стражники, под брезентом угадывались груды товара, а рядом спали прихва-

ченные в трактирах путники. Путешествовать обозами было долго, но затраченное время с лихвой компенсировала надёжность, относительное удобство и смехотворная цена. Порой Таше приходилось сворачивать к обочине, уступая дороге громоздкой карете, и по внешним атрибутам угадывать, кто внутри. Пара лошадок и простенький экипаж – торговец или зажиточный горожанин. Четвёрка коней и дорогая отделка – знать или советник. Если бы на обильно позолоченной дверце красовался герб, на крыше восседали стражники, а позади тряслась карета-другая с челядью – встречайте герцога или его семейство. Ну а когда чёрную карету украшает лишь герб, но за ней следуют ещё три экипажа, и на крыше каждого прохлаждается парочка людей в тёмных одеждах, чрезвычайно мирных на вид, – значит, за непрозрачными окнами дымчатого стекла восседает сам князь...

Впрочем, ни герцогов, ни князей Таше в пути повстречать не пришлось. И кареты их она помнила лишь по Осенней ярмарке, на которой в детстве побывала в Нордвуде. В конце концов, князей всего четверо, а за управлением провинциями остаётся не так много времени для разъездов.

Долгий тракт являл собой не самый короткий, но самый безопасный путь через Срединное королевство. Земли вокруг него редко бывали безлюдными: с обеих сторон к тракту лепились многочисленные деревеньки, которые постепенно перерастали в городишки и города. Самые крупные приходилось огибать по объездным путям, но много времени это

не отнимало.

Выдернув из сумки дорожный кристалл – палочку розового кварца размером с палец, – Таша неуверенно стукнула в смотровое окошко.

За минувшие часы она немного упорядочила мысли. Долгие поездки располагают к размышлениям по одной простой причине: кроме как думать, больше делать нечего. Но ответа на вопрос, зачем *им*, знакомым в лицо, но неведомым *им* понадобилось... делать то, что *они* сделали, Таша так и не нашла. Она знала, чем их семья могла кому-то помешать, и наёмникам это также явно было известно, но почему забрали не Ташу, а Лив? Почему уби... убрали маму, которая сказала бы им всё, и похитили малышку, ничего не знавшую? Почему...

Сплошные вопросы – и лишь одно знание: дороги назад нет. И не будет.

Смотровое окошко в воротах наконец распахнулось.

– Кристалл, – выждав несколько секунд, ленивым басом подсказал громила-привратник, встречавший путников по ту сторону.

Поспешно вручив требуемое, Таша наблюдала, как громила лениво достаёт из кармана рунную пластину. Касается кристаллом меди, отполированной до зеркального блеска, чтобы там моментально проявилось девичье лицо с педантичной подписью «Тариша Мариэль Альмон Фаргори, Прадмунт, Озёрная»; в почерке будто угадывались завитушки их

пастыря, хотя Таше могло и казаться.

Кристалл Таша, как и всякий житель Срединного, получила вскоре после рождения, и до этого дня ни разу не наблюдала, как он действует (Мариэль Фаргори избегала дальних путешествий по той же причине, по которой их семья могла кому-то помешать). Но не удивилась, что лицо на пластине точно копирует её собственное. Кристалл, в конце концов, был магическим, так что корректировал вложенный в него портрет каждый раз, когда владелец брал его в руки.

– Едем куда и зачем? – уточнил привратник, пока глаза, белевшие на загорелом лице, рассеянно вчитывались в её имя.

– Мне вообще в Пвилл, – сказала Таша ровно и вежливо. – Но хочу здесь переночевать. В Приграничном.

Касательно «переночевать» она, конечно, преувеличила. Однако Принцу требовался отдых, хотя бы недолгий.

Ей казалось, что случившееся разбило её, разделило на две Таши. Одна – та, которой положено было плакать, – спряталась где-то глубоко внутри другой. Вторая лишь изредка, очень отстранённо удивлялась, что может думать, сносно держаться в седле, говорить, не сбиваясь в рыдания. Делать всё то, что делала бы на её месте девочка, у которой жизнь не разлетелась осколками, оставив голую, неприглядную раму; раму, что скалилась зеркальными зубьями и острыми кромками резала душу, кровью вычерчивая там *«ничего не вернуть, ничего не исправить, никого, кто мог бы помочь»*. По-

тому что помочь себе способна только она. Таша, маленькая девочка с двумя большими тайнами, каждая из которых может стоять ей жизни.

И если разоблачение первой – оборотничества – ещё оставляло мизерные шансы на выживание, то вторая...

Ворота ей распахнули без лишних слов.

– Трактир прямо перед вами, – вернув Таше кристалл, привратник подхватил с земли заряженный арбалет, чтобы его плечом поправить съехавшую на глаза шляпу. – Приятного пребывания в Приграничном... и в Равнинной... и вообще.

Таша повела Принца мимо бревенчатых домов и рыночных палаток, ночью пустовавших, к трактиру, что кутался в плющ за высоким плетнём.

Тракт оброс Приграничными селениями на каждой из границ, которую пересекал. Когда-то в них обитали лишь военные из приграничного гарнизона, теперь – ещё и торгаши. Долгий тракт соединял три королевства и все четыре провинции Срединного, и неиссякаемый поток путников приносил неплохие деньги.

Трактирщики в Приграничных на бедность тоже не жаловались.

Во дворе трактира было тихо и темно, лишь оранжевые лужицы света из окон расплывались на брусчатке. Вывеска с ядовито-жёлтым крылатым змеем ожидаемо гласила «Золотой дракон». Рядом с трактиром приткнулась таверна – от-

туда летел звон кружек, обрывки смеха и разговоров, запах стряпни и хмеля, на который живот отозвался недовольным урчанием: со вчерашнего вечера у Таши во рту не было ни крошки, и если она об этом забыла, то её желудок нет.

Стоило пройти за гостеприимно открытые ворота, как откуда-то из темноты немедля вынырнул долговязый паренёк в мешковатых штанах, тут и там украшенных пёстрыми латками.

– Добрый вечер. – Он улыбнулся радостно и немного сонно, заправил под льняную рубаху нательный крест: шесть равных лучей в тонком круге, символ единства стихий, традиционный знак кристалинской церкви. – Идите, а я вашу лошадку в конюшню отведу.

– Я сама его отведу.

– Да не бойтесь, я подмастерье конюха здешнего. Не умыкнёт никто вашего красавца.

– Я не за коня боюсь. Принц не любит чужие руки.

– Бросьте, я с любым слажу.

Мальчишка потянулся к поводу – и отшатнулся, когда конь протестующе встал на дыбы.

– Льфэльские жеребцы все с норовом. – Таша коснулась сознания Принца короткой и ласковой мыслью (простейший трюк из оборотнического арсенала). Дождавшись, пока конь успокоится, погладила мягкую белую морду и нежный нос. – Где конюшня?

Паренёк неодобрительно качнул головой, но, отвернув-

шись, призывно махнул рукой и побрёл в нужном направлении.

Заведя жеребца в стойло, Таша успокаивающе перебирала пальцами снежную гриву всё время, пока мальчишка опасно рассёдлывал её коня. Принц недобро косился на него в ответ, но в присутствии хозяйки вёл себя смирно.

– Тебя как зовут? – решившись, спросила Таша осторожно.

– Шероном кличут, – буркнул паренёк, снимая со спины жеребца суконное покрывало.

– Шерон... могу я задать один вопрос?

– Смотря какой.

Таша облизнула губы, но волнение слишком сушило рот, чтобы это могло помочь.

– К вам... у вас сегодня останавливались... трое мужчин? С девочкой лет девяти? У одного на щеке шрам, как от когтей. Девочка темноволосая и темноглазая. Зовут Лив.

Шерон посмотрел на неё: глаза у него были большими, ярко-зелёными, кошачьими по чистоте цвета. Совестьливо потупившись, потянулся за щёткой.

– Не велено нам о постояльцах рассказывать.

Непослушными руками Таша достала из сумки кошель. Наугад вынув оттуда серебряную монетку, демонстративно покрутила её в слегка трясущихся пальцах.

Мальчишка тяжело вздохнул.

– А вам до них что?

– Девочка – моя сестра, – после секундного колебания честно ответила Таша. – Они...

– Украли её, да? – прочитав ответ в её лице, Шерон мрачно кивнул. – Я сразу понял, тут дело нечисто! Девчонка бледная, глаза неживые... тот мужик её за руку ведёт, а она перед собой уставилась и ноги так переставляет... как за ниточки кто-то дёргает.

– Мужчина... со шрамом?

– Он, он! Он и не прятался особо, даже капюшон не натянул. Я, видно, как-то не так на него посмотрел, когда лошадь брал. Он как зыркнул на меня... душа в пятки ушла. – Конюший рассеянно взъерошил жёсткие соломенные вихры. – Они тронулись часа два назад. Дальше по тракту поехали. Ишь, не боятся по темноте шастать... слышал, как они друг с другом говорили, прикидывали, когда будут в трактире другого Приграничного. Ну, которое на границе с Заречной. Встреча у них там назначена ночью завтрашней. Громко так обсуждали, при трактирщике нашем и других постояльцах, смеялись даже...

Значит, похитители всё же едут не в Пвилл. Или поедут в Пвилл после того, как отвезут Лив в другое место... хотя это неважно.

Важно то, что Таша их почти нагнала.

– Вам к страже надо! И к магу какому. – Шерон встревоженно мотнул головой. – Может, командиру гарнизона здешнего сообщить? Он с заречными ребятами в Приграничном

быстро свяжется, и...

– Нет. – Пальцы, больше не дрожавшие, до боли сжали серебряный кружок. – Никакой стражи. Никакого гарнизона. Это моё дело.

– Но...

– Шерон, мне никто не поможет. Только хуже станет. Поверь. И ты никому не говори. Ни слова. Пожалуйста. Хорошо?

Она сама затруднилась бы сказать, чего в её словах больше: просьбы или приказа.

Паренёк угрюмо уставился в землю.

– Хорошо.

Благодарно кивнув, Таша протянула ему монету, но тот помотал головой:

– Уберите.

– Тебе не нужны деньги?

– Я... просто помочь хочу. Вот что: у вас конь быстрый?

– Ещё какой!

– Они не больно-то спешили. И по тракту поехали, я видел. А вы можете срезать путь через Равнину.

От одного только слова по коже пробежали колкие лапки мурашек.

В Долине было много равнин. Но Равнина – одна.

– Я нарисую, как, – продолжил Шерон. – Если здесь не задержитесь особо, завтра их нагоните. Есть на чём рисовать?

– Нет...

– Ладно, идите, а я попрошу у дяди Рикона... это трактирщик наш, дядя Рикон... попрошу у него, что нужно. Как поедете дальше, я вам карту отдам.

Таша поймала себя на том, что грызёт губы.

На Равнину по доброй воле совались либо храбрецы, либо глупцы.

С другой стороны, в её случае вряд ли можно говорить о доброй воле.

– И как прикажешь тебя благодарить, если деньги тебе не нужны?

– Человек человеку друг, – назидательно изрёк Шерон, прилежно и бережно чистя Принца. – Лучшей наградой будет, если на обратном пути с сестрёнкой заглянете.

Позади послышался странный шелест; обернувшись, Таша настороженно замерла. Открытая дверь конюшни являла отличный вид на двор, через который к зданию трактира хромал некий человек в чёрном.

Он не походил на наёмников из маминых воспоминаний, пусть даже лицо его Таша разглядеть не успела – незнакомец отошёл слишком быстро, предоставив любоваться на его спину. Одежда другая, да и хромотой похитители не отличались. Но...

– Кто это?

– А, это? – приглядевшись, Шерон пожал плечами. – Постоялец наш. Дэй⁶.

⁶ Священнослужитель (алл.).

Глухой звук, с каким лошади перетирают зубами сено, пьяный шум из окон таверны, шелест его одежд... и лишь намёк на отзвук его шагов. Слишком тихий для простого человека, подволакивающего ногу.

От напряжения Таша почти шевелила ушами.

Приближение посторонних она даже в людском обличье слышала издалека. То, что этот мужчина оказался рядом с конюшней слишком незаметно и слишком вовремя, ей очень не нравилось.

– Подозрительный он...

– Да бросьте. – Шерон уверенно коснулся крестика под рубашкой. – Уж дэя можете не бояться.

Единственным дэем, которого знала Таша, был их прадмунтский пастырь. Самый страшный человек в деревне, даром что священнослужитель. И он немало поспособствовал тому, чтобы Таша приравняла понятие «дэй» к понятию «властолюбивый фанатик». То, что эти фанатики отлично умели маскироваться под добрых дядюшек, лишь осложняло ситуацию.

– Он вчера ночью раненый прибыл, – добавил Шерон. – На своих двоих. Сказал, волки на тракте лошадь загрызли и его чуть не прикончили.

– Волки? На тракте? Летом?

– Ага, странно. Наверно, это были неправильные волки.

– И как же он спасся?

– Ну, судя по тому, что меч он при мне чистил...

– Меч? У дэя?

– Знаете, когда путешествуешь... тем же волкам плевать, чем их еда занимается. А дэи – такие же люди, как все другие. Может, чуть постнее.

Таша молча следила, как незнакомец тяжело поднимается на трактирное крыльцо.

– Нога у него паршивая была. – Шерон старательно водил щёткой по бархатистой шкуре Принца, устало жевавшего сено. – Чудо, что он вообще дошёл. С такой-то раной. Но у него вроде с собой кой-какие мази были, и отлёживался весь день... правда, всё равно хромает здорово. Ему дядя Рикон предложил здесь коня купить, а дэй сказал, мол, денег у него нет.

– И как же он дальше?

– К обозу какому привяжется, видать. – Мальчишка решительно поднял голову. – Спать вам пора. И так времени малёк, если пораньше хотите выйти...

Таша кивнула. Бросила монету на землю.

– Можешь её не брать, но она всё равно твоя, – сказала она, отворачиваясь. – Спасибо, Шерон.

Когда она вышла, за её спиной оставались кони, конюший и тишина.

В трактире, украшенном лиственной резьбой по деревянным стенам, Таша заплатила за ужин и комнату, без вопросов отдав плату за целую ночь. Комнату она снимала впервые

(со вчерашнего вечера ей много чего пришлось делать впервые), но в обмене монет на ключ не оказалось ничего сложного, а старик-трактирщик терпеливо ждал, пока она найдёт среди увесистой кучки меди и золота серебряный четвертак. Хотя стариком хозяина заведения можно было назвать с натяжкой: выправка, выдававшая отставного военного, и зоркие светлые глаза нивелировали морщины и седину в волосах.

Лишь когда под ногами хрустнула ступенька, Таша обернулась, вспомнив что-то очень важное.

– А... а может кто-нибудь меня разбудить через два часа?

Трактирщик кивнул без намёка на удивление или любопытство.

– Спасибо. – Поднявшись ещё на ступеньку, Таша вновь обернулась. – А настойки сон-травы у вас не найдётся?

– Найдётся. Служанка занесёт.

Второе «спасибо» вышло уже каким-то неловким, и это подстегнуло Ташу быстрее устремиться к верхним ступенькам.

– Фаргори-лэн⁷...

Тихий оклик заставил настороженно застыть. Даже несмотря на то, что Таша почти сразу вспомнила: её имя старик прочёл в расчётной книге, где она расписалась моментом ранее.

Когда она обернулась в третий раз, трактирщик изучал её

⁷ Уважительное обращение к незамужней девушке (алл.).

долгим взглядом, от которого во рту снова сделалось сухо.

– Вы бы отложили небольшую сумму в отдельный кошелек. Такой увесистый мешочек многих прельстит. Под моей крышей можете не бояться, но в пути всякое случается.

Мягкие слова с ворчащими нотками, почему-то напомнившие о дедушке, отозвались жжением в глазах.

Благодарно махнув рукой, Таша всё-таки поднялась на второй этаж, вертя ключ в пальцах.

Маленькая комнатка оказалась удивительно уютной. Особенно радовали пёстрые ситцевые занавески и фиалки в горшке на подоконнике. Кинув сумку на пол, Таша зашла в ванную; лёгким прикосновением к медному абажуру зажгла светильник на стене, крутанула вентиль, помеченный алым крестом. Тихий щелчок сработавшей магии – и об эмалированное дно раковины плеснулась струя горячей воды.

Когда Таша привела себя в порядок и вернулась в комнату, на столе ждал поднос, взрывающий к потолку горячий дымок. На ужин приготовили куриное жаркое и кружку травяного чая; Таша расправилась с ними наскоро. Снова смазав ладони целительным кремом, прихваченным из дому, рухнула на кровать не раздеваясь.

Уставилась в потолок.

Она никогда не любила ночь. Ночь – время зверей, но люди... днём, в бесконечных хлопотах и заботах, гораздо легче забывать то, что хотелось забыть. Просто откинуть ненужные воспоминания, отмахнуться от них с мыслью, что все-

гда успеешь подумать об этом потом. Только ночью, когда ты остаёшься один, и нет ничего, кроме четырёх стен, тишины и темноты – всё, от чего ты так долго отмахивался, разом возвращается; и вновь путает мысли, и травит их тревогой, и распускает в чистом потоке яд страхов и сомнений...

...и наступает *потом*.

В дверь коротко стукнули.

– Да!

Вошла служанка.

– Сон-трава, – дружелюбно сказала девушка, поднеся к кровати глиняную кружку. – Здесь три капли, как раз на пару часов хватит. Я вас разбужу, как просили.

Таша пила настойку маленькими глотками, пока служанка собирала тарелки. Напиток отдавал мятой и мелиссой. Откинувшись на подушку, она молча следила, как девушка, ловко балансируя с подносом на одной руке, идёт к выходу.

Стремительно села, когда натруженные пальцы потянулись погасить единственный светильник:

– Нет!

Служанка удивлённо обернулась на вскрик.

– Нет, – повторила Таша – уже тише. – Оставьте свет.

Та лишь склонила голову, прежде чем аккуратно прикрыть за собой дверь.

Таша вновь легла. Огонёк под бумажным абажуром сиял ровно, но всё равно плыл в её застывших глазах. Может, это всё-таки сон, до жути реальный? Может, проснётся она уже у

себя в комнате? Дома... и Лив будет посапывать рядышком, и в воздухе будет витать вкусный запах утренней стряпни, и мама будет напевать что-то на кухне.

Мама...

...и пришло время всех *потом*.

...ты хочешь выкрасть сестру у трёх головорезов, шептал безжалостный пакостный голосок по ту сторону сознания; *наивная*...

...у тебя даже третья ипостась не проснулась...

...кошка, которая только и может, что царапаться...

Таша закрыла слипающиеся глаза, дыша глубоко и размеренно, гася судорогу в горле.

...глупая девчонка: один неверный шаг, одно неверное слово, и...

...ты одна, никто тебе не поможет, твоя мать мертва...

...мертва, мертва, мертв...

Прежде чем наступила тьма, она всё-таки всхлипнула.

* * *

Он шевельнул пальцами, будто перебирая невидимую паутину – картинка трактирной комнатухи растворилась в туманном мареве. Когда в серебристом стекле осталось лишь отражение его лица, отложил зеркальце на стол.

Положив подбородок на скрещённые пальцы, взглянул на

каминную решётку: за ней подёргивались тленной серостью умирающие угли.

Фигуры на местах. Игроки на позициях. Подготовка идёт безукоризненно, но дальше... дальше требуется уже истинная виртуозность. Даже несмотря на то, что он знает, как всё будет. Просчитал каждый ход, поступок, решение, и если что-то пойдёт не так (нельзя не допускать такой расклад – он, как и все, имеет право на ошибку, просто цена его ошибок несказанно выше), у него есть все возможности это исправить.

В любом случае он вмешается лишь чуть. И до поры до времени продолжит руководить издалека, наблюдать в основном. Но подкорректировать кое-что, самую капельку... это ведь не нарушит правил.

Остался всего один ход...

Дверная ручка зашуршала осторожно, точно топот мышиных лапок по тафте.

– Входи, Альдрем.

Слуга ступил в комнату тихо и неуклонно. Худой, как жердь, седой, как лунь, морщинистый, как печёное яблоко: квинтэссенция доброжелательного дворецкого, что всю жизнь провёл в чинном подношении постной утренней каши. Из-под тёмного сюртука сверкали белизной кружевные манжеты и вычурный воротник рубашки – лишь чёрные перчатки без пальцев немного выбивались из образа.

– Вы в порядке? – в почтительном тоне сквозила хорошо

замаскированная фамильярность очень старого знакомого. – Говорили, что вернётесь днём...

– Решил задержаться. Первые дни самые сложные. Не беспокойся, не повторится. – Он устало потёр слегка ноющие виски: обычный эффект ритуала, к которому ему пришлось прибегнуть вчера и в ближайшее время предстоит прибегать ещё не раз. – Мой морок не выкинул ничего эксцентричного?

– Не более эксцентричное, чем порой выкидываете вы.

– У моей эксцентричности много граней. Если морок проявил те, касательно которых окружающие пребывают в счастливом неведении, тебе предстоит долгая приборка.

– Кровь отмывается легче, чем кажется. Но есть повод возрадоваться, что морок всегда наследует от вас самую... благопристойную часть. – Слуга приблизился, и его шаги эхом отдались от паркета: просторная комната почти пустовала, немногочисленная обстановка была скромной до аскетизма. – Как всё прошло?

Он всегда всё рассказывал Альдрему, даже зная, что тот редко одобряет услышанное – это лишь добавляло остроты. Когда нет благодарного слушателя, которому можно всё рассказать, играть далеко не так весело: просто не получаешь полного удовольствия от того, что делаешь.

Если список развлечений, ещё заставляющих тебя чувствовать хоть что-то, сужается до единственного пункта, тонкой душевной организацией твоего слуги (тоныше, чем

ожидаете от существа, так сильно побитого такой долгой жизнью) можно пренебречь.

– По плану.

– Радостное известие. – Невозмутимостью Альдрема можно было колоть орехи. – Значит, теперь... самое интересное?

– Почти. *Самое* интересное я приготовил на финал.

– И вы уверены, что...

– Я знаю.

Слуга склонил голову.

– Отдых вам не помешал бы, – заметил он заботливо.

– Скоро пойду.

– Что-нибудь нужно?

– Подкинь поленьев. И... принеси бренди.

Не кланяясь, Альдрем последовал к двери, оставляя его смотреть на догорающий огонь.

Девочка моя, подумал он – почти нежно.

Она не подведёт. Ни она, ни кое-кто другой. Он знает их достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: оба сделают всё, что должно, всё, что от них зависит. И вот тогда...

Его губы вновь тронула улыбка.

Да. Тогда – завтра – и начнётся *настоящее* веселье.

Глава третья

Немного о паладинах

– Я сказала, иди к цвергам!

Застыв у золотистого пунктира, которым на карте обозначены границы, крошечный всадник складывает руки решительным крестом.

– Через Равнину? Подумаешь, как страшно! Ты рыцарь, в конце концов, или кто?

Всадник мотает головой – плюмаж на игрушечном шлеме меланхолично покачивается, – и Таша недовольно поджимает губы. Лёжа на животе поверх одеяла, с высоты дедушкиной (уже своей) кровати она смотрит на карту, разостланную на полу. Керамические куклы разбрелись по ней кто куда: размером не больше фигурок для аустэйна⁸, но сделанные со всей искусностью цвергских мастеров. Пре-

⁸ Игра, аналогичная шахматам (алл.).

красная альвийка в шёлковых одеждах, бледнокожий цверг в самодвижущейся вагонетке, красавица-княжна в золотом платье и рыцарь на белом коне – как Ташин Принц.

Вышитая по ткани карта такая большая, что Таша может в неё целиком закутаться: долина Аллигран во всей красе. Три королевства – цвергское Подгорное, альвийское Лесное и людское Срединное, золотым пунктиром поделенное на четыре провинции. Мимо ярких нитей лесов, озёр и речушек вьётся бежевая ленточка Долгого тракта. Бурая подкова гор на юге уступает место морской синеве, та в самом низу обрывается пёстрой полосой Радужных Туманов. Эх, побывать бы однажды на море... хотя ловить в этом море, кроме рыбы, всё равно нечего. А заплывёшь слишком далеко – угодишь в Туманы и пропадёшь навеки.

Будь на карте Внешние Земли, наверное, их бы вышили серым, но на ткани Долину обрамляют только горы. Впрочем, во Внешних Землях одни только эжуткие твари и водятся, вроде драконов...

– Хотя бы нашу деревню покажи. – Таша повелительно тычет пальцем туда, где должен быть Прадмунт. – У границы Озёрной с Окраинной, рядом с трактом.

Отсалютовав, рыцарь разворачивается и скачет на север, но прибыть на место не успевает.

– Хватит на сегодня, малыш. – Мама заглядывает в комнату, предварив вторжение коротким стуком, не дожидаясь ответа. – Время к полуночи.

Безропотно скатившись с кровати, Таша подхватывает кукол на руки.

– Всё равно они со мной не считаются, – бурчит она, пристраивая игрушки в шкатулку с четырьмя отсеками. Те не сопротивляются и, вернувшись в футляр, перестают двигаться: уснувшая магия Подземного Народа моментально превращает их в куски простой раскрашенной глины. – Пусть посидят, обдумают своё поведение.

Она не видит, как меняется лицо её матери, когда на губах Мариэль проявляется тонкая улыбка.

– Ты их королева, – говорит хозяйка дома. – Тебе должны повиноваться.

Таша запирает шкатулку на ключ. Водрузив кукольное обиталище на прикроватную полку, скатывает карту.

– Можно мне завтра на озеро? – не поднимая глаз, спрашивает она.

– На озеро?..

– Ребята собрались к Кристальному. Гаст, Лайя и остальные.

Меж тёмных бровей Мариэль ложится морщинка.

– Малыш, ты знаешь моё мнение о твоих прогулках с деревенскими.

– Я... мам, я не буду говорить просторечных слов, и манеры дурные у них перенимать не буду, просто...

– Не в этом дело. Не только в этом. – Мариэль прикрывает дверь. Наклоняется поднять с пола сложенную карту,

но прежде ласково касается Ташиных волос. — Ты пока не владеешь собой до такой степени, чтобы менять облик исключительно по собственному желанию. Что будет, если ты обернёшься кошкой у них на глазах?

Пока она кладёт тканевый свёрток на подоконник, наспуленная Таша поднимается с колен.

— Несправедливо это, — бормочет она, вытягивая из ящика с бельём ночную рубашку. — Почему я не могу быть просто девочкой, как все? Или чтобы они все были оборотнями?

— Что поделаешь, малыш. Что поделаешь.

Переодевшись, Таша смотрит на мать: будто подозревает, что та произнесла далеко не всё, что хотела бы. Ничего не спросив, вскарабкивается на кровать, чтобы нашарить в изголовье плюшевого зайца.

Кровать слишком велика, а комната слишком проста для маленькой девочки. Вместо резной мебели, которой Мариэль потрудилась заставить детскую — старое дерево без особых изысков, вместо нежно-кремовых стен — безыскусная побелка. Наверное, поэтому Таша никак не может полюбить новую спальню, хотя живёт здесь уже месяц. Когда ты оборотень, а твоя сестра нет (и не должна узнать о твоей не-очень-маленькой тайне), вам лучше жить в разных комнатах. Мама думала переселить сюда Лив, но Таша настояла, что переберётся сама: знала, что сестрёнке здесь будет неудобно. Да и двухлетней малышке уместнее

остаться в детской.

Пришлось соврать маме, что бывшая комната бабушки и бабушкой Тае очень даже нравится. И совсем она не боится, что однажды ночью откроет глаза и увидит призрачное лицо деда – такое, каким Таа видела его в этой постели в последний раз, полгода назад, в канун его смерти. Иначе мама переставила бы сюда колыбель без всяких колебаний. Между двумя дочерьми она всегда выбирала старшую.

Впрочем, у папы на этот счёт могло быть другое мнение. Обычно так и бывало.

Странно, что мама не стала дожидаться его возвращения.

– А когда папа вернётся? – говорит Таа, как только Мариэль касается её макушки поцелуем на сон грядущий.

Мама выпрямляется. В том, как она смотрит на дочь, сквозит что-то очень странное, и Таа крепче прижимает к себе зайца, будто игрушка может влить в неё смелость через рыжий плюш.

– Он же говорил, что пару шестидневок у дяди Зоя погостит, а его почти уже два месяца нет. Может, послать за ним кого-нибудь?

Мариэль опускается на край постели – изящно, как и всё, что она делает. Даже нервные движения пальцев, которыми теперь она теребит рукава своего платья, сплетают изящную паутину рвущейся лжи.

– Я должна была сразу тебе сказать, – спустя очень,

очень долгое молчание произносит она. — Альмон, он... не придет.

— Не придет? Почему? — Мариэль снова молчит, и Ташины руки стискивают зайца так, будто хотят задушить. — Это из-за меня? Папа злился на меня, он... он перед отъездом кричал, что видеть меня не хочет, что я отродье нагулянное, что...

— Нет, малыш. Это не из-за тебя. Только не из-за тебя. — Мариэль рвано, коротко выдыхает. — Альмон просто задержался в пути, прибыл в Нордвуд ночью, и... и в одном из переулков встретился с плохими людьми, и... — глядя в непонимающие глаза дочери, она опускает нервные пальцы на Ташино плечо: точно готовится держать её, когда та наконец поймёт. — Папы больше нет, малыш. Его нет.

*** * ***

Таша открыла глаза за миг до того, как над её ухом затрещивал колокольчик. К сожалению, сразу вспомнив, где она — и почему.

— Встаю, встаю...

Когда знакомая служанка, блаженно позёвывая, удалилась, Таша села в кровати. Посидела какое-то время, обняв руками колени, уставившись в полумрак невидящим взглядом.

Вскочив рывком, чуть отодвинула ситцевую занавеску на

окне.

За дощатыми крышами, за частоколом Приграничного, за рядком берёз, поникших вдоль Тракта тонкими веточками, ждала Равнина. Казалось бы, просто большое поле, поросшее одуванчиками.

Казалось.

Никто не помнил, как и когда появилась Равнина. Даже альвы. Она была всегда – как Криволесье и Зачарованный Лес, как те леса, где обитали Звёздные Люди, и горы, под которыми жили цверги. Древние, странные, необъяснимые земли, сам воздух которых пропитан магией. Их прозвали Ложными, ибо ничему, что ты видел там, нельзя было доверять. В Ложных Землях всё казалось возможным, но ничто не являлось тем, чем казалось; людская магия либо вовсе не действовала, либо искажалась, столкнувшись с магией куда более могущественной. Точно о Землях было известно лишь одно – ни одна нечисть и нежить не осмеливалась на них задерживаться. Ложные Земли не держали зла, но говорили, что пришедший на них со злом с ним же там и останется.

Что ж, если это единственный путь, придётся рискнуть. В конце концов, пусть Таша и оборотень, но особого зла за собой не помнит...

Только тут она поняла, что одуванчики заливают Равнину тусклой желтизной – не закрываясь даже в ночи.

Наспех умывшись, Таша смазала лекарством поджившие

руки. Перевязав ладони чистыми тряпицами, натянула перчатки поверх; закидывая сумку на плечо, почти тоскливо оглядела комнату, подарившую ей пару часов блаженного забвения.

Первое, что она увидела, когда спустилась вниз, – русоволосую макушку дэя, который любезно беседовал с трактирщиком. Потом дэй обернулся, и Таша замерла в замешательстве: воображение вчера дорисовало ей пожилого брюзгу с брюшком и чётками в пухлых пальцах, но незнакомцу на вид было чуть за тридцать. Ни чёток, ни тяжёлых одежд – серебряный крест, чёрная фортэнья⁹ и широкий шёлковый пояс, концы которого почти касались земли.

– Доброе утро.

Голос был учтивым, спокойным, тихим. Лишённым всякого пафоса, окрашивавшим слова дивным певучим выговором. Таша почти видела, как эхо этих слов сияет золотистыми искрами.

Вместо ответа она попыталась опуститься на колени, чтобы поцеловать святейшую руку – привычка, которую прадмунтский пастырь накрепко вбил в головы своей паствы, – но дэй легко удержал её за плечи.

– Не надо. Я же не святой. – Подняв взгляд, Таша увидела, что дэй улыбается. – Меня зовут Арон Кармайкл.

У него было удивительно привлекательное лицо. Ямочка

⁹ Приталенная ряса с пришитой накидкой на плечах, с рядом пуговиц по центру – от середины стоячего воротника до верхнего края юбки (алл.).

на подбородке, родинка на щеке, манящее благородство в простоте правильных черт. Зеленоватые лучистые глаза. Таше не раз приходилось слышать про «лучистые глаза», однако в жизни таковых видеть не доводилось: глазам не свойственно лучиться, не отражая лучи извне. Но его глаза *действительно* сияли, в них искрился тёплый внутренний свет, и за этим светом таилось что-то очень... располагающее.

Такому человеку любой без вопросов, с радостью отдал бы свой кошелёк, если б только потребовалось.

– Таша... Тариша Фаргори.

– Фаргори-лэн. – Дэй отпустил её, и Таша потупилась: нечего смущать человека пытливым взглядом. – Позвольте мне сразу перейти к делу.

– Делу?

– Видите ли, я направлялся в Заречную по одному поручению, но по дороге...

– Волки. Я слышала.

– Вот как. Полагаю, вы также держите путь в Заречную?

Таша кивнула, не видя причин скрывать.

– К сожалению, средств на коня у меня нет, а дело моё не терпит отлагательств. Я должен быть в тамошнем Пограничном сегодня, и буду вам очень признателен, если вы согласитесь меня подвезти.

От изумления Таша всё-таки подняла глаза.

– Заплачу, сколько потребуется, – смиренно добавил дэй. – В пределах разумного, конечно. А юной девушке опас-

но путешествовать одной, тем более ночью.

Таша растерянно поправила ремень сумки, норовившей сползти с плеча.

Подвезти, значит... только вот с чего он ждал её в непроходимую рань? Почему решил ехать именно с ней? Услышал, как она договаривается с трактирщиком? Узнал, откуда она едет? Но трактирщик не будет рассказывать то, о чём запрещает говорить конюху.

А если он заодно с...

– Извините, святой отец, но вынуждена отказать, – ответила Таша чуть резче, чем собиралась. – У меня нет времени на...

Выражение, которым её резкость отразилась на его лице, заставило её запнуться.

Глаза напротив не то чтобы омрачились, нет: не было в них и намёка на мрак, досаду, злость. Просто свет их стал невыразимо грустен – и эта грусть кошачьими когтями прошлась по сердцу.

– Я должна...

...а с другой стороны, почему нет? Принц выносливый. Похитители не торопятся, да и обгоняют её ненамного. Дэй на злодея не похож, к тому же Ложные Земли – не самое подходящее место для злодейств. Вдвоём ехать, конечно, не очень удобно, но как-нибудь справятся. Наверное, для путешественников это нормально, за плату брать попутчиков. Просто Таша не знает. Первый раз странствует, как-никак.

А раз так...

– Хотя, – беспомощно проговорила Таша, – если вы быстро соберётесь...

– Мне нужно лишь зайти за вещами. – Дэй чуть склонил голову. – Сердечно благодарю, Фаргори-лэн.

Таша мрачно следила, как дэй хромает вверх по лестнице: стараясь не обращать внимания на отчаянные крики голоса разума о том, что его хозяйка сошла с ума.

Она была не единственной, кто следил за её новообретённым попутчиком без особого воодушевления.

– Господин Рикон, что вы с ним не поделили? – поинтересовалась знакомая служанка, вынырнув невесть откуда. – Как его завидите, так злее града становитесь.

– Будь я молоденькой девушкой, никуда бы с первым встречным не поехал, – буркнул трактирщик. – Да тем более ночью.

– Так то ж дэй, господин. Они уж точно люди порядочные.

Таша провела рукой по лбу, будто это могло разогнать сонную паутину, опутавшую сознание, стиравшую грань между грёзой и явью. Казалось, Таша так толком и не проснулась. Может, и в самом деле не проснулась?.. Это бы объяснило, почему она взвалила на себя ещё и дополнительную обузу.

Но нет, она не спит.

Осознание этого факта и злость на треклятую сердобольность заставили Ташу досадливо кинуть ключ на стойку.

– Хотя, – добавила служанка, – я к такому дэю на исповедь ни в жисть не пошла бы.

– Это ещё почему?

– Пока каяться буду, в мыслях раз десять согрешу.

Трактирщик только крякнул.

– А что? И лицом хорош, и поджарый, и плечи вон какие, и ряса эта его так обтягивает... и кажется на редкость приличным человеком. Даже для дэя.

– Кажется ей, – горестно заметил старик. – Грешки, тёмные пятна... у каждого есть. Когда их не замечаешь, то их скрывают. Когда их скрывают – хотят казаться не тем, кем ты есть. А когда кто-то хочет казаться не тем, кто... А, бабы! – возвращая ключ на законное место, трактирщик надел колечко на гвоздь так зло, что до Таши донёсся сердитый звон. – Всё равно не поймёте.

Посмотрел на Ташу – с извинением – и сухо велел служанке:

– Марш в комнату. А то отправлю полы драить, раз тебе делать нечего, кроме как болтать.

В молчаливой обиде поклонившись, девушка скрылась в подсобке.

– Счастливого пути, – трактирщик уткнулся в гостевую книгу, – Фаргори-лэн.

Разговор был окончен.

Когда Таша с дэем вышли из трактира, небо лишь начи-

нало предрассветно сереть. Двор окутывала сизая прохлада.

– Подождите, святой отец, я схожу за конём.

– Мне не трудно вас сопровождать.

Пожав плечами, Таша направилась к конюшне, слушая, как шуршат сзади чёрные одежды. Заглянула в длинное здание, ударившее по ноздрям запахом навоза, соломы, лошадей и овса.

Легонько толкнула Шерона, безмятежно спавшего рядом со входом.

– Я уезжаю, – коротко бросила Таша, когда конюший открыл глаза.

До стойла они с мальчишкой шли вместе. Скормив Принцу яблоко, Таша успокаивающе поглаживала жеребца по морде, пока Шерон его седлал; затем повела коня к выходу, где, прислонившись к стене, ждал дэй.

– Госпожа, а карта?

– Ох, точно! – Таша благодарно обернулась: Шерон, нагнав её, радостно размахивал бумажным обрывком. Она протянула руку, однако мальчишка не спешил выпускать листок из пальцев.

– Я вам объясню! По Равнине прямо-прямо поскачете, видите? Там одна только тропа и есть. Выскочить должны у деревушки Потанми, прям у самой границы. Поедете мимо неё по дороге на запад, вот она, и окажетесь прям на тракте. Оттуда до Приграничного пара часов, не больше. Раза в два быстрее доберётесь, чем... Вам помочь, святой отец?

Шерон наконец соизволил заметить дэя.

– Благодарю, – откликнулся тот, – помощь я уже получил.

– Святой отец ждёт меня, – вмешалась Таша, сунув карту в сумку.

– Вас? Зачем?

– Фаргори-лэн любезно согласилась подвезти меня до границы с Заречной.

Шерон уставился на Ташу – глаза конюшего смахивали на зелёные блюдца. Вместо пояснений Таша, отвернувшись, молча вывела Принца на улицу: она и сама знала, что поступает глупо.

Понять бы ещё, почему ей совершенно не хочется брать свои слова обратно...

Приторочить вещи к седлу много времени не заняло.

– Я не хотел бы отсиживаться за хрупкой девичьей спиной, Фаргори-лэн, – мягко вмешался дэй, когда Таша поставила ногу в стремя.

– Принц не любит чужие руки, святой отец. И слушается только меня.

– В самом деле?

– Хорошо. – Таша устало отступила в сторону: доказать наглядным примером всегда быстрее и проще. – Заберётесь – будете править.

Сразу забираться дэй не стал. Вначале, подволакивая ногу, обошёл коня кругом. Чуть склонив голову набок, заглянул Принцу в глаза.

Дружелюбно похлопав непривычно спокойного жеребца по шее, вспрыгнул в седло – полы фортэньи легли на бока Принца чёрными фалдами, открыв чёрные же штаны.

– Фаргори-лэн, вы наговариваете на своего коня, – заметил дэй, протянув Таше руку.

Она промолчала. Только покашляла удивлённо, прежде чем принять помощь и устроиться за задней лукой седла.

Шерон зачем-то провожал их до самых ворот, не переставая настороженно поглядывать на дэя. За частоколом Приграничного лент тракта круто забирала влево, на запад, обходя одуванчиковую ловушку Ложных Земель. Вдоль дороги грустно шумел берёзовый перелесок. Сама Равнина казалась не такой и большой – прищурившись, Таша могла даже разглядеть берёзы на том конце, тёмными чёрточками таявшие в предутренней мгле.

– Благодарю, сын мой, – кивнув Шерону, дэй крепче сжал поводья. – Вперёд.

Медленно и осторожно Принц двинулся к Равнине.

Шерон смотрел, как белоснежный конь касается копытами листьев одуванчиков – чтобы миг спустя исчезнуть без следа.

Таша не увидела, как Принц ступил на Равнину. Лишь почувствовала, как ударил в лицо холодный ветер, заставив зажмуриться.

Когда она открыла глаза, всё вокруг тонуло в белёсом ту-

мане.

Принц встал, тревожно всхрипнув. Вязкая белая стена, взявшаяся из ниоткуда, доставала коню до груди. Таша оглянулась, но частокол Приграничного пропал: вместо него стелилось то же вкрадчивое туманное море, скрывая горизонт. Колкий ветер скользил поверх него, не разгоняя, не тревожа.

Если на тракте была предраcсветная пора, здесь царила тёмная серость. Не ночь, не утро, не рассвет.

– Это... Равнина?

– Да, – голос дэя был спокоен.

– А где же Приграничное?

– Далеко.

Дэй тронул белую гриву, и Принц послушно потрусил вперёд, постепенно ускоряя шаг.

Стало быть, помимо прочих интересных свойств, Ложные Земли могли к тому же мгновенно перемещать тебя в пространстве... что ж, ясно теперь, каким образом Равнина позволяла срезать путь.

Долгое время тишину нарушал лишь приглушённый стук копыт: туман и невидимые одуванчики скрадывали звуки.

– Фаргори-лэн?

– Да?

– У вас очень... цепкие пальцы.

– Это комплимент?

– Простите, если разочарую, но чистая правда. И это вызывает у меня сомнения, останется ли на моих плечах к кон-

цу путешествия живое место. Держитесь за пояс, так гораздо удобнее.

Таша кашлянула: ей и за плечи взяться стоило некоторой заминки.

– Откуда путь держите, святой отец? – спросила она, чтобы поддержать беседу.

Гладкий шёлк пояса выскальзывал из-под пальцев. Пришлось обвить талию дэя и сомкнуть ладони в замок, прижавшись к его спине. Понять бы ещё, что в этом смущает больше: столь фамильярная близость с незнакомым мужчиной – или со священнослужителем. Таша привыкла держать дистанцию и с теми, и с другими.

Жаль, что ножны с мечом дэй приторочил к седлу. Он их вроде через плечо носит, вот и вцепилась бы...

– Из Озёрной. Я пастырь в деревеньке у озера Лариэт.

– Лариэт... это у самых гор, кажется?

– Верно.

Некоторое время Таша терпеливо ждала ответных вопросов.

– Фаргори-лэн, я придерживаюсь мнения, что собеседник сам расскажет то, что хочет и может, – наконец заметил дэй. – Если же он молчит, значит, на то есть причины.

Тонко подмечено.

– Я... из Прадмунта.

– А. Так вы из той самой семьи Фаргори...

– Которые делают тот самый сидр, да.

– Вашей семье и вашей деревне есть чем гордиться.

– Вы бы это нашему пастырю сказали. – Таша зевнула. –

Он так не думает.

Серость, со всех сторон – непроглядная серость. Ни света, ни темноты: только серый цвет, только туман и странные скользкие тени. Сознание тоже туманилось – утопленниками в памяти всплывали ненужные воспоминания, ненужные мысли, ненужное...

...зачем ты спешишь, зачем едешь туда, шептал тонкий голосок на грани сознания; даже если наёмники будут в том трактире, даже если ты их нагонишь, тебе с ними не справиться, не спасти Лив, не уйти живой...

...и святоша наверняка их дружок...

...глупая, глупая, глупая...

– Осторожно!

Таша открыла глаза в миг, когда дэй поймал её соскальзывающие руки – прежде, чем она успела упасть с коня, – и судорожно вцепилась в чёрный шёлк.

– Вы задремали, Фаргори-лэн.

– Кажется...

Сердце металось перепуганной кошкой в тёмной коробке.

– Расскажите о вашей деревне, Фаргори-лэн.

– Не думаю, что вам...

– Ошибаетесь. Мне *будет* интересно. Я весь внимание.

С другой стороны, разговор – хороший способ прогнать сон. На это он и рассчитывает?..

– Ну... Прадмунт...

– Вы не больно-то жалуете своего пастыря, Фаргори-лэн, – дэй облегчил ей задачу.

– Я не обязана его любить, святой отец.

– А уважать?

Таша помолчала, обдумывая ответ.

Оскорбление церкви и её слуг – богохульство. Оскорбление своего пастыря – тем более. Будь Таша дома, за любые её сомнительные слова последовала бы кара – если бы, конечно, кто-то услужливо донёс о них пастырю; а когда ты бросал эти слова не в кругу семьи, это было почти гарантировано.

Но она далеко от дома, дэй – не их пастырь, и что-то подсказывало Таше, что все её слова останутся между ними двумя.

– Он упивается своей властью. Тем, что может поставить на колени любого, – всё-таки сказала она. – Он просто... фанатик.

– Если он искренне верит в то, что делает, это уже заслуживает уважения.

– Верит? Да это не вера, это...

– Фанатизм – крайность, но крайность прежде всего веры, которая и должна быть в дэе. Если вам встретится один из тех ханжей в рясе, коих, к сожалению, немало... или один из тех, кто пользуется своим положением, дабы вершить отвратительные, страшные дела – с такими же девочками, как вы, или с мальчиками, или с совсем детьми... вы поймёте, что

есть вещи похуже фанатизма.

Когда Таша поняла, что она здесь не единственный богохульник, она досадливо осознала, что спутнику вновь удалось лишить её дара речи.

– Зимой пришлый колдун изнасиловал мою сверстницу, – вымолвила она потом. – А на исповеди наш пастырь советовал ей утопиться. Переродиться, чистой смертью смыть грязь с души. Она говорила.

– Но наверняка кое-кто из селян был согласен, что это едва ли не лучший исход. Нравы деревенских жителей всегда оставляли желать... большей широты. На обесчещенной девушке для них лежит вечное клеймо. Сами знаете.

– И что?

– Представьте теперь, что ждало бы эту девочку в будущем.

Представить было нетрудно: начало этого будущего Таша уже видела.

Косые взгляды. Шёпот за спиной. Жалость. Смех. Презрение. Одиночество – ведь все брезгают взять в жёны «нечистую». Непонимание – ведь ты ни в чём не виновата. Ненависть – ко всем этим *чистым* людям. Уйти – страх, неизвестность и один шанс из ста, что найдёшь своё место; остаться – пустой дом, потрескивание углей в тишине, сводящей с ума, похороны, на которые никто не придёт...

– Так она утопилась? – спросил дэй, когда молчание затянулось.

– Она сбежала, чтобы не позорить семью. И не терпеть такое отношение. Подалась в большой город, думаю.

– Надо полагать, родители не особо рвались её искать.

– Нет. С тех пор её никто не видел.

– Вы знаете, что с ней случилось?

– Нет.

– Тогда не факт, что умереть для неё не было бы лучшим вариантом.

Таша не нашлась, что возразить.

– Пожалуй, – помолчав, сказала она, – лучше поговорить о другом.

Какое-то время ответом ей служила лишь туманная серость.

– Рассвет скоро, Фаргори-лэн, – бросил дэй. – Там будет легче. Поверьте.

И почему кажется, что он говорит не только о погоде? Даже *не столько* о погоде...

Что ж, попутчик Таше определённо попался интересный. И их недолгое путешествие обещало выйти... занимательным.

Когда сквозь серость наконец пробилось солнце, выяснилось, что уже за полдень. С первыми же лучами туман рассеялся, будто его и не было, открыв белые одуванчиковые просторы с сиреневыми крапинками чертополоха. Ветер пошел и повеял сладким, небо засияло безупречной лазурью

– лишь где-то на горизонте дрейфовали ватные кручи облаков, наползая на бледную четвертинку Аерин.

Таша не сразу вспомнила, что из трактирного окна одуванчики выглядели вовсе не белыми.

Она не знала, как дэй умудрился не потерять тропу в тумане, но сейчас они скакали по ней. Тропка была прямой, как натянутая нить, почти столь же узкой, но видной отчётливо – и Ташу это только насторожило. Не так часто путники заходили на Равнину, чтобы её протоптать.

– Пора сделать привал, – произнёс дэй.

– Я думала, когда мы минуем Равнину...

– Боюсь, к этому времени ваш конь успеет порядком выдохнуться.

– И где тогда... привалимся? – Таша оглядела окружающие просторы: картина была не то чтобы безрадостная, но вот её бескрайность не особо веселила.

– За рекой.

– За какой... а.

Река, казалось, возникла впереди только потому, что её упомянули. Вместе с шумом бегущей воды, которого – Таша готова была поклясться – до этого не доносилось. Скорее не река, а речушка, через которую кто-то перекинул резной каменный мост коромыслом: под такими в сказках обычно сидели тролли...

Ах да. Никаких троллей. Ложные Земли не держат зла.

Цокот копыт колокольчиком зазвенел по мосту, и Таша

увидела, как вода весело струится по камням жидким хрустальём – речка была совсем мелкой, едва ли по колено.

– Мы же хотели сделать привал, – напомнила Таша, когда Принц благополучно порысил по другому берегу.

– Не у самой реки.

– Почему? Мы бы заодно...

– Не стоит пить из реки, текущей по Ложным Землям. Ни человеку, ни коню. В конце концов, здесь ничто не является тем, чем кажется, верно?

Возможно, Таше лишь почудилось по скользнувшей в словах интонации, но у неё возникло смутное ощущение, что дэй видел как раз не реку, а то, что казалось рекой.

В какой-то момент шум воды за спиной пропал – так же резко, как появился.

– А вот теперь привал.

Дэй осадил Принца там, где у обочины дороги примостились два плоских булыжника: больших и круглых, похожих на низкие каменные табуреты. Единственных на всю округу. Откуда они здесь взялись, оставалось загадкой. Впрочем, на Равнине загадок было так много, что Таша уже почти не удивлялась.

Присев на камни, оба поели. Таша сжевала медовую лепёшку, которую выудила из сумки, дэй же – пару пресных из своей котомки. Вида они были не слишком аппетитного, однако даже их поиск довольно-таки затянулся; в процессе дэй выложил на камень буханку ржаного хлеба, и Таша призна-

ла, что лепёшки предпочтительнее. Решилась было предложить попутчику свою снедь, но, уже разомкнув губы, застыла невесть чего. Прислушалась к тонкому голоску разума, напомнившему, что еда им с Лив и самим пригодится – и, сердито дожевав лепёшку, которая не слишком охотно лезла в горло, скатилась с камня, чтобы растянуться на ковре из одуванчиков.

В воцарившейся тишине слышно было, как шуршат на ветру зелёные листья и пофыркивает Принц, хрумкая пушистые белые шарики соцветий.

Заложив руки за голову, Таша украдкой взглянула на дэя. Тот сидел, глядя куда-то вдаль, подперев подбородок ладонью. От него веяло... умиротворением: светлым, почти ощутимым, словно лёгкий аромат свежих духов.

Странно, но в его присутствии Таше действительно было спокойнее. Ком, поселившийся в груди день назад, растворился. Бездна тревог исчезла, уступив место тихой глади привычных мыслей. Или это просто выглянувшее солнце подняло настроение? Хотя, наверное, на Равнине и солнце вполне может выглянуть потому, что у тебя настроение поднялось...

Интересно, они так и будут молчать?

– Не самое подходящее место для разговоров. – Ветер донёс ответ на незаданный вопрос. – Тут и мысли порой материальны, не то что слова.

Таша удивлённо вскинула брови. Вспомнив, что почти

привыкла ничему не удивляться, отвела взгляд; сощурилась, глядя на рыхлое облако – оно клевером скользило по небесной прозрачности, подкрадываясь к солнцу, плавно меняя очертания по пути.

Закрыла глаза.

Пожалуй, оставшееся привальное время лучше скоротать во сне. Его Таше не хватало куда больше, чем бесед.

В конце концов, теперь весомых причин болтать у них нет.

Когда они наконец покинули Ложные Земли и копыта Принца коснулись широкой пыльной дороги – две колеи, добротнo изъезженные телегами, разделённые узкой полоской ромашек и подорожников, – Таша оглянулась на то, что они оставили позади.

Широкую, мирно цветущую Равнину вновь окрасила желтизна. За ней ровным рядком сияли берёзовые кроны, вызолоченные вечерним солнцем. За берёзами не видно было ни тракта, ни Приграничного – одни лишь бескрайние луга с редкими перелесками. И никаких следов реки.

Чудеса, да и только.

– Древняя магия – странная вещь, – заметил дэй, будто вновь неведомым образом угадал её мысли.

– Не поспоришь. – Отвернувшись, Таша взгляделась в пёстрые крыши небольшой деревеньки впереди. – Это Потанми, надеюсь?

– Скоро проверим.

– Как?

– Думаю, нам должен попасться указатель.

Указатель действительно вскоре попался. Вместе с сенокосным лугом, раскинувшимся рядом. Таша издали услышала отзвуки музыки и певучих голосов; когда они подъехали к лугу, жители Потанми копнили сено. Селяне как раз прервались на передышку, но, увидев пришлых, девушки оборвали песню, а парни убрали от губ деревянные дудочки. Поднявшись на ноги, седовласая деревенская староста прокричала усталым путникам приглашение присоединиться к их отдыху и не побрезговать пшенкой с маслом. И коню, если надо, корма дадут...

Вскоре Принц с высочайшего позволения старосты уже общипывал сенные валы в сажень высотой, а Таша уплетала пшеничную кашу под жалостливыми взорами деревенских баб (дома соседки тоже любили поохать про её удобу да бледность). Дэй от пшенки отказался, однако колодезной водички с ломтем свежеспеченного хлеба вкусил с нескрываемым удовольствием.

– Откуда и куда путь держите, святой отец? – учтиво спросила староста.

Говорила она, характерно акцентируясь на букве «о». Таша думала, такой говор присущ скорее жителям Заречной, но могла и ошибаться. А, может, сказывалось то, что Потанми находился неподалёку от границы.

– Из Озёрной в Заречную.

В Прадмунте тоже сенокос, некстати вспомнилось Таше. Они с Гастом и Лив сейчас тоже должны быть на лугу: кидаться сеном друг в дружку, петь и танцевать, бегать с ребятами по ягоды и на озеро. И мама должна ждать дома...

Пшенка резко утратила вкус – но слёз не было.

– А девочка – ваша?..

– Племянница, – без промедления отозвался дэй.

Хотя Таша понимала, что честное «случайная попутчица» обрекло бы их на обстрел косыми взглядами, ответ заставил её почти поперхнуться.

– Красавица она у вас. Из благородных лэн?

Видимо, туфли и бархатный плащ – даже в нынешнем состоянии, порядком изгвазданном, – произвели должное впечатление. После секундного промедления дэй кивнул; кивнув в ответ, староста задумчиво откинула за спину седую косу.

– Маришка, – крикнула она потом девушкам поодаль, что прицельно перебрасывались шутками с молодыми людьми. Обернулась юная темноволосая особа в алой юбке с оборками:

– Да, бабушка?

Внучка старосты была такой же высокой, но куда более фигуристой. И, разумеется, менее морщинистой.

– Порадуй песней знатных гостей. Из легенд старинных... или из своих. Маришка у нас песни складывает, – пояснила женщина с нескрываемой гордостью. – Видать, в племянни-

цу мою, тётку-менестреля пошла... та и квинлу свою ей завещала. Все певцы, кто к нам забредал, Маришку в ученицы забрать порывались, да я не отпустила. У меня больше никого: детей богиня раньше срока прибрала, из внуков она одна... вот как я в новое перерождение отправлюсь, пускай идёт, если хочет. Недолго ждать осталось.

– Не девичье это занятие по тавернам разгуливать, дома-семьи не имея, – буркнула сухонькая старушка рядом с Ташей, прячась от солнца под льняной шалью. Впрочем, её никто не слышал и не слушал.

Маришка ломаться не стала, лишь попросила принести квинлу. Какой-то мальчишка со всех ног побежал в деревню, чтобы вскоре уже передать инструмент хозяйке – бережно, как хрустальный венец. Беречь было что: пять струн тянулись к колкам по грифу чёрного дерева, среди лаковых цветов на деревянном корпусе летела ланден, любовно прорисованная до мелких золотых пёрышек на хвосте.

Подкрутив колки, Маришка приласкала пальцами струны, отозвавшиеся нежной россыпью звуков, и низкий бархат девичьего голоса вплёлся в переливы мелодии естественно, как дыхание.

Паладины огня... это то, что мы знали всегда:
Кто подарит нам ветер, когда божества не хранят?
Кто коснётся плеча, когда нет ни меча, ни коня,
И найдёт, и удержит, всегда возвращая назад?

Паладины мечты... в ураганах – звездой-маяком
Неизменно светя, чтобы мы успевали на свет.
Ты не видишь лица, да и голос тебе незнаком,
Только это – тот голос, в котором ты слышишь ответ.

Паладины любви... и нужны ли любые слова?
Или просто улыбка, и просто костёр, и рука...
Подойди. Посмотри. В его взгляде – туман и трава,
И дороги, и солнце. И радуга. И облака.

Паладины огня... и пути, и полётов во сне:
Это те, кого ждёшь, это те, кто спускается вниз
И живёт среди нас, предпочтя своё небо – земле,
Чтоб вершины и ветер – всем тем, кто тоскует о них¹⁰.

Когда голос истаял в вечернем воздухе, напоённом заво-
рождённой тишиной, дэй первым сомкнул ладони в негром-
ком хлопке. Звук вернул Ташу в реальность, заставил вы-
нырнуть из сияющей пустоты, куда унесли её бархатные вол-
ны певучих нот, и, задумчиво склонив голову, захлопать то-
же. Там и притихшие крестьяне зашевелились, подхватив
аплодисменты, огласив луг восторженным шумом.

Не хлопала лишь староста: была слишком занята тем, что
промокала рукавами мокрое лицо.

– Что за плодины такие? – смущённым шёпотом осведо-
милась Ташина соседка.

¹⁰ Стихи Марка Шейдона.

– Орден странствующих рыцарей, – ответила Таша, не задумываясь. – Они отрекались от семьи и давали обет безбрачия. Совершили много славных дел, но орден распался двести лет назад.

Она пытливо следила за Маришкой: та лишь сейчас отвела руку от затихших струн. Показалось или нет? В конце концов, Таша всего-то пару раз на неё глаза подняла...

– Хороша песня, – наконец выговорила староста. – Я её раньше и не слышала...

– Ты не могла, бабушка, – отстранённо ответила девушка. – Я её только сейчас сложила.

– Сейчас? И с чего тебя про паладинов петь потянуло?

– Видно, так нити судьбы сплелись.

Объяснение всех вполне удовлетворило. Все ведь знали, что каждый менестрель немного пророк: в колыбели его в лоб целует светлый дух музыки, и этот же дух после нащёптывает, как и когда сложить новую песнь или исполнить уже сложенную. А духам ведомо кружево, в которое Богиня сплетает людские судьбы – это тоже все знали...

Когда крестьяне, попрощавшись со зваными гостями, покатили санные валы туда, где нужно ставить копны, Принц уже нёс своих седоков в сторону тракта. Сидя за спиной дэя, Таша оглядывалась на крашенные крыши, что медленно растворялись в лазурном горизонте, – и всё ещё слышала отзвуки песни, на диво крепко врезавшейся в память.

Таша тоже знала о сложных взаимоотношениях менестре-

лей с духами. Это-то и заставляло её теперь кусать губы. Баллада о паладинах, что вполне могла оказаться пророчеством, была нежной и влекущей, была прекрасной и щемящей, была достойна звучать в залах княжеских дворцов...

И, кажется, Маришка пела её, не сводя взгляда – тёмного, как гриф её квинлы, – с Ташиного лица.

* * *

– Серое или зелёное? – спросила Бэрри.

Алексас, без стеснения развалившийся на кровати названной сестры, оценивающе посмотрел на вешалки в её руках.

– Я видел у тебя в шкафу синее, – сказал он. – С бисерной вышивкой.

– Думаешь? – девушка смерила сомнительным взглядом шёлк и бархат, струившиеся с вешалок к дощатому полу. – Оно не слишком... вычурное?

– Вы идёте на представление самого старого, знаменитого и вычурного театра во всём Аллигране.

– Да, но это же не сама «Ларва», а труппа «Ларвы».

– Которая даёт гастроли, да ещё в Подгорном, *чрезвычайно* редко. В следующий раз подобная okazия подвернётся нескоро. К тому же «Ларве» щедро отдали Витражный зал окружной ратуши, а на его отделку не скупилась.

– Просто я знаю Найджа. – Бэрри вернула платье в шкаф, слегка вычерненный подпалинами. Свет радовался редкой

возможности пробраться в недра гардероба: распахнутые дверцы манили золотом и серебром, бисером и хрустальными бусинами, искрившимися под лучами люстры. — Он наверняка пойдёт в какой-нибудь затрапезной мантии, а я рядом с ним...

— Нет, он приоденется в приличную флеоновую рубашку и бархатную куртку. Синюю, к слову.

— Ты откуда знаешь?

Алексас, загадочно улыбаясь, лениво закинул руки за голову.

— Ты и ему советы давал, — утвердительно изрекла родная дочь Герланда.

— Что поделаешь, если вам предстоит столь исключительное мероприятие, а я во всём Венце единственный обладатель хоть сколько-нибудь пристойного вкуса.

Бэрри, смеясь, вытащила синее платье. Бархатный корсаж, на котором распускались бисерные цветы лоури, переходил в пышную юбку из десятка слоёв сетчатой ткани — от сизого до сиреневого и василькового, вместе складывавших оттенков зимних сумерек.

— Мне кажется, будь у разбитых надежд цвет, он выглядел бы так, — сказала Бэрри, приложив платье к груди, придирчиво разглядывая своё отражение в зеркале на туалетном столике.

— Оно цвета твоих глаз. Хотя, полагаю, для многих сообщников твои глаза и разбитые надежды суть одно и то же, —

добавил Алексас.

– Не преувеличивай мою желанность.

– Не заставляй меня говорить, что не будь ты нашей сестрой, я бы первый прикончил Найджа во сне, дабы подобная красота досталась единственному, кто в этих стенах по-настоящему её достоин.

Бэрри снова рассмеялась. Отзвуки этого смеха раскатились по спальне бубенчиками из хрусталя.

Порой Алексас задумывался, как звучал бы смех Герланда, если бы он хоть раз его слышал. Наверное, иногда наставник всё же смеялся, просто он этого не помнил. Смех альв приберегал для родной дочери.

– Хотела бы я однажды побывать в самой «Ларве», но и на гастрольное представление выбраться – счастье, – сказала Бэрри. В зеркале, по которому ползла одинокая длинная трещина, Алексасу хорошо было видно её лицо, узкое, с чертами на грани между безупречностью и неправильностью. Треугольная ямочка на верхней губе такая глубокая, что почти разбивает её на две половинки. Чёрные волосы подчёркивают снежную бледность лба, чуть раскосые глаза – копия отцовских, с одним лишь отличием: в них не горят серебряные искры. – Как думаешь, это когда-нибудь закончится?

– Что?

– Шейлиреар. Наша борьба. Мы сможем однажды выйти из тени? Не прятаться? Не бояться королевских ищек?

Когда в отражении её глаза – почти молящие – нашли его

собственные, Алексас сел на постели, чувствуя, как невольно тает на лице привычная маска шутовской самоуверенности.

Герланд явился ко двору Ралендона Бьорка уже с Бэрриэл на руках. Тогда дочь альва была грудным младенцем. Алексас родился четырьмя вёснами позже, но всегда, сколько себя помнил, воспринимал Бэрри как младшую – ещё одну. А та и не возражала. Их отношения могли стать смешными после смены тела, но Бэрриэл казалась немногим старше Джеми и никогда не пыталась лишить Алексаса звания защитника и советчика.

Неуютнее всего чувствовал себя Найдж. Алексас долго думал, почему они с Бэрри всё-таки сошлись и почему Герланд это позволил. Маги старились медленнее простых смертных, так что выглядел ассистент магистра молодо, но порой тринадцатилетняя разница в возрасте всё же давала о себе знать.

С другой стороны, они с Джеми тоже вряд ли производили впечатление дружной семьи, а дочери альв позволял больше, чем кому бы то ни было.

– Я верю, – произнёс Алексас как можно мягче, – что однажды нам нечего будет бояться.

– А Джеми?

Вопрос был неожиданным. Впрочем, под цепким взглядом сизых глаз Алексас честно прислушался к внутреннему голосу.

– Говорит, что полностью с тобой согласен. Сам иногда

чувствует себя каким-нибудь паршивым оборотнем или эйрдалем, которому... как ты там сказал?... а, которому придется всю жизнь скрываться от честных людей.

– Почему сразу паршивым?

Алексас прикрыл глаза: такие разговоры лучше было вести без посредника.

– А какие же они ещё? – изумлённо выпалил Джеми, перехватив контроль. – Это же нечисть. Двучленные твари, которые могут и хотят только одного – убивать.

– Откуда ты знаешь? Ты лично хоть с одним встречался?

– Эйрдали пьют наши жизни и души. Оборотни в своей жажде крови когда-то вырезали целые деревни. Мне этого достаточно. – Джеми сердито свесил ноги с кровати. – Магистр говорил «убей оборотня, как только узнал, – пока он не убил тебя». Найдж потерял отца...

– ...из-за оборотня. Я помню. – Скучаяще перебросив платье через спинку кресла, Бэрри села за стол. Потянулась за латунным гребнем для волос, ждавшим подле малахитовой шкатулки с украшениями. – Это был один оборотень, Джеми. Один ублюдок, которого наняли убить важную шишку в окружном совете. Отцу Найджа не повезло его охранять, вот и всё. На месте этого оборотня мог оказаться человек. Или колдун, как ты. – Частые зубья скользили сквозь блестящие пряди так легко, точно те были намаслены. – Не стоит судить весь род по одному представителю.

– Ты их так защищаешь, будто для тебя это личное.

Девичья ладонь, размеренно чесавшая струистый тёмный шёлк – волосы окутывали хрупкую длинную шею, узкие плечи, талию, тонкую даже в свободном домашнем платье, – замерла.

– Это и есть личное, – глядя на отражение своего лица, сказала Бэрри. – Для альвов мы такие же *паршивые твари*. Люди. Полукровки, как я. Для тех, кто верен узурпатору, *паршивые твари* – весь Венец. Найдж. Алексас. Ты. – Медленно-медленно она опустила гребень на стол: тот коснулся дерева с едва слышным стуком, тихим и мягким, как удар сердца. – С обеих сторон баррикад друг на друга смотрят с одним и тем же выражением лица. Всё зависит лишь от того, на какую из них тебя закинула судьба.

Джеми промолчал.

Родной дочери Герланда не повезло во многих отношениях. В том, что она слишком походила на альвийку, чтобы свободно разгуливать по улицам, и даже сегодняшняя вылазка в оперу являлась риском для неё. В том, что она была лишь наполовину альвом, а само существование полукровок – нонсенс, который Звёздные Люди отрицали. Ещё бы, для альвов смертные – низшая раса, ниже деревьев и животных, и признать, что иные из них готовы разделить ложе с кем-то хуже скота...

Братья Сэмперы никогда не спрашивали Герланда, кем была мать его ребёнка. Бэрри тоже. Даже Джеми хватало на это такта и понимания, что для них это не самая приятная

тема.

Задумавшись, Джеми не заметил, как названная сестра оказалась подле постели – и вздрогнул, когда тёплые бледные губы внезапно коснулись его щеки.

– Это, видимо, Алексасу за помощь? – непонимающе уточнил он.

– В том числе. – Бэрри легко выпрямилась, привалившись к столбику балдахина, и улыбнулась, но улыбка вышла не слишком весёлой. – А тебе – за всё, что ещё предстоит узнать и понять.

Джеми смущённо прижал пальцы к щеке, точно пытаясь стереть с неё тёплый след поцелуя:

– Знаешь ли...

Вторжение Герланда предварил короткий стук в дверь. Ещё одна привилегия Бэрри, которой альв не баловал Алексаса: навещающая воспитанника, Герланд не утруждал себя возней с дверной ручкой, предпочитая просто проходить сквозь дерево.

– Опера отменяется, – объявил альв с порога.

Прежде чем Бэрри отвернулась, Джеми успел заметить, как тепло исчезает из её глаз.

– В городе видели кеаров, – пояснил Герланд, когда они с дочерью оказались лицом к лицу. Так мягко, как только мог звучать голос, привыкший колоть и резать, но не уговаривать. – Обстоятельства изменились. Прости.

– Пап, – тихо сказала Бэрри.

– Риск слишком велик.

Джеми вжался в постель, страстно желая слиться с тенью от балдахина.

Что означает появление кеаров, он знал не хуже Бэрри-эл. Личные рыцари Его Величества охраняли короля и его семью, а также выполняли особые поручения коронованной особы. Нашивки кеаров носили родители Джеми, пока не погибли, исполняя свой долг. Если припомнить нехорошие предчувствия магистра и то, что в Венце завёлся предатель, появление личных рыцарей узурпатора в Камнестольном свидетельствовало лишь об одном: их берут в клещи, и покидать безопасные стены штаб-квартиры в такой ситуации – не лучшее решение.

Только попробуй объяснить это девочке, у которой эти клещи беспощадно раздавили заветную мечту и редкую возможность выбраться в большой мир.

– Пап, мы же договорились. Найдж наведёт иллюзию, чтобы меня нельзя было...

– Это не игрушки, Бэрри. Сама знаешь.

– Джеми с Алексасом постоянно выбираются в...

– Джеми – воспитанник магистра Торнори. Алексас ходит в его теле и представляется его именем. И даже им не стоило бы разгуливать под носом у кеаров. – Приблизившись, алья коснулся стеклянными пальцами опущенных ладоней дочери. – Когда наше дело увенчается успехом, сможешь бывать в «Ларве» хоть каждый день, а пока...

– И когда это будет? – девушка отступила на шаг, тряхнув руками брезгливо, точно намочившая лапы кошка. – Когда мне хоть что-то будет можно? Пока одни только «нельзя». «Тебе нельзя в оперу, Бэрри». «Тебе нельзя на совет, Бэрри». «Тебе нельзя лезть в дела сообщества, Бэрри». Почему?

Люстра тревожно мигнула – магический огонёк в ней засиял ярче, почти слепяще. Кудряшки Джеми взъерошил сквозняк, взяться которому было решительно неоткуда.

Начинается, тоскливо подумал Джеми, слыша, как жалобно трещат резные столбики, державшие бархатный полог.

– Ты не даёшь мне помогать тебе, ничего не рассказываешь, держишь в стороне от всего! Я просто сижу здесь затворницей, почему?! Почему Алексасу с Джеми можно, хотя они младше, а мне нет? Потому что у них между ног есть то, чем меня обделили?

– Бэрри...

К чему всё идёт, Джеми понял давно: наблюдать за истериками названной сестры, как и за их последствиями, ему было не впервой. Так что он призвал магический щит как раз вовремя, чтобы деревянные щепки, которыми брызнул ближайший столб, не воткнулись ему в лицо.

Чего он не учёл, так это того, что на голову ему рухнет лишившийся опоры балдахин.

Когда Джеми кое-как выпутался из-под пыльного бархата, Бэрри смотрела на него. На дне её зрачков сияло звёздное серебро – в глазах полукровок оно проявлялось, лишь если

те использовали стихийную магию, разлитую в крови Ска-
зочного Народа.

– Уйди, – не глядя на маловажную помеху семейному раз-
говору, процедил Герланд.

Джеми послушался как никогда охотно.

– Ещё легко отделались. Хотя не исключаю, что в про-
должение беседы она снова подпалит шкаф. Или зеркало до-
бьёт, – резюмировал Алексас, когда из коридора они безот-
лагательно нырнули в дом магистра Торнори. – Вернись в
спальню, будь добр.

Джеми уныло кивнул, пытаясь сориентироваться, куда
именно их закинули чары. Оpozнав коридор первого этажа,
побрёл к лестнице.

– Стало быть, магистр рассказал Герланду, – продолжил
Алексас, пока Джеми переставлял длинные ноги по узким
каменным ступенькам, изгибавшимся винтом. – О своих
предчувствиях.

– Думаешь?

– Если бы в городе действительно объявились кеары, мы
бы уже были не здесь, как и Бэрри. Зеркальный проход у
фехтовального зала не просто так сделали, – устало напо-
минил брат. – Нас бы первыми отправили подальше от капкана
дорогого узурпатора.

– Герланд... солгал?

– Как будто ему впервой.

Джеми медлил с ответом до самой спальни.

– Но магистр... может ошибаться, – мучительно признал он, когда они с братом оказались за надёжным пристанищем закрытой двери.

– Контроль верни. – Раздражённо стряхнув пыль с рубашки, Алексас подошёл к платяному шкафу. Тот был немногим меньше гардероба сестры – и без всяких подпалин. – Герланд не подставит Бэрри под удар, даже если тот лишь возможен. Но излишне паниковать и отсылать её в Адамант он тоже не будет. Бросить штаб-квартиру на произвол судьбы Герланд не может, и у него под боком Бэрри в большей безопасности.

– Потому ей и не дают участвовать в делах сообщества? Для её же безопасности? – глазами, подчинявшимися не ему, Джеми следил, как брат придиричиво раздвигает вешалки в поисках сменной рубашки. – А почему тебе в таком случае не сказали безвылазно сидеть дома?

– Ею он дорожит больше, чем мной.

Слова прозвучали без зависти, без злости. Простой констатацией факта. Злиться на этот факт Алексас перестал давным-давно. Или, может, ему казалось, что перестал: обмануть себя куда проще других.

В одном Алексас себя не обманывал – насчёт причины, по которой он так рано и так рьяно начал рваться на задания. В надежде увидеть в лице Герланда одобрение, которое однажды сменит нечто большее. Нечто, похожее на то, что проявлялось в его глазах, когда он смотрел на дочь.

Глупая, глупая Бэрри...

– Тебе, братишка, не помешало бы искать встреч не только с девушками из печатных строчек, – сказал Алексас, даже не пытаясь сменить тему более изящно. – Я в шестнадцать лет не стал бы краснеть лишь потому, что названная сестра чмокнула меня в щёку.

– При чём тут это?

– При том, что я с ужасом думаю о твоей первой брачной ночи. Без боя супружеский долг ты точно не отдашь.

– Смейся-смейся, – буркнул Джеми. – Вот дорасту до магистра, найду способ дать тебе другое тело, разберусь с узурпатором и...

– И?

– И стану паладином!

Хохот Алексаса долго звенел под потолком, отражаясь от ажурного плафона металлической люстры.

– Что, прямо как твой любимый Рикон? – вымолвил Алексас, когда смог перевести дух. Он наконец выдернул из шкафа свежую рубашку из чёрного флеона – знаменитая цвергская ткань была гладкой, как шёлк, но плотнее и куда практичнее. – Работёнка как раз для тебя, не спорю. Одна маленькая деталь: паладины уже двести лет как перевелись.

– Орден – формальность! Паладином можно и нужно быть по сути, а не по званию, и я буду! Буду странствовать по Долине, и благодарные люди дадут мне кров! Буду очищать Аллигран от нечисти, от гнусных эйрдалей и мерзких оборотней, что прячутся под масками добропорядочных господ, бу-

ду спасти дев, попавших в беду, и...

– Попадись мне этот твой Джорданесс!.. – Алексас тоскливо бросил рубашку на кровать. – А дальше ты с этими девами что будешь делать? Ты ведь обет безбрачия дашь, не забывай.

– Это только для тебя любовь от постели неотделима! Ты и сейчас выражаешься, потому что опять на балконный штурм собрался, не отрицай!

– И не думал. Завтра вечером уже совет, мне может быть немного не до того.

– А вот Рикон в «Правилах» любил свою Лайю, но любовью чистой и...

– Да-да, – скептически улыбнувшись, Алексас изобразил ладонью нечто похожее на смыкающиеся челюсти. – По-взрослеешь, поймёшь.

– Если это значит стать таким, как ты, я лучше не буду взрослеть.

– Знаешь, порой мне кажется, что тебе всё ещё семь.

Джеми обиделся и замолчал.

Надолго, впрочем, его не хватило.

– Сюда-то тебе снова зачем? – не вытерпел он, когда Алексас, прихорошившись, вновь переместился в штаб-квартиру.

– Шейный платок утром в тренировочном зале забыл, – невозмутимо откликнулся тот, оглашая шагами широкий гулкий коридор: в отличие от обителю магистрата, здесь стены без окон отделали деревянными панелями.

– У тебя в шкафу ещё десять штук.

– Тот лучше подходит к зелёной куртке.

Джеми только фыркнул.

У лестницы, разбегавшейся пролётами выше и ниже, Алексас приостановился, чтобы привычно склонить голову перед королевским семейством. Последний портрет Бьорков висел здесь, неустанно напоминая обитателям дома, за что они борются. Его написали уже после свадьбы принцессы, так что на картине юная и счастливая Ленмариэль Бьорк стояла между мужем и отцом; забавно, но в тонких девичьи чертах прослеживалось куда больше общего с королём, чем с королевой. Ленмариэль гордо вскинула голову, увенчанную серебряным венцом наследницы трона, её руку держал муж – Тариш Морли, последний княжич старой династии, до восстания правившей Заречной. Белокурый принц-консорт дивно смотрелся подле темноволосой и темноглазой принцессы: день и ночь, свет и тьма, две контрастные части неразделимого целого.

Алексас смутно помнил обоих. От короля и королевы его отделяла длинная дистанция придворных церемоний, барьер, неумолимо встававший между взрослыми и детьми, монархами и слугами – важными, особенными, исключительными, но всё же слугами. Те, кому лишь предстояло однажды наследовать трон, существовали куда ближе к маленькому Алексасу Сэмперу. Ленмариэль осталась в памяти облаком цветочных духов, изящными нервными пальцами, ка-

рамельной сладостью – принцесса любила угощать конфетами милого сынишку папиных кеаров. Тариш – звонким смехом, твёрдой рукой на макушке, серебристым взглядом, где светилось то же обещание, что принц дал ему вслух: *«Ты станешь славным рыцарем, мальчик»*.

Их не разделила даже смерть. В новое перерождение Лени-мариэль и Тариш отправились в один и тот же час, в одну и ту же ночь, выкрасившую багрянцем коридоры королевского дворца.

Когда писался этот портрет, едва ли кто-то из светлейшего семейства знал, что пару месяцев спустя никого из них уже не будет в живых.

– Алексас...

– М?

– То, что говорят про последних Бьорков... это ведь неправда?

Когда Алексас отвернулся от портрета, ресницы его слегка дрожали.

– Естественно, это ложь, – сказал старший из братьев Сэмперов, продолжив путь к залу, где он столько раз получал синяки, что и самый педантичный педант сбился бы со счёта. – Король Ралендон был хорошим правителем и прекрасным человеком, повинным лишь в том, что слишком доверял своему Первому Советнику. Бьорки должны сидеть на престоле. Им даровал корону сам Ликбер Великий, от него они ведут свой род, а Ликбер был ниспослан нам Богиней, в

этом нет сомнений. Власть Бьорков определена нам свыше. Что за странные вопросы?

– Да я и сам всё это знаю, но... – Джеми неловко закашлялся, – конечно, я ненавижу Шейлиреара, но... иногда я сомневаюсь, что «Тёмный венец»... что мы, то, что мы делаем... что это правильно.

– Не сомневайся. Мы на правой стороне.

– Просто Бэрри сказала... а, ладно, ты прав. Лезут в голову глупости всякие. – Брат вздохнул. – Иди уже на свой штурм.

– Благодарю. Без твоего великодушного разрешения никак не осмелился бы.

– Вот отберу контроль в самый неподходящий момент, будешь знать, насколько я в самом деле великодушен.

Проходя мимо зеркала в тяжёлой дубовой раме, ждавшего своего часа у входа в фехтовальный зал – часа, которому лучше было никогда не наступать, – Алексас не стал смотреть, как то отражает его улыбку. Джеми мог чувствовать, как растягиваются их общие губы, но серебряное стекло издевательски честно явило бы скрытую в этом горечь.

В конце концов, Джеми ещё слишком юн, чтобы понимать: в жизни всё далеко не так однозначно, как в книжках. И слишком хороший, чтобы успешно преодолевать обострённое чувство справедливости ради общего блага.

Глава четвёртая

Тайны и истины

Дэй простился с Ташей у ворот приграничного трактира, рассыпавшись в благодарностях и отсыпавшись горстью медаков.

– Мне было нетрудно, святой отец. – Держа Принца под уздцы, Таша склонила голову. Небо над ними уже густело летними сумерками. – Удачи вам с вашим делом.

– Как и вам... с вашим. – Дэй поднял ладонь в благословляющем жесте. – Да хранит вас Богиня, Фаргори-лэн.

Таша, сглотнув, кивнула – отогнав смутное ощущение, что ему точно известно, что за *дело* ей предстоит. Ступив за деревянные ворота, направилась к конюшне, оставляя дэя за спиной.

Поначалу угрюмый бородатый конюх, рассёдывавший Принца, не особо радовался неожиданной гостье в своей вот-

чине. Но Таша, придерживая коня, с такой лстивой беззаботностью болтала о лошадях, трудностях работы конюха и как превосходно её собеседник с этой работой справляется, что вскоре в бороде его помалу проявился намёк на улыбку.

– Хотела спросить, – заметив это, Таша рискнула заговорить о главном, – вы не видели троих...

...это походило на поцелуй холодного ветра, на рывок нитки, привязанной к руке. Просто что-то вдруг заставило Ташу обернуться – и встретить взгляд серых, светлых, внимательных глаз.

На смуглой щеке их обладателя белели три полосы рваного шрама.

Она замерла, чувствуя себя птицей, застывшей в вершке от силка, но убийца её матери просто скользнул по ней равнодушными глазами. Мельком посмотрев на Принца и конюха, он продолжил путь мимо открытых дверей конюшни. Двое наёмников – один длинный, как жердь, другой приземистый, но оба в не слишком уместных летом кожаных куртках – следовали за ним на почтительном и слегка опасливом расстоянии.

Он не приглядывался к ней. Он даже не остановился. Просто для Таши то мгновение, на которое они встретились взглядами, растянулось в вечность.

– ...троих кого?

Удивлённый голос конюха вывел Ташу из оцепенения – очень вовремя.

Попрощавшись мелкой монеткой и торопливой благодарностью, она выскочила из конюшни – как раз вовремя, чтобы увидеть, как все трое скрываются за дверью таверны. Поесть решили, стало быть... а Лив наверняка в комнате оставили, чтобы лишнее внимание не привлекать...

...неужели догнала, неужели – шанс? Так быстро, так просто...

Удержаться от того, чтобы не побежать в трактир вприпрыжку, стоило Таше немалых усилий: ей привлекать лишнее внимание тоже было ни к чему.

За комнату она расплатилась деньгами, полученными от дэя. Почти вырвав ключ из рук хозяйки, торопливо шмыгнула по длинному коридору в поисках нужной двери. Смешно, но до этого момента Таша так и не задумалась, что будет делать, когда погоня подойдёт к концу; лишь сейчас на ум пришла одна импровизация, и оставалось надеяться, что она сработает.

Прикрыв за собой дверь, Таша швырнула сумку на кровать. Распахнув окно, скинула плащ и платье. Опустилась на колени.

Сосредоточилась.

Три удара сердца...

...мир человека и мир зверя были разными реальностями. Для зверя видимое, так важное для людей, почти утрачивало значение – куда весомее становились звуки и ароматы. След служанки, прибиравшейся в комнате, висел в воз-

духе блеклой розовой дымкой. Запахи коридора, оставшиеся за дверью, пёстрыми линиями вползали в щели косяка. Шорох мышиных лапок под кроватью слышался в другой тональности, нежели ржание лошадей, быстрые шаги прислуги звучали парой октав выше басовитого шлёпанья конюха...

...Таша, возьми себя в руки.

Маленькая белая кошка когтистой лапой поддела дверь, которую Таша предусмотрительно оставила прикрытой, и выскользнула в пустой коридор. Вихрь запахов обрушился на нос, швырнув её в пёструю пучину ароматов – разделить их на отдельные потоки далось не без труда. Много людей, очень много... Иные запахи Ташу порядком удивили: например, две туманные дорожки, песочная и голубая, сладкие и гнилостные, как тлеющие цветы. Таша знала запахи всех жителей Прадмунта, она видела запахи людей, оборотней, колдунов, и никогда – даже отдалённо похожие на эти.

Хотя куда больше её заинтересовал до боли знакомый сиренево-золотистый облачный след.

Таша боялась, что придётся бежать до самой лестницы наверх (здесь её построили в конце коридора, а не в холле), но след привёл к запертой двери на первом этаже. Мысленно возблагодарив Богиню – высота сильно усложнила бы дело, – она скользнула обратно, считая комнаты. Вернувшись в свою, лапой прикрыла дверь; вспрыгнув на подоконник, выскочила на задний двор.

Пробежавшись по широкой полосе утоптанной земли

между зданием трактира и сарайчиками, надёжно отделявшими двор от улицы, Таша отсчитала пять окон – и, вскарабкавшись на карниз шестого, влезла в открытую форточку.

Цветочное облако золотистой сирени сияло на одной из кроватей, окружая детскую фигурку, безучастно лежавшую на спине. Вокруг клубились другие запахи – грязно-синяя полоса, жирная болотно-зелёная линия. К следам наёмников примешивались полутона старой кожи, потные разводы, хмельные спирали... и острый, перебивающий все остальные отзвук страха. Такого, что шерсть на загривке дыбилась. Третьего следа – главаря – в комнате не нашлось; это казалось странным, но, видимо, он по каким-то причинам не стал заходить внутрь.

Впрочем, главное, что от всех врагов рядом с Лив остались только запахи.

Спрыгнув на пол, белая кошка подбежала к двери, чтобы возле неё выпрямилась уже девушка.

Комнату заперли на ключ. Ожидаемо. Лив тихо посапывала на постели – бледная, с синяками на осунувшемся личике – и не проснулась ни от оклика, ни от касания. Даже когда Таша легонько потрясла её за плечо. Проклятье... Шерон сказал, Лив шла с похитителями по доброй воле; значит, без магии дело не обошлось. Таша слишком хорошо знала сестру – сама бы та борьбу не прекратила ни за что.

Что они с тобой сделали, стрекоза, отчаянно думала она, распахивая окно.

В коридоре послышались шаги. Таша не знала, чьи, но узнавать не хотела. Подхватив сестру дрожащими руками, кое-как вскарабкалась на подоконник – голову кружила нервная лихорадка. Лив немилосердно трясло, но сестра даже не подумала открыть глаза. Хорошо, теперь осторожно спрыгнуть наземь...

На заднем дворе по-прежнему не было ни души, и прогулку Таши в несколько экстравагантном виде (не каждый день можно увидеть обнажённую девушку на улице среди бела дня) никто не лицезрел.

В комнате она задержалась не дольше, чем необходимо, чтобы натянуть одежду и оставить ключ на тумбочке. Трак-тир снова пришлось покидать через окно, и, пробираясь к конюшне со спящей Лив на руках, Таша чувствовала, как больно бьёт её по бедру враз потяжелевшая сумка. Когда враги вернутся из таверны? Если ей удастся вывести Принца и уехать незаметно... конь устал, конечно, но далеко скакать не придётся: только бы обратно до Потанми дотянуть, а тамошние жители наверняка дадут им приют.

А вот дальше...

Завернув за угол, Таша на всём ходу врезалась в кого-то. Едва не уронив Лив, она подняла испуганные глаза, но то были не наёмники.

– Простите, – пробормотала Таша под внимательными взглядами молодых людей в модных бархатных куртках и отступила на шаг, перехватывая сестру поудобнее. – Простите,

Я...

– От кого бежишь, милая? – тот, в которого она врезалась, склонил голову набок. – Может, мы чем поможем?

Их было двое. Вьющиеся волосы, бледные, красивые до одурения лица... и запахи. Те самые сладкие, нечеловеческие запахи тлеющих цветов.

– Твоя сестрёнка? – в голосе незнакомца таял солнечный мёд очарования, от него щемило сердце и сладко ныло под ложечкой. – Что с ней? Ей плохо?

– Не бойся, – его друг склонился ближе, обдав Ташу фиалковым дыханием; льдистые глаза, синие и яркие, как витражное стекло, оказались прямо напротив её собственных. – Мы не обидим вас. Не знаю, кто тебя так напугал, но мы сможем вас защитить.

Таша крепче прижала к себе Лив.

– Мне не нужна...

– Помощь? Ещё как нужна, – сказал первый. Рыжий и зеленоглазый, он почти ничем не походил на темноволосого приятеля, но глаза его были такими же яркими – словно бутылочное донышко, обточенное речной водой. – На тебе лица нет, девочка. Может, проводим тебя в нашу комнату, и ты расскажешь, что случилось?

– Просто... дайте пройти, – её голос прозвучал отвратительно жалобно. – Пожалуйста.

Они лишь смотрели, улыбаясь, надёжно перекрыв узкий проход между стенкой конюшни и зданием трактира. Поче-

му они кажутся такими невозможно красивыми, если черты их далеки от картинной правильности? Крючковатый нос у одного, слишком тяжёлый подбородок и узкие губы у другого... Что-то внутри кричало, что надо бежать, бежать от них со всех ног – наверное, Ташина внутренняя кошка, у которой дыбилась шерсть на загривке от одной тени их запахов; но их улыбки были такими сочувственными, взгляды – такими участливыми, что ноги отказывались двигаться, и губы сами размыкались, желая рассказать, желая попросить...

– ...Таша!

Звучание собственного имени заставило её вздрогнуть.

Того, кто ждал её за спинами незнакомцев, Таша увидела одновременно с тем, как они обернулись.

– А я-то думаю, куда вы пропали, – сказал дэй. – Иди сюда.

Он стоял у дверей конюшни, держа Принца под уздцы. Так спокойно и уверенно, будто и правда давно ждал её.

Если б не тлеющие цветы, Таша вряд ли бы сделала то, что сделала. Но тошнотворный, ужасающий аромат подстегнул её пройти мимо незнакомцев, безмолвно расступившихся, и подойти к дэю, недоверчиво вглядываясь в его лицо.

– Святой отец?..

– А разве не похож?

Он тоже говорил шёпотом. Только куда более ироничным.

– Что вы...

– Хотите спасти сестру? Тогда времени на объяснения нет.

Наёмники обнаружат пропажу очень скоро.

Таша лишь потрясённо глотнула губами воздух. Не понимая, откуда он знает то, что знает, как вывел Принца без её ведома, почему оказался здесь так вовремя, — и не будет ли безопаснее вернуться к тем двоим, что остались у неё за спиной, чьи запахи так и кричали «опасность».

Самые смертоносные хищники — отнюдь не те, которые заметны издалека.

— Таша, вы должны... я прошу вас... довериться мне.

Глядя в тёплый серый свет в его глазах, она нервно переступила с одной дрожащей ноги на другую. Покосилась на трактирный двор, где в любую секунду могли показаться знакомые наёмники, которым наскучило набивать брюхо выпивкой и едой.

...хотя, если подумать, так ли важно, откуда дёю известно о её беде? Важно то, что он хочет помочь. Будь он заодно с наёмниками, уж точно не стал бы помогать Таше уехать подальше от них. Да и не может, просто не может человек с такими глазами желать тебе зла.

И, учитывая, что помощь им с Лив ой как пригодится...

Прочтя немой ответ в её лице, дэй без лишних слов вспрыгнул на коня.

Принц покорно стоял на месте, пока Таша усаживала безвольную Лив перед седлом. Сама она снова устроилась сзади, сомкнув пальцы на чёрном шёлке; когда дэй, держа перед собой спящую девочку, подстегнул коня лёгким толчком в бок, тот устало потрусил к плетню.

– Втроём мы далеко не уедем, – пробормотала Таша, пока они, выехав в услужливо открытые ворота, двигались мимо рыночных ларьков. – Принц...

– Далеко и не надо. С наступлением темноты сделаем привал.

– Если только... э, святой отец, нам к другим воротам! Там же выезд в Заречную!

– Именно.

– Но я хотела отправиться...

– Фаргори-лэн, вы всерьёз полагаете, что сейчас можете так просто вернуться домой?

В голосе дэя скрывалась насмешка, и Таша, промолчав, опустила глаза.

Об этом задуматься она тоже не успела.

– Не будем радовать ваших врагов предсказуемостью, Фаргори-лэн. Когда похитители не найдут вашу сестру там, где оставили, они кинутся в погоню. Втроём на выдохшемся коне мы от них не уйдём.

– Я думала...

– Спрятаться в Потанми тоже не выйдет. Ни там, ни в других придорожных селениях. Это не те люди, которых остановит кучка крестьян... Откройте ворота, будьте любезны, – бросил он привратнику, что послушно выскочил из будки.

– И что вы предлагаете? – осведомилась Таша, пока Принц неохотно рысил по тракту прочь от Приграничного.

– Провести ночь в Криволесье.

Таша уставилась на лесную полосу, что зловеще темнела на горизонте справа от них; от тракта её отделяла широкая полоса лугов, заросших клевером и жёлтыми маками.

Криволесье. Ещё одна из Ложных Земель.

– Святой отец, вы спятили?

– Не думаю.

– Это же Ложные Земли! Ночью туда даже нечисть не заходит!

– Самого леса нам бояться не стоит. А вот нечисть и прочие неприятные представители рода нечеловеческого туда, увы, порой всё-таки заглядывают... но этой ночью вас никто не тронет.

– С какой стати? По доброте душевной?

– Вот видите. Если вы так думаете, ваши преследователи рассудят так же. Но со мной вы в безопасности.

– Хотите сказать, вы защитите нас от нечисти? – Таша обратила скептический взгляд на меч, который дэй снова приторочил к седлу. – Простите, если разочарую, святой отец, но...

– Фаргори-лэн, кажется, мы договорились, что вы мне верите?

Вопрос был риторическим – и заставил Ташу сердито фыркнуть.

Какое безумие на неё нашло? Как она могла с ним куда-то поехать? Сейчас он их с Лив в этом самом Криволесье и... нет, тихо, Таша, тихо. Будь дэй заодно с наёмниками, ему

достаточно было не пустить тебя на коня. Потянуть время, пока подельники не вернутся из таверны, а то и подать им сигнал, чтобы вернулись поскорее. И уж точно не следовало услужливо выводить Принца из конюшни, попутно отгоняя от тебя неких подозрительных молодых людей.

Только вот его собственной подозрительности это ничуть не отменяло.

Принц свернул с тракта, и среди маков свилась золотистая ленточка пыльной дороги: она бежала навстречу лесу и багряному зареву, оставшемуся от солнца, что уползло за стену далёких гор.

Ладно, подумала Таша, пока Криволесье, приближавшееся с каждым перестуком копыт, распахивало гостеприимные могильные объятия. Яблоки по осени собирают. Увидим.

Если что, без боя я не сдамся.

* * *

– Малой в комнате нет, – доложил Хэмил, подсаживаясь обратно за стол: длинное сухощавое тело наёмника согнулось, как складная линейка.

Он откинулся на спинку стула, ответив только кивком. В отличие от тех, кто сидел с ним за одним столом, он не пил, но удовлетворение разлилось в крови куда лучше дрянного вина, что подавали здесь к ужину.

Рыбка подцепила наживку. Как и ожидалось.

– И что теперь? – спросил Дэйв, попыхивая самокруткой. Табак слегка вонял болотом, вплетаясь в пестрядь запахов, окутавших просторный зал и пропитавших бревенчатые стены и столы из доброго крепкого дуба. – Обоз?

– Обоз, – коротко подтвердил он. – А потом отправляетесь в Пвилл.

Сам он не пил, но слишком хорошо читал лица собеседников, чтобы понять – даже такой нетребовательной публике, как его наёмники, вино сгодилося лишь чтобы залить им острую свиную рульку. Рульку в Равнинной всегда готовили отменно, но откуда в Приграничном взяться приличной выпивке.

Он встретил взгляд Хэмила: просто чтобы увидеть, как тот отводит глаза. Бородач Дэйв был у наёмников главным, но пересекаться взглядами с ним тоже не рискнул. Чутьё хищников работало слишком хорошо, чтобы не распознать хищника куда матёрей.

Найти их было не так сложно, но и не легко. Не каждый согласится без лишних вопросов похитить ребёнка. Убить оборотня – уже проще, но не в его собственном доме. Впрочем, выбором он был доволен, пусть та, что теперь спала под своими яблонями, и заслуживала лучшей смерти.

В других обстоятельствах он бы казнил её сам. Быстро, без боли.

– И что нам, просто в Пвилле сидеть и ждать, пока вяз грушами разродится? – смущение и страх Хэмил привычно

спрятал за нахрапом и злостью. – С чего вы, драть, вообще взяли, что девки туда намылятся?

– С того же, с чего взял, что эта фитюлька кудрявая сумеет нас нагнать, – так добродушно, как только может звучать голос законченного головореза, проговорил Дэйв. – И сестру вытащить.

– Если б мы, драть, не хотели, дырн бы она её вытащила.

Он почти не слушал, глядя на лица за соседними столами. Сытые, пьяные, разморенные едой, вином и дорогой. Кто-то из них, наверное, ехал тем обозом, за которым теперь увяжется его наёмная парочка.

В том, что ехать им осталось недолго, он не сомневался. Дородный Дэйв дымил, как сырой костёр, долговязый Хэмил не мог произнести и фразы без того, чтобы не ругнуться, но дело своё они знали.

– Пвилл так Пвилл, – не дождавшись ответа, сказал Дэйв. – На месте посидеть нетрудно. Особливо после такого пути.

– Мы б, драть, за это время могли ещё пару дел проверить, – заявил Хэмил, ёрзая по своей кожанке, которую он постелил на скамью. – Будем, драть, штаны без толку протирать, денег в кошельках больше не станет.

– О деньгах не беспокойтесь. За каждый день, проведённый там, получите больше, чем сможете потратить, обещаю. – Когда он встал, с губ его сорвался смешок. От него не укрылось, что руки Хэмила, оголённые задранной рука-

вом рубашки, при этом пошли гусиной кожей. – Мне пора. Приду, как закончите с обозом.

– Весточку кинуть, что мы закончили? – понимающе уточнил Дэйв.

– Не беспокойтесь. Об этом я узнаю без вашей помощи.

Проходя под луковыми венками, свисавшими с балок под потолком, он улыбался.

Хороший день. День, когда они подобрались друг к другу так близко, что даже встретились взглядами. Не его вина, что взглядами дело и ограничилось: иначе всё могло закончиться, так толком и не начавшись.

Впрочем, это – как и многое другое – ему только на руку.

На другом конце двора конюх, всё ещё соображавший, с чего он без вопросов отдал незнакомому дэю чужого коня, хмуро посмотрел, как открывается и закрывается дверь таверны. Дверь, из которой так никто и не вышел: словно тот, кто перешагивал порог, растаял в воздухе, как только сидевшие в зале потеряли его из виду.

* * *

– Святой отец, может, всё-таки соизволите ответить на пару моих вопросов, не заподозрив меня в недоверии?

Спёртый воздух Криволесья, казалось, забродил. Он пах палыми листьями, сырой землёй и – почему-то – сладким душком гниющих яблок. Дорога узким туннелем пролегла

меж стволов, гладких, словно шлифованный мрамор, отвесно уходивших в небо. Где-то наверху стволы распушались ветками, смыкая кроны сплошным листовым пологом, и вокруг царил неестественный для сумерек мрак. В стороне от дороги прела листва, но сама дорога была абсолютно чиста, как и тропки, редкими ниточками уползавшие от неё в чащу.

Что дорога, что тропинки – они были какими-то... ненастоящими. Будто их добавили в лес в последний миг, на скорую руку чиркнув пыльные полосы. Забыв о том, что протаптывать их некому, а тропы могут покрыть мхи и засыпать листва.

– Задавайте свои вопросы. – Дэй бережно удерживал Лив, держась в седле слишком уверенно для простого священнослужителя. – Может, я отвечу.

Вначале Таша планировала придержать вопросы до привала, но некоторые вещи стоило прояснить поскорее.

– Вы чтец сознаний, да? Слышите мои мысли?

– Было бы глупо отрицать.

Действительно: только эта догадка объясняла всё.

Так он *правда* знал, о чём она думает...

– Сильный?

– Скажем, недурной.

Понятно. Сильный.

– А я, случаем, не отрываю вас от некоего дела в трактире Приграничного?

– Вы и ваша сестра были моим единственным делом.

– Вы же говорили...

– Когда на меня напали волки, я уже возвращался из Заречной. Собирался подлечиться и продолжить путь в родную деревню. Но потом услышал ваш разговор с мальчиком-конюхом и решил помочь.

– И после этого вы требуете, чтобы я вам доверяла? Да вы с ходу меня обманули!

– «Провинность есть в моём деянии, но не преступление».

Что возразить на цитату из Священного Писания, Таша не нашла.

– Может, не стоит? – лишь осторожно заметила она, когда дэй направил Принца на одну из тропок, уводивших в чащу.

– Место для ночлега лучше искать подальше от большой дороги.

– Большая дорога? – Таша с сомнением оглянулась, но не стала развивать мысль. – А вы действительно сможете защитить нас от... неприятных представителей рода нечеловеческого? Против нечисти простой клинок не поможет.

– Я знаю.

– Так ваш меч посеребрённый?

– Нет.

– Тогда, осмелюсь предположить, вы с ними магией разберётесь.

– К сожалению, не могу сотворить и простейшего заклятия. Даже свечу зажечь.

Это Ташу удивило: прежде она не слышала о чтецах-немагах. Чтение мыслей было разновидностью особого Дара, что давался каждому волшебнику вкупе с умением творить заклинания. Кто-то заставлял предметы летать, кто-то отличался сверхъестественным везением, а кто-то слышал, о чём думают окружающие.

С другой стороны, маги всегда неохотно раскрывали свои секреты – а чтец, даже не способный колдовать, оставался магом.

– И как же...

– Увидите. – Дэй осадил Принца. – Что скажете?

– О чём?

– Об этой полянке.

– Была бы милой, если убрать окружающее Криволесье, – сказала Таша честно.

Полянка, к которой привела тут же оборвавшаяся тропка, действительно была милой: ровный круг пушистого мха, окружённый шестью древесными стволами. Ни папоротников, ни листвы, лишь в самой серёдке чернеет след от давнего костра. На таких любят танцевать феи... если верить рисункам из книг сказок.

– Стало быть, здесь и остановимся.

Таша покорно соскользнула наземь. Скинув плащ, она подхватила Лив, чтобы уложить сестру на плотный бархат; дэй тоже спешил и, прихрамывая, подвёл Принца к кострищу.

Когда он, отстегнув от седла ножны с мечом, взялся за потёртую кожаную рукоять, Таша ожидала зловещего металлического скрежета, но клинок выскользнул разочаровывающе беззвучно.

– А говорили, что не маг, – сказала Таша, пока дэй, отмерив пять широких шагов, очерчивал просторный защитный круг.

– Это не магия.

– Разве нам может помочь что-то кроме магии?

– Да. – Лезвие меча, прорезая зелёный мох, сияло во тьме лёгким золотистым светом. – Самое обыкновенное чудо.

– Хотите сказать, чудеса и магия – разные вещи?

– Когда магия становится обыденностью, да. – Замкнув круг так, чтобы Таша оказалась ровно посередине, дэй вернулся в центр. Воткнув меч в землю, он извлёк из недр объёмистой сумки шерстяной плащ. – Поберегите свой, наземь лучше постелите этот.

Таша послушно взяла из его рук отрез колючей чёрной ткани.

– Судя по тому, что меч у вас светится – если он и не посеребрён, то явно не прост. – *Как и хозяин*, добавила она в уме.

– Не прост, – кратко подтвердил дэй. – Будьте здесь.

– А вы куда?

– Хворост для костра нам не помешает.

– И как вы вернётесь в круг? Или он пропускает своего

создателя?

– Защитный круг, в котором мы с вами стоим – магия столь древняя, что уже перестала быть магией. Ему не нужно заклятий. Необходима лишь чуточка веры.

– Веры?..

– Как вы знаете, некогда нежить и нечисть приходила только туда, куда их приглашали. В противном случае они просто не могли переступить порог дома.

– Но это же сказки, старые легенды! Те же эйрдали...

– Тш, – дэй приложил палец к губам. – Здесь слова материальны, помните.

– ...я читала о них, и им плевать, приглашали их в дом или нет! Они просто приходят и всё!

– Они приходят, потому что люди перестали верить в то, что они не смогут прийти.

– А раньше, значит, верили? Просто верили, и вера спасала их от нечисти?

– Сказки ведь не на пустом месте возникли, Фаргори-лэн. Раньше люди многое принимали за должное. Просто верили в какие-то вещи, не докапываясь до причин, следствий и обоснований. Нечисть тоже. И потому раньше мир был куда... безопаснее. – Дэй коснулся рукояти меча, пронзавшего мох кончиком золотистого лезвия. – Наш круг – это наш дом. Никакая нежить, нечисть и просто люди с недобрыми намерениями не войдут в него без моего приглашения. Этой ночью вы можете спать спокойно.

Таша хмуро следила, как он отворачивается, чтобы широким шагом пересечь границу круга.

– Вы меч забыли, – сказала она.

– Не забыл. Вы же не любите темноту, верно?

Лесной мрак поглотил его за пару мгновений.

Таша посмотрела на клинок, узкой золотой полоской разгонявший тьму. Расстелив плащ дэя рядом с кострищем, переложила на него Лив; закуталась в свой, бархатный, и села на траву, тоскливо обхватив руками колени.

Её взаимоотношения с верой были... специфичными. Она послушно постилась и исповедовалась каждый шестой день месяца (попробовала бы не исповедоваться, пастырь мигом заинтересовался бы, что она скрывает). Слушала проповеди о Пресветлой Богине Льос. Не поминала к ночи имя Лукавой Богини Мирк, сестры Льос, обитавшей в Бездне и повелевавшей сонмом злобных дамнаров. Почитала заповеди Кристалли Чудотворной, ниспосланной некогда Пресветлой в их грешную Долину. Надеялась, что после смерти душа её отправится не в Бездну, а в лучший мир – или обратно сюда, в Аллигран, искупать незначительные грехи в новом перерождении. Да только мама тоже соблюдала все внешние приличия – всегда, – пусть даже за внешним полностью отсутствовало внутреннее. А Таша никогда не смогла бы исповедаться в тех сомнениях, по поводу которых ей и правда хотелось бы услышать совет – или ответ; сомнениях, большую часть которых выразила одна-единственная мамина фраза.

Как-то раз Мариэль обронила: «Она утратила мою веру в Неё».

Как-то раз Таша поняла, почему.

Из этих причин, не считая некоторых прочих, логичным образом вытекало то, что Таша не слишком хорошо относилась к священнослужителям. Но Арон... он был каким-то другим.

Таша отвела прядь волос с лица сестры. Поёжилась, с прищуром всматриваясь в темноту. Вместе с дэем ушло всё её спокойствие: до того за границами круга была просто тьма вечернего леса, но сейчас тьма стала *ощутимой*. Обволакивающей, густой, как кисель. Далёкие кроны тонули в однородной сизой мгле, сквозь которую не пробивался ни свет лун, ни звёздное сияние. Деревья вокруг полянки сливались в чёрные стены, отвесно уходившие в небо.

Таше вдруг пришло в голову, что Арон вполне может не вернуться. И что делать тогда, она не знала. Хотя ещё вопрос, что хуже... В конце концов, неизвестно, что он намеревается делать с нею и с Лив.

В тот миг, когда Таша поняла, что вряд ли вместе с ними дэй бросит свой меч, она поняла и другое: она ждёт его возвращения. Надеется на него. Очень.

Очень, очень глупо.

Досадливо тряхнув головой, Таша подтянула к себе сумку.

Понять бы ещё, почему ты безоговорочно доверяешь свою

жизнь незнакоmu, думала она, на ощупь разгребая немногочисленный скарб. Может, он вообще сам нечисть вроде эйрдалей... или оборотней. Таше как «порождению Мирк» тоже положено было очаровывать простых смертных, но она до этого не доросла и надеялась никогда не дорасти. Не хотела вечно сомневаться, привязался кто-то к тебе или к магии в твоей крови. Хотя привязаться к оборотню – ещё полбеда, а вот эйрдали... Никто не знал, как они появились или кто сделал их такими, но факт оставался фактом: эйрдали рождались без души. Поэтому им требовалось поглощать чужие. Их поцелуй забирал у тебя жизнь и душу; лишь насытившись ворованной силой, телесной и духовной, эйрдали чувствовали себя живыми, чувствовали хоть что-то – недолго. Прежде чем снова отправиться на охоту за новыми жертвами, новыми поцелуями, новыми чувствами...

Наконец нашарив в сумке необходимое, Таша стиснула пальцы на деревянной рукояти обычного кухонного ножа.

А ведь эйрдали вроде и мысли читать умеют. Те, что постарше и посильнее. Если прибавить к этому способность вызывать необъяснимую симпатию и почти нечеловечески лучистые глаза... Говорят, у эйрдалей радужки светятся, а зрачки обращаются чёрными звёздами. Хотя про оборотней тоже много чего говорят – и едва ли бездушное порождение Мирк стало бы вежливо дожидаться, пока Таша спасёт сестру, да ещё помогать ей в этом. К тому же книжки сходились в одном: нечисть нечисть чует издалека. Кто-кто, а оборотни

распознают эйрдалей задолго до того, как те сбросят маску, и чарам их подвластны куда меньше простых смертных.

Оборотни всегда видели то, чего не видели другие.

Успокоительные мысли не помешали Таше вытащить нож, прикрыв его складками плаща на земле, и заодно достать ещё одну лепёшку – о пропущенном ужине она снова вспомнила куда позднее, чем её возмущённый живот.

Спустя некоторое время дэй вернулся с охапкой хвороста, достал из котомки трутницу и развел костёр. Тьма за границами круга враз стала ещё темнее, но тревога и страх отхлынули, стоило Таше услышать шелест его одежд.

Запивая скудный ужин водой из фляжки, она следила, как дэй, вытащив меч из земли, садится чуть в стороне, чтобы протереть лезвие куском замши.

– Ешьте. – После недолгого колебания Таша неуверенно протянула ему одну из оставшихся лепёшек. – Вы же свои доели, я на Равнине видела.

– У меня ещё есть хлеб.

– Это вы тот кирпич называете хлебом?

– Разве хлеб не может быть в форме кирпича?

– Может, но я имела в виду настоящий кирпич. У меня кроме лепёшек ещё свежий каравай... и даже мясо есть.

– Увы, вынужден отказаться. В этом месяце мы едим только рыбу.

– Ну а хлеб?

Дэй, вздохнув, отложил меч:

– Если вам так хочется переводить на меня свои припасы...

Таша смотрела, как он ест – неторопливо, тщательно прожёвывая, глядя на огонь.

– Вы всё про меня знаете, да?

Дэй поднял взгляд:

– Смотря что вы имеете в виду.

– О том, кто я.

– Трудно говорить про людей, кто они. У каждого человека множество... определений. У нелюдя тоже.

– И почему бы сразу не сказать, что знаете?

– Вас интересовало, знаю ли я *всё* о том, кто вы. Пока я могу сказать только, что у вас с матерью были две большие тайны, одна из которых та, что вы оборотни. Насчёт остального есть догадки, но чтобы говорить уверенно, в них надо вначале убедиться.

– Остального?

– «Хороший человек» – тоже определение. Или «хороший оборотень». – Дэй отправил в рот последний кусок и, отряхнув руки, полез в сумку за фляжкой. – Благодарю за угощение, хлеб замечательный.

В другое время Таша улыбнулась бы комплименту – хлеб она пекла сама, – но не сейчас, когда некоторые из его слов заставили её вытянуться напряжённой струной.

– А вторая тайна?

Дэй пожал плечами:

– Это же ваша тайна. Вы знаете её не хуже меня.

Спросить или не спросить? Хотя какая разница, когда ви-
сишь даже не на волоске, а на половине его...

– Вы знаете, кем была моя мать? – Таша вглядывалась в
его лицо пристально, как никогда до этого. – Знаете, кто я?

Мужчина задумчиво посмотрел на неё поверх фляжки.

– Вы о том, что вы – дитя Тариша Морли и Ленмариэль
Бьорк, чудом уцелевшей во время Кровеснежной ночи, и та-
ким образом являетесь законной наследницей престола Сре-
динного королевства?

...да. Он и правда знал *всё*.

Слова были произнесены. Вслух они звучали ещё безум-
нее, чем когда просто покоились знанием в глубинах памяти.

И заставили Ташу мрачно кивнуть.

– Знаю, как видите. – Дэй убрал фляжку; голос и лицо
его остались спокойными, почти скучающими. – Если хоте-
те, чтобы я величал вас по титулу...

Для него это не имело никакого значения. Её происхожде-
ние. Тайна, которая любого должна была повергнуть в трепет
или страх. Вызвать алчное желание воспользоваться этим от-
крытием, так или иначе – и для них с Лив уже будет неваж-
но, решит ли проницательный незнакомец манипулировать
потерянной принцессой или бежать с докладом к страже.

Это казалось невероятным, но это было так.

– Какие титулы, – махнула рукой Таша. – Просто... я ни-
когда и никому этого не рассказывала.

Объяснив всё мамино презрение к «деревенским» и светский окрас Ташиного воспитания, тайна жгла её три года. Три года тяготила сердце осознанием, что Таша никогда и никому не сможет её поведать. Три года мучила мыслями, что лучше бы она ничего не знала: ведь что она может сделать, если хочет жить?..

– Не рассказывала, – повторила Таша. – Даже Лив. А тут...

– Я понимаю. Но вашей вины здесь нет, во всём повинен мой дар и моё любопытство. – Дэй вновь взялся за меч – для успокоения, наверное. – Впрочем, каким бы интересным ни было ваше фамильное древо, сейчас стоит подумать о том, что нам делать дальше.

– Нам? – уточнила Таша.

– Когда спасаешь кому-то жизнь, берёшь за него ответственность. Бросить вас, когда вам некуда идти, преступление.

– Почему некуда? У нас с Лив есть...

– Вы не можете вернуться домой. Не думаю, что похитители успокоятся прежде, чем найдут вас.

– И что вы предлагаете?

– Спрятаться.

– Мы не сможем всё время прятаться.

– Всё время нам и не придётся. А даже если бы пришлось, это легче сделать, чем вы думаете. Особенно с верой в защитный круг.

– Будем всю жизнь ночевать в лесах?

– Я выразился... фигурально. – Он наконец вернул клинок в ножны, оставив лезвие обнажённым где-то на полпальца. Наклонился, положив меч между ними, странно далеко от себя. – С верой вы будете в безопасности в любом доме.

Скажите это тем наёмникам, мрачно подумала Таша, протянув руки к потухающему костру.

«Нам». Вот так просто взял и распорядился её судьбой. А она, что самое паршивое, даже не хочет возражать: ей ведь действительно отчаянно нужна помощь...

– Поспите, – посоветовал дэй.

– Не хочу.

– Тогда хотя бы ложитесь.

Таша осталась неподвижной; он слегка пожал плечами и лёг, заложив руки за голову, глядя в небо.

Хворост прогорал быстро, и вскоре поляну озаряло лишь тусклое мерцание углей. Их отблески так причудливо сплетались с ночной тьмой, что лежавшего по другую сторону костра мужчину легко можно было принять за тень – только в глазах блестели отражённые искры. Веки оставались открытыми, но взгляд из-под длинных ресниц был странным: точно на окна опустили стальные ставни, точно он смотрел на что-то бесконечно далёкое.

От осознания, что сейчас он, лежащий рядом, на самом деле совсем не здесь, делалось жутко.

– Святой отец?

Он моргнул. Повернув голову, посмотрел на неё: светлым,

дружелюбным взглядом.

Обычным. Близким.

– Да, Фаргори-лэн?

Таша облизнула пересохшие губы.

Ей не слишком хотелось спрашивать то, что она собиралась спросить. Хотя бы потому, что если её опасения верны, едва ли он скажет ей правду. Но не спросить не могла.

– Почему... вы это делаете?

– Что именно?

– Почему помогаете мне? Почему бросили все свои дела и поехали со мной?

Может, потому что сразу узнали, кто я, и всё же решили этим воспользоваться, могла бы добавить она – и, естественно, не добавила. Чтец и так наверняка её услышал.

– Это ведь рискованно, а вы... вы меня совсем не знаете, и...

– Я ничего не бросал. – Дэй приподнялся на локте. – Иногда случается так, что людям нужна помощь, но они не могут обратиться к страже. Я покидаю свою паству и странствую по Долине, чтобы помогать этим людям. Или нелюдям.

– Зачем?

– Так завещала нам Богиня.

Таша недоверчиво уставилась на него:

– Так вы что... паладин?

Он усмехнулся.

– Паладин. Бескорыстный наёмник. Тот, кто решает чу-

жие проблемы. Называйте, как вам удобнее.

– И какая вам от этого выгода?

– Я никогда не требую платы, но обычно люди платят. Довольно щедро. В остальных случаях я довольствуюсь тем, что спас одну или несколько невинных жизней.

– И вы просто помогаете каждому встречному?

– Если его проблема слишком сложна, чтобы он мог решить её сам. – Дэй скользнул локтем по мху, устраиваясь поудобнее. – Знакомые советуют мои услуги своим знакомым, и порой меня вызывают, чтобы разрешить щекотливые вопросы. Но если по дороге я встречаю кого-то, кто также нуждается в помощи, я не делаю никаких различий между ним и тем, кто меня вызвал.

– И вы за этим ездили в Заречную?

– Да. Помогал одному молодому человеку, у которого несправедливо отобрали отцовское наследство.

– Ясно. – Таша помолчала. – Значит, из простого человеческого участия? Никаких... более личных причин?

– Когда тебе нравятся люди и ты хочешь им помочь – это, как мне кажется, достаточно личная причина.

– Пожааах... луй.

Таша зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Спите, – мягко произнёс дэй. – Вам нужно отдохнуть.

– А что мы будем делать утром?

– Вначале дождёмся, пока оно наступит.

На сей раз Таша всё же легла. Одной рукой обняв сестру,

другой, не глядя, нашарив рядом нож.

Нет, она не будет спать. Спать в Криволесье, бок о бок с незнакомцем – не лучшая идея. Только отдохнёт немного. Пусть веки смыкаются, будто кто-то тянет за ресницы, и...

Таша резко открыла глаза. Какое-то время боролась с дремотой, глядя на подёрнутые серостью угли. Запоздало сообщила, зачем дэй положил меч поближе к ней: золотое мерцание рассеивало темноту, не позволяя страху удушьем вцепиться ей в горло.

Снова открыла глаза – и когда они успели закрыться?

Я только подремлю немного, подумала Таша. Совсем недолго. Очень чутко. Я не засну.

Хотя, конечно, он обещал, что я смогу спать спокойно...

...лето. Яркая, изумрудно-яркая трава по колено. Смеющаяся Лив убегает вдаль:

– Не догонишь!

– Стой! Стрекоза, подожди...

...почему вдруг так темно?

– Лив!

...только что был день, почему сразу ночь? Она ненавидит темноту, ненавидит...

...почему она бежит, но остаётся на месте, а сестра ускользает всё дальше – её уже не видно, и нет ни поля, ни травы, ни лета, один лишь мрак...

– Лив!..

Крик хоть немного разрывает тишину, от которой глотишь. Судорожный, гадкий холод сковывает шею, плечи, спину, сползает ниже, когда тишину разбивают шаги за спиной.

– Кто здесь?

Он дразнится медленным приближением. Ты не видишь его, но чувствуешь – и твой крик не пугает его, не заставляет показаться; он всё ближе, глядит в затылок, вот сейчас коснётся шеи...

Он ждёт, пока ты обернёшься.

...шаги...

Таша открыла глаза – и вскочила, задыхаясь, в липнущем к телу платье. Небо ещё и не думало светлеть: она проспала совсем немного.

Шаги... шуршание сапог по листве.

Они пришли из реальности.

– Святой отец?..

Лив спала рядом, меч по-прежнему светился чуть поодаль, но по ту сторону мёртвого костра было пусто.

– Арон!

– Тш. Я здесь.

Дэй стоял за её спиной, всматриваясь во тьму.

– Кто-то идёт!

– Я слышал. Двое... Не беритесь за нож. Он вам не понадобится.

Таша, уже нагнувшаяся подобрать ножичек, замерла.

Неохотно выпрямилась, кусая губы.

Оглянулась на Принца: тот, тревожно фыркая, нервно топтал траву.

– Спокойно, малыш. – Таша подскочила к коню, и мягкий тёплый нос тут же ткнулся ей в ладонь. – Всё будет хорошо, слышишь? Обязательно...

Она уже различала чёрные тени и запах. Знакомую гниlostную сладость тлеющих цветов. Та парочка из трактира – здесь?..

– Это не займёт много времени, – сказал дэй.

Его уверенность странным образом передалась ей. Погладив Принца по холке, Таша подошла к дэю; привстала на цыпочки, чтобы наблюдать за происходящим из-за его плеча.

Когда незваные гости шагнули на поляну, конь тихонько, испуганно заржал.

Это и правда были молодые люди, что преградили Таше дорогу к конюшне. Только теперь радужки их светились в темноте – пугающим, фосфоресцирующим блеском, синим у одного, зелёным у другого. И тем отчётливее выделялись огромные, неровные, с рваными лучистыми краями зрачки: бездонные, словно поглощающие свет... чёрные звёзды.

Отныне Таша знала, как пахнут эйрдали.

– Доброй ночи, – заговорил один. – Мы видели, как вы свернули с тракта в это жуткое место.

– В Криволесье, знаете ли, ночевать небезопасно, – добавил другой.

– Вот мы и подумали, не нужна ли вам компания? Или помощь. Мало ли что.

– Вдруг вами лес захочет поживиться. Или нечисть какая-нибудь. Ха-ха.

...маленькая потерявшаяся девочка, её сестра – ещё младше – и дэй. Сорвавшиеся из трактира на ночь глядя, свернувшие с большой дороги, чтобы переночевать вдали от неё.

Наверное, на месте эйрдалей Таша тоже сочла бы эту компанию лакомым кусочком – если б была достаточно смелой, чтобы сунуться на Ложные Земли с подобными намерениями. Или достаточно голодной.

– Увы, мы не можем согласиться на просьбу, которую вы собирались изложить, – любезно отозвался Арон. – На этой полянке слишком мало места, чтобы вы устроились на ночь по соседству. Но, уверен, это далеко не единственная подобная поляна в Криволесье, так что советую вам не терять времени, находясь долее в нашем обществе, ибо очаровать нас всё равно не выйдет.

Эйрдали остановились. Трудно было сказать точно, но Таше казалось, что они смотрят дэю в глаза – и видят там что-то, чего ей увидеть не хотелось бы.

Когда они метнулись вперёд, Таша отшатнулась, закрывая собой сестру, но незваные гости застыли миг спустя: удивление вытянуло их лица почти смешно.

– Я не хочу вредить вам, – сказал Арон негромко: эйрдали замерли перед границей круга, не в силах преодолеть неви-

димую стену. — Однако если вы намерены и дальше нарушать наш покой, вполне возможно, захочу.

— Громкие слова, святоша, — ухмыльнулся один, оправившись от изумления. — Ты не такая лёгкая добыча, какой кажешься, но изнутри круга ничего сделать не сможешь, только отсиживаться. Сталкивались, знаем... и не такие заклания рушили.

— И не таких, как ты, ломали, — добавил другой. — Не знаю уж, что за побрякушка хранит тебя от зачарования, но скоро узнаем. Даже сохраним её для коллекции.

— Вот как, — очень, очень мягко произнёс Арон. — Посмотрите на меня.

Их взгляды точно магнитами притянулись вверх.

Эйрдали одновременно издали скулящие стоны. Одновременно рухнули наземь, беззвучно шевеля трясущимися губами, дрожа, как в лихорадке.

Они смотрели в глаза человеку, за спиной которого стояла Таша, и ужас до неузнаваемости искажал их красивые лица — вынудив её попятиться прочь от дэя, чувствуя, как растекается под кожей холодок колючей жути.

— А теперь уходите, — коротко сказал Арон.

Эйрдали ползли спинами вперёд, пока не уткнулись в стволы деревьев. Вскочив, на подгибающихся ногах побежали во тьму. Таша почти уже решилась хватать в охапку сестру и, прыгнув на Принца, рвануть в другую сторону, когда дэй обернулся: спокойный, ничуть не пугающий. Ровно та-

кой, каким Таша видела его раньше.

Словно только что эйрдали не бежали от него со всех ног, узрев нечто несравнимо страшнее, чем они.

– Думаю, они не вернутся. – Арон хмуро оглядел деревья вокруг. – И зачем лес привёл их к нам? Здесь невозможно найти кого-то, если лес того не хочет. Если только то, что вы поминали эйрдалей...

– Что вы с ними сделали?

– Всего лишь изменил их веру в то, что они видят перед собой, – буднично откликнулся дэй. – Похоже, лес получил, что хотел. Остальное он доделает сам.

Таша смотрела на него снизу вверх.

Так вот как работал его защитный круг... если в твоих силах изменить веру в то, что видит твой враг – в твоих силах изменить и его веру в то, может ли он переступить черту на земле.

– Кто вы?

Непослушный голос сделался почти хриплым.

– Вы же знаете.

– Я знала, что чтецы слышат мысли, но чтобы они делали такое – никогда.

– Об этом умении предпочитают не распространяться.

– Но...

– Таша, я отвечу на все вопросы утром, но сейчас вам нужно отдохнуть. Вы две ночи подряд почти не спали.

Его слова, его взгляд – почти ласковый – успокаивали,

усыпляя и растворяя страх. И правда, чего она всполошилась? Если Арон так силён, это даже к лучшему: расправился с эйрдалями – значит, и с наёмниками, и с другими врагами сладит. Лезть в её голову ему нет нужды.

И она и вправду так устала...

Дэй уже лёг на прежнее место: руки за голову, взгляд в небо – точно как раньше, словно и не было ничего.

– Спите, – сказал он негромко. – Думаю, этой ночью нас больше никто не потревожит.

Опустившись на землю по ту сторону костра, Таша свернулась калачиком рядом с Лив. Закрыла глаза.

И с кем её угораздило встретиться?..

Глава пятая

Птицы на воле, птицы в силках

– Отдадим ей должное – она продержалась дольше предыдущей, – сказал Алексас, глядя, как растёт его тень на брусчатке, когда за спиной остался очередной уличный фонарь.

Джеми молчал.

Он молчал всю дорогу от чужого дома. Не отвечая, даже когда обращались непосредственно к нему.

– Хватит дуться. Что ты как маленький?

– Я тебя презираю.

Алексас, вздохнув, притормозил перед рельсами, серебряными дугами пересекавшими широкий проспект: по ним почти бесшумно катила гусеница сцепленных вагонеток, перегонявших грузы. По ту сторону рельсов неподвижно застыл одинокий железный конь, запряжённый в экипаж – сплав металлов, вёдомый только цвергам; винтики и со-

членения сотни деталей складывали изящные ноги, гибкую шею, бесхвостый круп. Совершенная металлическая копия живого существа, в которую вдохнули жизнь лучшие мастера чёрных цвергов.

Алексас привык почти ко всем чудесам, выходившим из кузниц и мастерских Подземного Народа, но конями, как и хорошими клинками, любовался каждый раз. Чистая мощь, заключённая в серебристую сталь – или в то, что легче и крепче стали, – это завораживало.

Пустые улицы окутывала сонная тишина; в ней особенно звонко разносились звуки, которые едва ли раздавались в любом другом аллигранском городе. Шуршание чугунных колёс по рельсам. Тихое шипение газовых фонарей. Песня железа и камня, которую металлические копыта выстукивали по клавишам брусчатки. Округа цвергов жили в ином ритме, но в Хёхе люди придерживались примерно того же распорядка, к которому привыкли на поверхности. Где-то там, наверху, над сводом гор, сейчас тянулись друг к дружке в ночном небе две луны – и люди спали так, будто это могло их убаюкать.

Иногда Алексас задумывался, как выглядел бы Камнестольный при свете дня. Их с Джеми часто отпускали на поверхность, в предгорные городишки белых цвергов, и братья Сэмперы знали, как преобразается мир, когда его обнимает тьма или выбеливает солнце. Их обучали и тому, как обернуть это в свою пользу: Алексаса – пользоваться слабостью

людского зрения, не способного после света быстро привыкнуть к тени, Джеми – сплести чары, что усиливала стихия, сейчас разлитая вокруг тебя.

Свет и тьма всегда считались сильнейшими стихиями из шести. И маги знали, как меняют бой место и час, в которые он проходит.

– Могу снова повторить, что раскаиваюсь. Даже потрачу оставшиеся часы на сон, дабы завтра не раздражать тебя своим присутствием.

– Это же отвратительно, ты хоть понимаешь?! Ты совратил девушку...

– Джеми, братишка, до меня её уже не раз успешно совращал муж.

– Ты представляешь, каково мне в этот момент?! Замыкаться в себе, сидеть в темноте и знать... знать, что ты... в моём теле... занимаешься... *этим!*

– Мог бы не замыкаться. Учился бы заодно.

– *Ты!..*

Ответить посмеивающийся Алексас не успел – бедро обжёг жар нагретшегося металла.

На ходу вытащив из кармана двустороннее зеркальце, он откинул круглую крышку; поймав луч фонаря, полированное серебро бросило на мостовую жёлтую монетку светового зайчика.

– Что стряслось, Найдж?

Вместо отражения законного владельца в зеркальном

стекле замаячили обеспокоенные глаза мага. Странно близко. Любой, кто использует двусторонние зеркала, быстро учится, на каком расстоянии и под каким углом их держать, чтобы собеседнику не пришлось заглядывать тебе в ноздри или любоваться твоими зубами с точки, откуда их привыкли рассматривать только лекари.

– С вами всё в порядке?

Зазеркальная картинка дрожала так, будто в преддверии оперы Найдж вылакал бутылку любимого «белого дракона».

– Лучше не бывает. Так что стряслось?

– Вы не видели Бэрри, когда уходили?

– Мы видели, как они... говорили с Герландом, – помедлив, ответил Алексас. – Потом ушли.

– Она пропала. Мы не можем её найти.

Мерный ритм, в котором шуршали по брусчатке пружинистые мальчишеские шаги, на очередном повороте сбилсЯ в рваную триоль.

– Может, – свернув в переулок, сказал Алексас, – она всё же решила...

– В опере её нет. И не было. Я проверил.

– Когда она исчезла?

– Убежала от Герланда сразу после их ссоры. Он решил, что она хочет побыть одна, с тех пор...

– С тех пор?! Несколько часов прошло, раньше не мог меня вызвать?!

– И чем бы ты помог?

– Уж точно не... занимался тем, чем занимался, пока моя сестра, возможно, где-то...

– Тихо, тихо. – Зеркало Найджа затряслось, беспорядочно выхватывая то русые волосы, то лампу за его плечом; этот хаос сменился лицом магистра, чтобы привести в гармонию зазвучавший за стеклом голос и отображаемую картинку. – Не творите глупости, мальчики, ладно? Я знаю, более всего вам сейчас хочется оббежать весь Хёх в бесплодных поисках, но возвращайтесь домой. Нашей магии подвластно большее, чем вам.

– Торнори-энтаро, вы уверены, что...

– Ждём. Вас. Дома.

Непреклонность финальной точки подчеркнул щелчок, с которым кто-то по ту сторону стекла хлопнул зеркальной крышкой.

Алексас смотрел в серебряную гладь, даже когда бело-бородое лицо утонуло в непроглядной черноте. Даже когда уснувшая магия рассеяла проявленную чарами картинку, отразив сощуренные мальчишеские глаза: как сделало бы любое, самое обычное зеркало.

– И что будем делать? Просто пойдём домой?

Чуть повернув зеркальце, Алексас всмотрелся в переулок, оставшийся за его спиной. Закрыв серебряную крышку, положил артефакт в карман и завернул за угол: на улицу Кроне, в конце которой среди таких же узких городских особняков приткнулся дом магистра.

– Да, – сквозь зубы ответил он, продолжая путь среди стен и крылечек серого камня. – Просто пойдём домой.

– Но...

– Потому что едва ли Герланду понравится, если мы найдём Бэрри и приведём к ней того кеара, который за нами следит.

Иди Джеми рядом, за этими словами последовал бы приказ «не оглядывайся». Младший из братьев Сэмперов не настолько привык к подобного рода ситуациям, чтобы не пожелать убедиться в правоте старшего.

К счастью, телом младшего из братьев Сэмперов в данный момент управлял тот, кто лучше знал, как вести себя в случае слежки. В роли следящего тоже.

– За нами что, – выговорил Джеми, – правда идёт...

– Заметил его ещё на проспекте. В зеркале рассмотрел получше.

– Ты уверен, что это...

– Его Величество не ставит своим рыцарям на лбу клеймо «кеар», но догадаться нетрудно. – Алексас говорил ещё тише, чем цедит слова раздосадованный человек, который не особо желает быть уличённым в разговорах с самим собой. – Он свернул за нами в переулок. Идёт ровно на том подозрительном расстоянии, на каком обычно идут, чтобы не казаться подозрительными.

– И мы просто приведём его к штаб-квартире?! Не попытаемся запутать? Оторваться?

– Причин нет. Приёмыш магистра возвращается домой после весёлой ночи. Обычное дело. Скроемся – вызовем ненужные подозрения и подтвердим, что заметили слежку. Я не собираюсь радовать королевских шавок таким подарком, а ты?

Остаток улицы они преодолели в молчании куда более мрачном, чем то, что гнело Алексаса в начале этого пути.

У самого крыльца он задержался взглядом на фонаре, который привык видеть из окон их общей спальни. Погасший. Цветное стекло, где обычно бился пульс газового огонька, за время прогулки обернулось тусклыми мёртвыми стекляшками.

Три широкие гранитные ступени Алексас оставил позади одним лёгким прыжком, зато ладонь к дверному молотку приложил неторопливо, без суеты. Зачарованный замок щёлкнул, признав одного из тех, кому дозволено входить в дом, – и, толкнув плотное дерево, укреплённое магией и сотней лет на речном дне, Алексас наконец вошёл под безопасную крышу колдовского жилища.

Из окна холла, зачарованного от подглядывания снаружи, он проследил, как мимо дома, старательно не глядя на него, проходит непримечательный молодой человек в чёрной куртке.

– Так кеары всё-таки в городе? – тихо и обречённо резюмировал Джеми.

– Всё-таки. – Алексас прижал лоб к стеклу, наблюдая, как

рыцарь узурпатора растворяется в тишине ночного города.

– Надо сказать...

– Герланд в курсе, если помнишь. – Отстранившись, он повернулся к лестнице. Гладкая сухая кожа не оставила на окне и намёка на отпечаток; свет уличных фонарей – единственное, что освещало круглый тёмный зальчик, встречавший гостей на входе, – высветил это особенно чётко. – Скажем, но сперва заглянем в спальню.

– Зачем?

– У меня есть идея, где может быть Бэрри.

По дому магистра тоже разливалась сонная тишина. Она затапливала винтовую лестницу и коридоры, через щели у косяков просачиваясь в комнаты. Тишина клубилась и в спальне, когда Алексас аккуратно перешагнул через зачарованную щётку, старательно оттиравшую пол (в этот поздний час инструменты уже торопились навести порядок в доме, полагая, что хозяин, как обычно, видит десятый сон), и ступил за порог.

В тишине ничего удивительного не было – все, кто сейчас не спал в поисках Бэрри, сходил с ума в штаб-квартире, не здесь. А вот в неровных отблесках, дрожавших на стенах, тревоживших обеспокоенную темноту, – было.

Облегчённый вздох Джеми раскатился в их общей голове бумажным шелестом.

– Знал, что найду тебя тут, – сказал Алексас, без стука прикрыв дверь.

Крохотная огненная птичка, сидевшая на почти невидимой руке – так, будто она просто зависла над подушкой, – с любопытством склонила голову, сотканную из жаркой близны.

То, что в комнате кто-то есть, сперва угадывалось лишь по птичке, ластившейся к сгущённой тьме на кровати. Если присмотреться и *знать*, что увидишь, можно было разглядеть в этой тьме девичий силуэт; если присмотреться ещё внимательнее, то медленно и плавно, словно с картинки смывали наносную грязь, проступало остальное. Худая девичья спина. Ноги, поджатые под себя, плотно обтянутые серым флеоном всё того же домашнего платья. Руки, безвольно лежащие на коленях, не по-девичьи острых.

Альвы – пусть и полукровки – умели оставаться незамеченными, когда захотят. Даже для других альвов.

– Забавно, правда? – Бэрри не повернула головы. Так и сидела спиной к порогу, глядя на живую стихию, когтистыми лапками державшую её за палец. – У меня есть отец и возлюбленный, но лучше всего меня знает брат, даже кровью со мной не связанный.

– Это не отменяет того, что я твой брат.

Она не ответила, и Алексас сел рядом. Без слов, без вдоха. Поднёс к огненной пичужке расправленную ладонь.

Даже не коснувшись, ощутил, как лижет кожу жар, который Бэрри не замечала.

– Не бойся, – сказала девушка. – Подставь руку.

Прежде чем подчиниться, Алексас помедлил только миг.

Когда птичка, весело тряхнув хвостом, перескочила с девичьих пальцев на мальчишеские – длинные, тонкие, музыкальные, – касание её огненных лапок сопровождало лишь лёгкое покалывание.

– Это потому что ты её сотворила? – Алексас улыбнулся, когда волшебное создание легонько, дружески клюнуло его там, где линия судьбы сплеталась с линией жизни. На ощупь белый огонь – тот же, что горел в фонарях на улице – казался прохладным.

– С ней проще, но я могу сделать так с любым огнём. Не только с огнём. Альвы на короткой ноге со стихиями, ты же знаешь. – Бэрри пожала плечами; альвийские искры в её зрачках мерцали призраками светлячков. – Можно попросить огонь не жечь. Можно попросить воздух окружить тебя коконом, стать таким, чтобы он отталкивал пламя, а не разжигал его. Можно попросить воду, чтобы она соткалась в щит. Зависит от ситуации.

– Только не усердствуй. Полукровки тратят на это больше сил.

– От маленькой пичужки вреда не будет. Вот в пожар лучше не лезь. Упросить маленькую пташку не причинять тебе вреда – одно, а вот горящий дом...

– Можно подумать, ты каждый день прогуливаешься на пепелище.

– Прогулялась, если бы пришлось. Себя защитить легче,

чем других.

Бэрри сложила ладони ковшиком, и пичужка охотно вернулась в руки создательницы. Когда девушка встала, двигалась она плавно и бережно, точно удерживала в пригоршне ключевую воду.

– Ты смогла призвать огонь фонаря с улицы? – Алексас смотрел, как названная сестра идёт к окну. – Сквозь защиту дома?

Огненные крылья, белым бликом метнувшиеся прочь из комнаты – прямо через стекло, в вечную ночь величайшего из городов цвергов, – безмолвно ответили на его вопрос.

– Это для меня не проблема, – сказала Бэрри, глядя, как птица ошалело взмывает над крышами. – Забавно.

– Что?

– Даже под землёй люди строят дома с окнами. Просто потому, что так им привычнее: создать иллюзию, что однажды их комнату может осветить не искусственный свет. Потому что жить иллюзией проще, чем принять, что мир вокруг никогда не будет таким, каким ты хотел бы его видеть. Можно понять, почему цверги над нами потешаются.

Алексас следил, как белая точка теряется в лабиринте курящихся труб. Перевёл взгляд на девушку, застывшую на фоне города: центральную фигуру картины в рамке тёмной комнаты.

– Не лучше было вернуть её в фонарь? Вдали от тебя долго она не просуществует.

– Лучше недолго, зато свободной.

Глядя, как Бэрри скрещивает опустевшие, растерянные руки – так, словно хочет обнять себя, – Алексас встал.

– Не прячься больше, – голос его был мягким, как и шаги, приглушенные колючей шерстью узорчатого ковра. – Найдж и Герланд волнуются. Я волнуюсь. Все волнуются. Особенно учитывая...

– Какая разница, следят кеары или нет? Мне надоело это, Алексас. Меня никто никогда не спрашивал, хочу ли я этого. Просто выбрали, как я буду жить, в какую правду верить, за каких королей страдать. Проклятье, даже оставшимся Бьоркам живётся лучше, чем мне! Шейлиреар же так милосерден к своим врагам... тем, кто не умер в резне, по крайней мере.

Она сама походила на птицу, взъерошенную, насупленную. И не шелохнулась, даже когда её обняли – крепко, за плечи, заменив все утешения прикосновением губ к макушке.

– Это закончится, – сказал Алексас. Больше задумчиво, чем уверенно. – Может, раньше, чем мы оба думаем.

Отстранился он как раз вовремя, чтобы отвернуться от сестры, когда открылась дверь. В комнату плеснулась сторонняя тьма, сгущённая шариком белого пламени над чьим-то плечом.

Наверное, зажги Алексас свет, и Найдж театрально застыл бы на пороге – но маг уже успел дойти до зеркала, когда наконец разглядел, кому принадлежат фигуры на фоне осве-

щённого окна.

– Так ты здесь.

Обиды в словах не было. Как и ревности. Зная Найджа, Алексас мог уверенно утверждать: ревновать любимую женщину к своему ученику тот считал ещё более глупым, чем ревновать любимого наставника.

В любом другом случае Алексас добавил бы, что считающий так неревнивец наивен, как ещё не знакомая с букварём девочка.

– Надо же, – в том, как Бэрри оглянулась на колдуна, читалась почти ирония. – Всё-таки нашёл.

– Откровенно говоря, я пришёл к мальчикам, чтобы мы могли вместе... как там сказал учитель... «оббегать весь Хёх в бесплодных поисках». – Зеркало бесстрастно отразило, как Найдж идёт к потерянной и найденной возлюбленной. – Но не зря говорят, что самое драгоценное находится там, где не ищешь, и тогда, когда не ждёшь.

Цену, которую колдун платил за то, чтобы излучать привычное жизнелюбие, Алексас угадал лишь по тому, как дрожали его опущенные пальцы.

– Иногда мне интересно, что я должна выкинуть, чтобы тебя разозлить, – сказала Бэрри, от которой эта дрожь тоже не укрылась.

– Точно могу сказать, что умирать тебе не стоит. Тогда мне придётся лезть в области колдовства, которые я очень не хочу трогать, и когда я нарушу все мыслимые людские, ма-

гические и мировые законы, чтобы снова увидеть твои глаза... – пальцы Найджа – уже не дрожавшие – легли на бледные, почти впалые девичьи щёки, – в общем, первым, что ты от меня услышишь, будут вовсе не слова любви.

Прежде чем Алексас деликатно отвернулся, он всё-таки успел заметить: шутка не вызвала у сестры и тени улыбки.

Что он остался в комнате один, Алексас ощутил, не поворачиваясь.

– Нам бы тоже надо в штаб-квартиру, – неуверенно напомнил Джеми, вместе с братом услышав тишину, что оставили после себя двое, растаявшие в воздухе за их общей спиной. – Сказать Герланду про кеара.

– Полчаса вполне подождёт. Больше на счастливое воссоединение семейства, надеюсь, не потребуется.

Свет зажигать Алексас так и не стал. Просто вернулся к кровати и, прежде чем сесть на покрывало, запустил руку в карман.

– Дай-ка угадаю, – сказал Джеми, когда брат небрежно кинул на тумбочку тёмный локон, перевязанный ленточкой. – Опять выкинешь.

– Если б я хранил все, впору было бы парикмейстером заделываться.

В голове старшего из братьев Сэмперов раздался вздох, полный воистину бесконечного терпения.

– Порой сам удивляюсь, что ни разу не пожалел о своём согласии на это безумие. Делить тело с тобой...

– И что, правда не пожалел? – невзначай спросил Алексас, расстёгивая куртку.

– Я же тебя люблю. Хотя ты и отвратительный тип, честно скажу.

Ослабляя тёплый узел, обнимавший шею, Алексас улыбался.

– Ладно, только ради тебя. – Платок соскользнул в его руку шёлковой змеёй, чтобы опуститься на стол по соседству с запylённым футляром корды – после смены тела Алексас редко притрагивался к музыкальному инструменту, которому отдал добрую четверть жизни. – Месяц – никаких женщин.

– *Что?*

– Ты меня слышал.

– Не верю!

– Честное заговорщицкое.

– На что спорим?

– Не удержусь – с меня полное собрание сочинений Джорданесса. В золочёном переплете.

Если бы телом сейчас управлял Джеми, оно бы неуклюже застыло, пытаясь определиться между недоверием и желанием подпрыгнуть от алчной радости.

– В таком случае завтра же в преддверии совета расчищаю место на полках, – фыркнул Джеми, наконец определившись.

– Настолько в меня не веришь?

– Настолько тебя знаю.

– Чего порой не сделаешь ради единственного брата. – Перекинув куртку через изножье кровати, Алексас сложил руки на коленях, сцепив пальцы в замок. – Или сестры.

Любому, кто знал его, трудно было бы не заметить сверхъестественную усталость – хотя бы по сторбленной спине. Алексас Сэмпер редко позволял себе не держать осанку, пристойную сыну королевских рыцарей.

– Надо было рассказать Бэрри всё, – сказал Джеми. – Про предателя. Про то, что за нами следили. Это бы её утешило. По крайней мере, она убедилась бы, что Герланд сделал это не просто так. А ты не хотел её тревожить, да?

– Да. Именно.

– Хлопочешь над нами, как драконья насадка.

– Сам иногда над собой умиляюсь.

Слушая уютное ворчание брата, Алексас прикрыл глаза.

Ему не нравилось скрывать от Джеми куда больше, чем он скрывал, даже пребывая в собственном теле. Но его брат был слишком хорошим и для того, чтобы помнить: предатели на то и предатели, что могут нанести удар с той стороны, откуда его совсем не ждёшь.

Даже хрупкой, как птичьи косточки, рукой любимой названной сестры.

Закончив с молитвой, отец Дармиори садится за стол и смотрит на класс поверх скрещённых пальцев:

– Принесли ли вы свои книги для записей, дети мои?

– Да, святой отец, – радостно говорит Таша.

– Нет, святой отец! – не менее радостно отвечают остальные.

– Ничего, у меня вдоволь лишней бумаги, – вкрадчиво замечает отец Дармиори – вмиг потушив в учениках искру слабой надежды, что предусмотрительная рассеянность избавит их от предстоящей пытки. – Далее... принесли ли вы «Историю Аллигрانا» distinguished господина Корглари?

Таша вытаскивает потрёпанную книжку из сумки. Класс дружно разводит пустыми руками.

– Печально. Однако по счастливой случайности я ещё вчера переписал список вопросов в пяти экземплярах, так что... садитесь, дети мои.

Маленькую комнату оглашает подобие вариаций на тему «да, святой отец», написанных для десятка обречённых голосов – и, поднявшись с колен, дети бредут на свои места.

Гаст вваливается, когда уже утихло барабанное соло откидных столеищиц, бумажные листки раздали, а списки пустили по рукам. Узрев мрачные лица одноклассников

и пастыря, царапающего на доске список вопросов для каждого ряда, он замирает:

– У нас зачѐт?

– Он самый, сын мой, – подтверждает дэй не оборачиваясь.

Гаст стонет. Впрочем, стон быстро разбивается на ёмкое и красноречивое пояснение, где любимый наследник прадмунтского старосты желал бы видеть господина Корглари и весь Аллигран с его историей.

– Ещё полвека назад только там бы ты их и увидел, – сухо замечает отец Дармиори, не сбившись с мерной дроби, которую мел выбивал из грифеля. – Благодарю славного короля... а, впрочем... дети мои, кто за дополнительный балл напомним мне, кому и чему вы обязаны тем, что умеете не только читать, расписываться и цитировать Писание?

– Декрету «О повсеместном просвещении» от десятого липника 553 года Третьей Эпохи. Его Величеству Зейлиону Бьорку Второму, отцу последнего короля из династии Бьорков. И Шейлиреару Дарфуллу, тогда ещё Советнику по финансовым делам, – докладывает Таша. Не сказать, что ей так нужен дополнительный балл, но по некоторым причинам она пристально изучала благие и не слишком благие дела павшей династии. – Сразу после вступления в должность Шейлиреар вынудил цвергов пересмотреть отпускную цену металла олангрита. Это удешевило магические светильники и позволило распространить их повсеместно. Теперь де-

ти даже в деревнях могли учиться не только в школе и не только при дневном свете. Также при Зейлионе Втором в сельских школах ввели старшие классы и домашнее задание, изобрели удобные парты, за которыми мы сидим сейчас, и...

– Достаточно, Фаргори-лэн. Благодарю за очередную увлекательную, пусть и ожидаемую лекцию в вашем исполнении. – Мел выводит ожесточённую точку. – Садись, сын мой. Всё равно никуда не денешься.

Гаст неохотно кидает сумку на ближайший стол.

– Я забыл свою книгу для записей, святой отец, – сообщает он.

– Ничего, я приготовил бумагу.

– Святой отец, и учебник...

– Сын мой, у меня есть копии вопросов.

– И письменные принадлежности, святой отец!

– Я дам тебе чернила, перо и промокательную бумагу.

Гаст обречённо вздыхает.

Извлекает из сумки вначале книгу для записей, затем учебник, а потом и чернильницу-непроливайку с пером и промокашкой.

– Что, нашлись всё-таки? – ехидно спрашивает Лайя Зормари.

– Да, завалились там... – Гаст зорко смотрит на одноклассницу, занявшую парту сразу позади Ташиной. – Святой отец, Лайя села на моё место!

– В другой раз не опаздывай.

– Но я так привык к этой парте...

– Сын мой, пойми наконец. – Вернувшись за стол, отец Дармиори сострадательно барабанит пальцами по старому дубу. – Тебе шестнадцать. Скоро настанет момент, когда Таша не сможет тебе помочь. Окончание школы не за горами, приедет комиссия из города...

– Хотите сказать, на выпускном экзамене мы будем сами по себе? Так это не беда, святой отец! Составим столы вместе, сделаем один огромный круглый...

– Довольно. – Ладонь пастыря со звоном ложится на стол. – Садись. Вон туда. Остальные – приступайте.

Миг спустя класс оглашает дружное поскрипывание перьев по бумаге: порой голос пастыря имел воистину чудотворную силу.

Таша кусает кончик пера. Смотрит в окно, где ветер гонит по двору пёстрые листья, взмывающие к плоским деревянным куполам – прадмунтская школа приткнулась в церковной пристройке. Поправляет чернильницу, занявшую место в углублении на парте. Их семья может позволить себе дорогие «непроливайки», но многим детям приходится довольствоваться обычными чернильницами; если б не предусмотрительность изготовителей парт, любое неосторожное движение закончилось бы пятнами на одежде и изгвазданными книгами.

Посмотрев на пастыря, увлечённо читающего очередной авантурный роман о Раздельных войнах, Таша опускает

взгляд в учебник.

«Перечислите основные эпохи Аллигран и события, от которых историки ведут их начало»... Повезло с вопросом, ничего не скажешь. Думается, против развёрнутых ответов отец Дармиори возражать не будет...

«Летописцы выделяют три основные эпохи. Первая идёт от сотворения мира, в те времена, когда долина Аллигран принадлежала цвергам и альвам. Именно в эту эпоху в Долину прибыли люди, тогда ещё варвары и язычники. Их корабли приплывали из заморских стран, названия которых мы нынче помним лишь по названиям древних племён, что управляли теми кораблями: гардарикцы, ромульцы, альбионцы, герийцы и другие¹¹. Для них Аллигран был новым чудесным миром, и они жаждали освоить его и узнать его тайны.

Альвы и цверги не привечали смертных гостей, но и не препятствовали им обживать свободные земли, которых тогда было вдоволь. Именно из страха перед коренными обитателями Долины никто из людей не осмеливался назвать аллигранские земли единолично своими и развязывать кровавые войны за обладание ими. Впрочем, они оставались разрозненными племенами, не дружными между собой и беззащитными перед нечистью, которая тогда безнаказанно хо-

¹¹ Гардарики – средневековое норманское название Руси. Ромульцы – отсылка к легендарному Ромулу, основателю Рима. Альбионцы – от «Альбион», древнейшего известного названия Англии. Герийцы – от кельтского «gair», «сосед»; историки полагают, что именно от этого слово произошёл этноним «германцы».

зайничала на просторах Аллиграна. Примерно в то же время Радужные Туманы отрезали Долину от остального мира, и до сей поры мы не знаем, что происходит за её пределами.

Кончается Первая эпоха пришествием Кристалли Чудотворной, что явилась из ниоткуда на заре человечества. Кристаль была первым...»

– Гаст, отдай мне своё зеркало, – не поднимая взгляда, произносит дэй.

– Почему сразу я? – очень искренне возмущается Гаст. – Нет у меня никаких зеркал!

– Сын мой, отдай зеркало. Быстро.

– Да нету у меня, нету! – Гаст патетически выворачивает карманы штанов. – Вот, хотите, пощупайте!

Оторвав от книги голубые, как озёрный лёд, глаза, дэй тихо и очень, очень мягко говорит:

– Гаст...

Поёжившись, парень поднимается из-за стола и нехотя плетётся к учительскому столу. Звякает о дерево двусторонним зеркальцем, выуженным из-за пояса.

– Чтобы больше я зеркал на уроке не видел, – бросает дэй в спину ученику: за парту тот возвращается с энтузиазмом каторжника. – Работай своей головой. Не то попрощаешься с зеркалами по меньшей мере до окончания школы.

– Это как же ты меня заставишь, интересно, – бурчит Гаст, кинув на Ташу до щенячьего обиженный взгляд.

Ну да, зеркало друг «засветил», пытаюсь связаться с ней. Безуспешно. Но не обязана же она всё время держать зеркало при себе! Тем более что уже не чаяла Гаста сегодня увидеть. Мог бы хоть шепнуть, чтоб из сумки достала...

— Как же, говоришь? — пастырь задумчиво откидывается на спинку стула. — Как давно не говорил я с твоим отцом, Гаст! Как жажду пообщаться с ним вдоволь! Как хочу сказать ему, что его сын на уроках...

— Не надо, — поспешно отзывается Гаст, — я понял.

Вернувшись на место, он строчит ответ с таким энтузиазмом, что забрызгивает нос чернилами — и, виновато поёрзав, Таша утыкается в свою книгу. «Кристалль была первым Чудотворцем»... «первым» или «первым и последним»? Как посмотреть и кого послушать...

Хотя не стоит забывать, что имеешь дело с отцом Дармиори.

«...и последним Чудотворцем. Кристалль говорила, что не надо считать её ни богиней, ни святой, но она дала пребывающим во тьме невежества и страха людям величайший дар Богини — магию. Раз в год среди избранных ею Кристалль проводила Волибное Крещение, и люди, коих она окрестила, обретали магический дар. Кристалль поведала нам о сотворении мира и основала церковь, дабы люди могли служить Богине Льос, ниспославшей её. Кроме того, именно она объединила разрозненные людские племена в единый народ, заставила их позабыть о различиях их верований, языков и куль-

тур и сплавить их воедино.

Однажды Кристаль незаметно покинула Аллигран, и до сих пор никто не знает, откуда она явилась и куда ушла, но щедрые дары её остались: святые заповеди и священное писание, маги, которые были призваны облегчить жизнь рода людского, а также избранные ею шестеро правителей – самые могущественные маги из всех, воплощавшие в себе духовную, светскую и судебную власть. Их прозвали амадэями, «Возлюбленными Богиней», и с их правлением началась Вторая эпоха.

Вторая эпоха длилась пятьсот лет, и большинство летописей о ней было утрачено в результате событий Тёмного Времени. Предполагают, что эпоха эта была кровопролитной и мрачной. Поначалу люди жили в мире, но затем стали забывать заветы Кристалли, и не было короля, который мог положить конец распрям шестерых алчных до власти амадэев.

Закончилась Вторая эпоха катастрофой, вошедшей в историю под названием «Тёмное Время». Ткань реальности истончилась, и в Аллигран стали прорываться дамнары – кровожадные твари, обитатели Бездны. Однако...»

– Святой отец, можно выйти?

– Нет, – не глядя на вытянутую руку Гаста, рубит дэй.

– Я... по нужде!

– Вот как? Позволишь тебя проводить?

– Да нет, святой отец, что вы, не утруждайтесь, я сам

дойду!

– Мне не тяжело, сын мой.

– Да нет, сидите, вам отдохнуть надо...

– Помилуй, сын мой, разве могу я отпустить тебя одного навстречу искушениям, поджидающим снаружи?

Гаст сгорбливается, тоскливо гипнотизируя книгу для записей: видимо, порыв вдохновения успел иссякнуть.

«...от гибели людей спас Ликбер Великий.

Ликбер Великий был сильнейшим магом всех времён. Он основал в Адаманте Школу Волиебников, славную мудростью своих выпускников, равно как и их абсолютным неприятием тёмных искусств. Некоторые утверждают, что Ликбер был вторым Чудотворцем, а некоторые доказывают, что под видом Ликбера к нам вернулась Кристаль, только в ином обличье. Как бы там ни было, именно Ликбер воззвал к людям с призывом свергнуть амадэев, позавывавших о своём истинном предназначении, и избрать себе короля. Его стараниями амадэи были повержены и убиты, хотя отбивались они так яростно, что Адамант спалили почти дотла. Когда люди короновали племянника Ликбера (Тариша Бьорка Первого), Ликбер отправился в Бездну и ценой собственной жизни запечатал проход между мирами. Его великим подвигом завершилось Тёмное Время, и...»

– Святой отец, я ничего не учил и искренне в этом рассказываюсь. Давайте сделаем так: вы мне зададите любую тему, а я напишу сочинение на пять, нет, на шесть листов!

Ухмылка, с которой дэй смотрит на Гаста, кислее незрелых яблок:

– Я так понимаю, это означает «Таша напишет за меня сочинение, а я сдам его вам».

– Нет-нет, святой отец, честное слово, я сам всё напишу!

– Так что же тебе здесь не пишется, сын мой?

– Святой отец, я же не готов! Мне надо покопаться в книгах, наверстать пропущенное, изучить материал...

Сухие, как душа их владельца, пальцы дэя задумчиво разглаживают очередной разворот плотных желтоватых страниц.

Перед отцом Дармиори трепетала вся деревня. Но у всех бывают слабые места – и у пастыря таким местом был его племянник. В девичестве матушка Гаста, ныне жена прадмунтского старосты, звалась Дармиори-лэн; её старший брат долго злился, что сестра не возжелала последовать его примеру и посвятить жизнь служению Богине, но потом пришёл к выводу, что семья и ребёнок – это очень даже неплохо.

Сам ребёнок, к его большому сожалению, об этом прекрасно знал.

– Ладно, – странно злое изрекает дэй. – Иди. Напишешь про Вторую Раздельную войну.

Гаст мгновенно сгребает немногочисленный скарб в сумку, пока Таша грустно вертит в пальцах перо, думая о предстоящей работёнке.

– А на следующем уроке, – непринуждённо продолжает пастырь, когда класс оглашает задорный грохот освобождённой парты, – письменно изложишь мне содержание своего сочинения.

Гаст замирает, так и не закинув сумку на плечо – и завистливые взгляды одноклассников сменяют злорадные.

– Изложу содержание?..

– Тезисно, конечно. Но следуя подробному плану. Под моим неусыпным наблюдением, естественно.

От обиды Гаст чуть не давится воздухом.

– Это... это...

– Всего хорошего, Гаст.

– Это нечестно!

– Сам вызвался, сын мой.

«...так шестьсот лет назад закончилась Вторая эпоха Аллигрانا.

Третья эпоха длится по сей день, и было в ней всякое (семь многолетних войн провинций, восстание Талира Чёрного и ужасная битва на Кровавой пустоши, свержение династии Бьорков и многое другое), однако историки сходятся во мнении, что это – самая мирная и благостная эпоха для жителей Долины».

Провожая взглядом Гаста, бредущего к выходу с обречённостью человека, которого за дверным косяком ожидает топор палача, Таша украдкой улыбается.

Всё же друг-оболтус – это не только домашние работы

за двоих и тщетные попытки привить ближнему своему хоть капельку учебного рвения. Будь Гаст примерным мальчиком вроде неё самой, они бы оба, наверное, уже умерли со скуки...

* * *

Нырок из сна ознаменовался тем, что Таша открыла глаза, но темнота перед ними осталась почти такой же тёмной.

Подняв руку, она нащупала бархат капюшона, который точно не накидывала. Ответ на вопрос «зачем это понадобилось Арону» прояснился, как только Таша скинула плотную ткань с лица и ощутила на коже водяную прохладу. Где-то очень высоко ливень танцевал на мокрых листьях, но капли не стекали по листве – разбивались в пыль, влажным туманом оседавшую вниз.

Интересно, который час? Вокруг серый сумрак, и неба за лиственной крышей не видно...

– Полдень. Доброе утро.

Арон сидел за границей защитного круга, сложив руки на груди, прислонившись спиной к дереву. Рядом Принц мирно общипывал губами мох.

– Доброе, – спросонья голос её чуть хрипел. – Давно вы... так сидите?

– До рассвета я из круга не выходил, не беспокойтесь.

– Я не о том.

– Если волнуетесь, спал ли я – спал. Немного. Но до того два дня отдыхал в трактире, так что и об этом не беспокойтесь.

Таша потянулась, пряча смущение. Откинув капюшон с лица Лив, легонько потрясла сестру за плечи.

– Не думаю, что вы добьётесь успеха. – Арон сочувственно наблюдал за тщетными попытками разбудить неизменно спящую девочку. – Здесь замешана магия, и она не может проснуться... пока.

– Знаю. – Таша устало отвела с лица прядь влажных волос. Знать бы ещё, когда кончится это «пока»... – Значит, перекусим и едем дальше?

– Не хотите переждать дождь?

– Он надолго, похоже, – прислушавшись к животному чутью, резюмировала Таша. – А нам, я так понимаю, желательно скорее оказаться подальше отсюда.

– Резонно.

– Ничего, дождь небольшой и тёплый, не простудимся. – Она сонно потёрла глаза костяшками мокрых пальцев. – Я в дождь часто гуляла. Мама, правда, ругалась потом...

Слова сорвались с губ прежде, чем обдумались.

Слова должны были резануть болью, но боли не было. Лишь лёгкий укол в сердце да смутные воспоминания, всколыхнувшиеся в памяти: не ранившие, будто размытые дымкой многих минувших лет.

С момента встречи с дэем Таша почти не вспоминала о

смерти матери. И проснулась в *нормальном* настроении...

– Таша, живым – жизнь, – сказал Арон, пока она пыталась понять, что в первую очередь заставило её оцепенеть: непонимание или стыд. – Люди уверены, что после смерти близких обязаны скорбеть, забывая о себе, но забывают и то, что покинувшие нас едва ли желали бы этого. У вас было и будет слишком много забот, чтобы думать лишь о мёртвой матери, когда в вас нуждается живая сестра. – Дэй кивнул на сумку, ждавшую рядом с серым кострищем. – Ешьте.

Какое-то время Таша ещё смотрела на свои руки, с которых не так давно смывала кровь.

Мельком качнула головой – уже без стыда, – и достала хлеб.

– Наверное, мне лучше часть пути проделать в другом обличье. Пролететь, – сказала Таша, отрывая мягкую горбушку. Корка чуть отсырела, пальцы были грязными, но обстоятельства не располагали к капризам. – Так Принцу будет легче.

– Уверены, что не потеряете нас из виду?

– Уверена. Буду кружить прямо над вами. Только подожду, пока из лесу выедем. – Нежный мякиш вдруг встал Таше поперёк горла. – И вам придётся... забрать и сложить мою одежду. Когда я перекинусь.

– Полагаю, с этой задачей я справлюсь.

Когда Принц с тремя седоками на крупе порысил по лесной тропинке по направлению к тракту, Таша всё ещё пыта-

лась свыкнуться с мыслью, что раздеваться и перекидываться ей придётся не в уютном уединении запертой комнаты, а фактически за спиной у незнакомца.

С другой стороны, на ближайшее время о желании уюта, комфорта и всего, что было ей привычно, лучше просто забыть.

– И что мы будем делать теперь? – спросила она, отвлекаясь от глупых мелочных волнений. – Куда поедем?

Лес, ночью казавшийся таким мрачным, сейчас выглядел просто... живым. В лиственном шелесте слышался шёпот; казалось, можно различить, как под древесной корой бьётся пульс. При свете дня жизнь эта не пугала, а, напротив, вселяла какое-то ободрение. Правда, днём обнаружилась другая странность Криволесья – тишина. Никто не копошился в листве, не крался пугливо через чащу. Даже насекомые не жужжали. Казалось, любой живности здесь не место, как на цветущей Равнине не было места пчёлам или бабочкам.

Возможно, в жизни леса просто не было места другим, посторонним жизням.

– Думаю, какое-то время нам стоит провести подальше от нашей родной провинции. В Заречной... или вообще в Подгорном королевстве. Второе представляется мне наиболее предпочтительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.